

ВОКРУГ **СВЕТА**
10 1980
ОКТАБРЬ

ЮРИЙ ПЕРЕСУНЬКО — Створ у Черного Гольца	2-я стр. обл.
ЯНУШ ВОЛЬНЕВИЧ — Люди на атолле	4
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ — Виновата ли «Акула»?	11
Г. СИМОНЕНКО — Из глубины тысячелетий	15
РОБЕРТ ЧЕШАЙР — Отверженные	16
П. ВОГОМОЛОВ — Наследник Сопианы	20
Загадки, проекты, открытия	24
ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВ — Стерх Джордж	25
ТАЙТУРЕ БАТЫРКУЛОВ — Мал мазар	27
ГЕОРГИЙ ДРАГУНОВ, АНАТОЛИЙ ГУЛЯЕВ — «Они пришли как освободители»	28
ЕВГ. БУЗНИ — «Резвейшему из резвых»	32
ЮРИЙ ДОЛЕТОВ — Тайна «марокканской кожи»	33
НАДИР САФИЕВ — Кувшин березовой воды	38
Новости экологии	41
ВЛАДИМИР ПЕСТЕРЕВ — Гюрза	42
ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ — Факел протеста	46
РЕЙМОНД ХОУХИ, РОДЖЕР БИНЭМ — Последний козырь	52
Л. МАРТЫНОВ — Длинный марш	59
Пестрый мир	62
«Вокруг света» 50 лет назад	63
ГЕННАДИЙ МАКСИМОВИЧ — Так ли трудно на 87-й?	64
Л. ОЛЬГИН — «День, заполненный сахаром»	64

На первой странице обложки: МОЗАМБИК. Рубка леса на государственной плантации в провинции Шимойо.

Ценные породы дерева вывозили из Мозамбика многие сотни лет. Но только в последние годы на стволах появилось клеймо «Народная Республика Мозамбик. Национальная лесная компания».

Фото С. КУЛИКА

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА,
 В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора),
 Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
 О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Над Магаданом висело какое-то очень далекое солнце, и я уже подумывал лететь в Синегорье самолетом, как вдруг погода резко переменялась, задул порывистый ветер, принесший плотные клубы низких туч. На город лег занудливый, холодный дождь, и тогда я решил добраться до Кольмской ГЭС рейсовым автобусом, который теперь ходил по маршруту Магадан — Синегорье. Была и еще одна причина, подтолкнувшая меня к автобусной станции — хотелось опять увидеть череду знакомых кольмских гор.

Я не в первый раз ехал по трассе, знаю ее если не лучше, то и не хуже многих шоферов, но всегда, в любое время года — зимой, весной, осенью или летом, — проезжая по ней, поражался бескрайности невысоких сопков, поросших кедровым стлаником, или сопков с осыпающейся породой, на которой каким-то чудом держатся несколько лиственниц, угрюмых и неприветливых. Эта бесконечная гряда гор убаюкивает своей монотонностью, и многие водители тяжелых машин, дабы не заснуть и не свалиться в пропасть, подвешивают в кабине котелок, чайник или что-нибудь гремучее.

Около Дебина автобус свернул с широкой Кольмской трассы на узкую насыпную дорогу, и пассажиры, большей частью молодежь, начали подтаскивать вещи к выходу. Я почувствовал, как невольно засосало под ложечкой в предчувствии близкой встречи с Синегорьем, которое помню бог знает с каких пор.

...В Пионерный, как девять лет назад называлось будущее Синегорье, мы летели вдвоем с геологом Кудрявцевым, который вбивал здесь первый кольшек.

— Двенадцатого февраля это было, — говорил Кудрявцев под шум вертолетных лопастей. — Морозище жуткий, градусов пятьдесят, не меньше. Ну, мы по зимнику, сколько могли, проехали, а дальше пешком потопали. Больше часа пробивались по снежной целине, наконец начальник ПТО Поляков остановился и говорит: «Здесь». Это и была точка разбивки первого базиса. Оглянулся я, а вокруг лес, сопки и, казалось, вечные снега. Не поверишь,

ЮРИЙ ПЕРЕСУНЬКО, наш спец. корр.

СТВОР У ЧЕРНОГО ГОЛЬЦА

Репортаж с ударной комсомольской стройки

даже жутко стало. Произвели мы тогда съемку на месте будущего поселка, забили первые два штыря. Так что днем рождения Синегорья можно считать 12 февраля 1971 года.

Я слушал тогда Кудрявцева, а сам не мог оторваться от иллюминатора, под которым далеко внизу пробегала чахлая колымская тайга и в нее врезался, рассекая надвое, коротенький еще аппендикс будущей дороги, по которой, словно муравьи, взад-вперед сновали тяжелогруженные машины. Наконец вертолет лег на левый борт, на расчищенной бульдозерами площадке промелькнуло несколько вагончиков, машина задрожала, зависая над деревьями, и мягко опустилась.

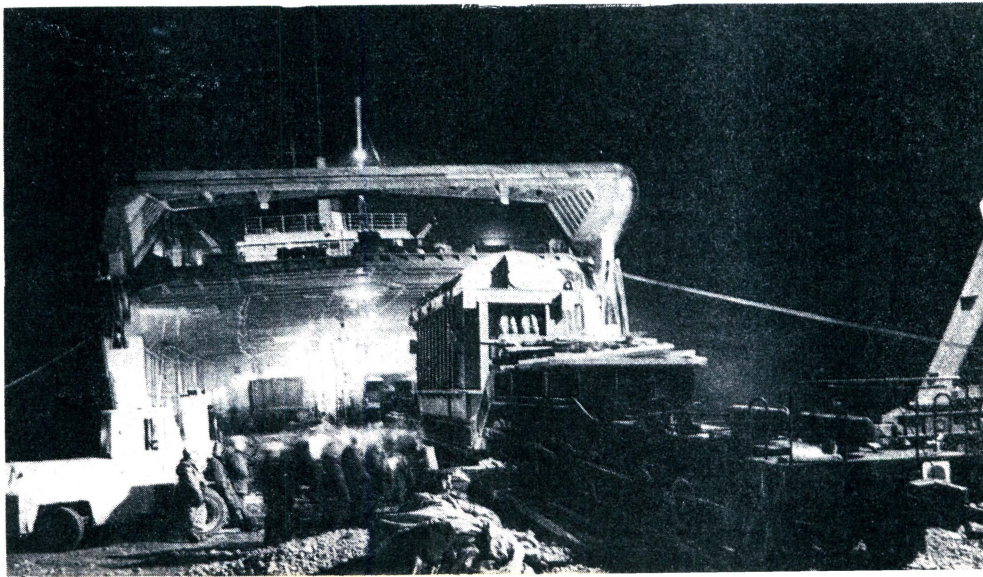
Когда мы с Кудрявцевым выскочили из гудящей машины, то я был поражен увиденным: четыре года, как я не был здесь, и поэтому, улетая из Москвы, надеялся увидеть колоссальную стройку, с техникой, кранами, сверкающими молниями электросварок. Оказалось же, что мы приземлились на заболоченной полянке, окруженной со всех сторон чахлыми деревцами и кустарником, и только откуда-то изда-

лека раздавался перестук топооров да неподалеку красовался сбитый из негодных досок и листов фанеры сарай, на котором висела огромная, от руки написанная вывеска «Аэропорт Надежда». Из раскрытой двери сарая выглядывала ушастая морда черной дворняги.

В растерянности я посмотрел на пилота, который тоже вылез из кабины размять ноги, а над нами уже кружились мириады комаров. Им было наплевать на шум вертолета, запах бензина и

исходящий от нас запах репудина.

— А где же... — не успел спросить я, как вдруг откуда-то из-за кустарника донесся оглушительный треск, и на поляну выскочил до капота забрызганный грязью вездеход. В открытом кузове стояли обмотанные тряпками от комаров Гена Лободов, Алексей Алешин и Виктор Калашников. Так я познакомился с пионерами-синегорцами, которых одними из первых забросили сюда в лютую зиму 1971 года.

Возглавлял ту первую колонну кавалер ордена Трудового Красного Знамени коммунист Владимир Иванович Похлебин. Тогда по зимнику к двум колышкам, что сиротливо торчали из промерзшей земли, пробились три машины: два ЗИЛа с прицепами и автокран. Один ЗИЛ был загружен строительным материалом, второй ташил на прицепе вагончик со стекловатой. К разметочным колышкам они подошли в девять вечера, когда тайгу накрыла жестокая и беспощадная ночь, а спиртовой столбик на градуснике упал за отметку — 50°. Разгрузились, отцепили вагончик, и оба ЗИЛа тут же укатили обратно, оставив десант один на один с тайгой. Надо было обжиться, и они, не теряя времени, тут же очистили вагончик из-под стекловаты, установили в «чем буржуйку», затем втолкнули в сугроб передком автокрана, и он тихо урчал, работая на малых оборотах. Так они и жили, подготавливая площадку для приемки грузов и вагончиков. В свободное время охотились на куропадок, благо у Лободова было с собой ружье.

Вспоминая то время, экскаваторщик Владимир Мацуков рассказывал мне впоследствии:

— Этот год я запомню навсегда. Приехал-то я с Чирейской ГРЭС и сразу же попал в лютой, морозный край, хотя стоял март месяц. Заснеженные лиственницы, и сквозь морозную дымку — солнце. Наши вагончики тогда приткнулись вквивь и вкось, а в узких проездах — бульдозеры, буровые станки. Место-то здесь болотистое, жидкое. А среди всей этой суеты на краю площадки сиротливо стоял новенький польский экскаватор, изготовленный для работы в умеренном климате. Представляешь себе: в марте его намертво схватило колымским морозцем, и мы с помощником кутали его в тряпье, словно ребенка малого...

Десанту синегорцев предшествовали не менее трудные изыскательские работы.

...Когда Николай Емельянович Карпов впервые увидел Черный Голец, на котором предстояло вести бурильные работы, его, опытного изыскателя, теперь уже начальника комплексной экспедиции, охватила паника: он никогда не видел более «замусоренного» и неудобного для бурильных работ места, чем эта сопка. Высотой в 120 метров от подошвы по вертикали, она пестрела проплешинами щебенистой осыпи, в человеческий рост валунами. К тому

же склон, обрывисто падающий в Колыму, почти до самой воды был покрыт кедровым стлаником и лиственницами, которые надо было выкорчевывать вручную, потому что никакая техника не могла туда забраться.

И, глядя на эту неприступную сопку, Николай Емельянович со своими ребятами начал аммонитом, кирками и лопатами расчищать площадки под буровые станки. Когда первая площадка была зачищена, перед людьми встала другая задача: как на такую высоту поднять технику. Вот тогда-то к Карпову в палатку и пришел капитан водометного катера Федор Петров, который вел из Дебина баржу с оборудованием.

— Емельяныч, — начал он прямо с порога, — мы тут с ребятами покумекали, и вроде порешили, как станок-то на Черный Голец втащить.

Карпов поднял голову от топографической карты, с недоумением посмотрел на речника, спросил:

— Это как же?

— А очень просто. Правда, риск большой... — замаялся Петров.

...Белесое северное солнце едва вызолотило вершины лиственниц на Черном Гольце и горе Избранной, между которыми несла воды Колыма, а Петров со своими ребятами и бригадой бородатых бурильщиков, развернув кормой юркое суденышко, уже завел трос катерной лебедки за «мертвяк» и закрепил конец за раму, на которой была установлена махина станка. Когда все было готово, выжидающе посмотрел на Карпова. «Давай!» — махнул рукой тот.

Капитан широко, всей грудью вдохнул воздух и дал команду. И тут же движок взревел всеми своими лошадиными силами, трос натянулся словно струна, в какую-то секунду показалось, что он не выдержит, лопнет, но вдруг станок качнулся и нехотя, забирая сантиметр за сантиметром, медленно пополз по склону вверх.

Николай Емельянович все это наблюдал в напряжении. Но комары мешали сосредоточиться, от их укусов распухли лицо и руки, а Карпов не мог заставить себя уйти отсюда хотя бы на минуту.

Виток, еще виток. Казалось, этим метрам не будет конца. Федор Петров, согнав на берег команду, стоял около лебедки и следил, как кольцо за кольцом наматывается на блок стальной трос. Отсюда, с катера, он не видел, что делалось на сопке, — дельца и густой кедровый стланик

скрывали буровой станок от глаз, но трос наматывался на блок — значит, наверху все шло хорошо. Вдруг лебедка словно споткнулась, нутужно взревела, капитан почувствовал, как мелкой дрожью забился катер и... медленно пополз кормой вверх. Петров заскользил по накренившейся палубе, ухватился за скобу. Почти повиснув на руках, он видел, как его катерок ползет и ползет на берег. Вот уже вся корма на суше. Мощная струя водомета ударила в монолит гранита и искривилась, холодными брызгами рассыпалась в воздухе, окатив капитана с головы до ног...

Когда на самой середине сопки махина станка уперлась в почти отвесную скалу, Николай Емельянович бросился к тросу, который звенел уже как струна и готов был вот-вот лопнуть, схватил отжимное бревно и, рискуя каждую секунду жизнью, просунул бревно в какую-то расщелину между станком и скалой.

Теперь, когда Петров понял, что произошло, он молил бога: только бы выдержал двигатель, пока наверху не ожомят станок. Катер медленно зависал над Колымой, захлестывая гранитный монолит водяной струей, и казалось, этому не будет конца. Вдруг Петров с ужасом увидел, как лопнула одна жилка в тросе, лопнула вторая...

Но в это время Николай Емельянович уперся грудью в бревно, на помощь ему бросился кто-то из рабочих, и тогда тяжелая рама бурстанка нехотя поддалась, выползла из мертвой точки, медленно поползла вверх...

Так начиналось строительство Колымской ГЭС, о которой в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» сказано: «...вести в действие первые агрегаты на Колымской ГЭС».

Всякий раз, приезжая в Синегорье, я видел что-то новое на стройке. В 1977 году совершенной неожиданностью для меня был мост... По давней привычке я вечером вышел на берег Колымы и не поверил своим глазам: на бетонных опорах покоились стальные пролеты, и с берега на берег шла техника. Это был мост через пороги. Я вышел на середину моста, мимо меня неслись машины, под ногами клочкотала порожистая в этих местах колымская вода...

А в зиму 1965 года, когда только велось изыскания, руководитель работ на разведочной штольне Ермаков записывал в свой дневник:

«1 декабря. Температура упала

до шестидесяти ниже нуля. Завтра... Нет, не завтра, а, пожалуй, дней через десяток над порогами по еще слабому льду собирается проехать на своем бульдозере Мулланур Газизуллин, этот упрямый, не согласный ни с какими доводами парень. Сердцем его понимаю, а умом — нет. Никуда он не поедет, опасно. Так ему и сказал. Хотя дорога через пороги необходима нам как воздух. Вертолеты не летают, и буровые работы могут остановиться: нужно новое оборудование, нужна еще одна компрессорная установка...

9 декабря. Сегодня состоялось собрание партийной группы. Внеочередное. И необычное. На нем настоял Газизуллин. Пришли и коммунисты, и беспартийные. «Вместе будем решать вопрос!» — так я предупредил Мулланура.

Собрание согласилось с ним: разрешило ему пробный рейс над порогами».

Так был открыт путь первым грузам на створ будущей ГЭС.

Сейчас пуск моста тоже ушел в историю, но для одного человека этот мост стал своеобразной жизненной вехой.

Как-то осенью бригадир комсомольско-молодежной бригады Геннадий Ткаченко получил письмо из Крыма. Адрес был неизвестный, но вот почерк... «Неужели, Максим?» — мелькнула мысль. Он вскрыл конверт, быстро пробежал глазами исписанный твердым почерком листок бумаги, улыбнулся чему-то своему — Максим просился обратно в бригаду, просил... простить его за мост. Бригадир прочитал письмо, задумался, вспоминая тяжелую и в то же время радостную для всей бригады везну...

В тот день с утра шел мокрый снег. Низкие черные тучи нависали над Синегорьем, но к восьми часам снегопад кончился, в распадок рванул свежий ветерок, над поселком захлопали набитые тугим весенним ветром флаги Первомай. Тучи залохматились, задвигались, и в рваные дыры проглянуло солнце.

Ткаченко, проведший всю ночь на береговой опоре моста, все же решил сперва зайти к Максиму. Поговорить еще раз. Он по себе знал, как нападает иногда хандра, как хочется тогда плюнуть на все и уехать куда-нибудь к теплу, к солнцу.

Когда бригадир вошел в общежитие, Максим валялся на неприбранной постели. Рядом стояли упакванные чемоданы.

— Максим...

— Нет! — Того будто сбросило с койки. — Понимаешь ты:

нет! И не уговаривай. Семь лет электростанции строю, сюда с Виллюя приехал. Понимаешь — устал я! Устал зимой и летом вот это носить, — он запустил пятерню в давно не стриженную бороду, рванул ее. И, как бы успокаиваясь от боли, сказал глухо: — Хватит, зимой слюни морозить, а летом комаров кормить.

Ткаченко поднялся с табурета, посмотрел на чемоданы:

— Только меня к тебе бригада послала. Трудно сейчас на опоре. Очень. Дней через пятнадцать паводок начнется. Каждый человек на счету...

Вспомнив все это, Ткаченко сложил конверт, сунул в карман. Он и сам не понимал, чем же разволновало его это письмо из Крыма.

...Ну и времечко тогда было, особенно для бригадира: дорог еще не было, бетона тоже — вот и приходилось крутиться, засиживаясь до ночи в прорабской, планировать работу на следующий день, расставлять людей так, чтобы простоев не было. Одни укладывали фундамент под котельную, другие лес под площадки валили. Чего греха таить, было и так, что и за глотку хватали: «Заработок давай, бригадир!» А где его взять, когда до начала больших работ еще было, ой, как далеко. Зато, когда вышли они на главное свое дело — на мост, вся шелуха уже отсеялась. Вернее, тогда она и отсеялась.

Геннадий в задумчивости порылся в тумбочке, извлек оттуда старую тетрадь, полистал и остановился на одной из записей: «29 марта. 15.00. Бригада вы-

шла на русловую опору моста. Мороз 40 градусов. Сильный ветер. Звено Ивана Кротова приступило к подготовке основания опоры моста для бетона.

1 апреля. В 15.00 затопило котлован. Отказал насос. В 16 часов котлован был откачан. Мужественно вела себя бригада Надежды Горб. Женщинам пришлось вновь в эту страшную холодную погоду мыть тряпками скалу, на которую должен лечь первый бетон».

«Тряпками протирали, — говорила мне позже Надежда Горб, — так, чтоб пятнышка не осталось. Вы знаете, раньше я как-то не верила, когда читала, будто ЧП происходит в самый ответственный момент. А в тот день поняла, что жизнь — она еще похлеще, чем в книжках, «придумывает». Ребята зачистили скалу, мы ее вымыли, а тут вдруг вода поднялась, насос отказал. Пока его исправили, вся наша работа на смарку пошла. Откачали котлован и двай опять на скале блеск наводить, а мороз был... Девчата потом удивлялись: как мы все это выдержали?! И вы знаете, ну прямо до слез было жалко, когда сделанное вновь и вновь приходилось передельывать. Помню, ребята тогда с ног от усталости валились, но никто домой не ушел, понимали, что именно сейчас решается, быть или не быть мосту».

14 мая в 4 часа ночи пошел бетон в котлован. Резко прибывала вода в реке. А к 18.00 ребята уложили в опору моста последний кубометр бетона.

Когда Ткаченко, усталый и небритый, вместе со своей бригадой

сошел на берег, кто-то из ребят стащил с головы защитную каску и с грохотом швырнул ее на землю:

— Все, бригадир, баста, на ю еду, в отпуск!

После многочасовой тряски в автобусе, когда уже не знаешь, куда и ноги деть, особенно приятно пройтись пешком. Я оставил портфель в гостинице и, загребая ногами дорожную пыль, побрел к Колыме. Хотелось как можно скорее увидеть гигантский муравейник котлована, почувствовать лихорадочный ритм огромной по своим масштабам стройки. Но у самой реки, сам не зная почему, свернул направо и пошел к приткнувшимся на берегу рубленым избушкам геологов; меня с ними связывало многое, очень многое...

...Мы сидели за широким, обильно заставленным местными закусками столом и вспоминали наших товарищей, которые ходили в это время маршрутами новых, не нанесенных еще на карты гидроэлектростанций.

— О перекрытии будешь писать? — неожиданно спросил меня кто-то.

Я кивнул утвердительно.

— Брось, старик. Об этом сейчас все газеты пишут. А ты попробуй-ка написать о тех первых, кто пришел на Большие Колымские пороги и многих из которых теперь нет с нами. Ты на могиле Николая Емельяновича был? А лето... то лето помнишь?..

Помню ли я лето 1967 года, когда наш маркшейдер упал в семиметровый шурф и мне пришлось сплавлять его с переломанными ногами по Колыме в ближайший поселок? Непогодица на Колыме — явление частое и довольно-таки жуткое, но тот августовский снежный буран, что опрокинулся тогда на нас, описать невозможно. Вымокшие до костей, со скрюченными от холода пальцами, мы едва-едва смогли причалить к берегу, на котором приткнулось несколько брезентовых палаток и три бревенчака. Прямо у берега встретил нас немолодой уже человек в брезентовой, выгоревшей на солнце куртке с поднятым капюшоном. Как потом оказалось, начальник экспедиции Николай Емельянович Карпов. Он как-то очень быстро оценил происшедшее, вызвал по радиции вертолет. Когда маркшейдера увезли, он критически осматрел меня — не молод ли? — спросил:

— Сам кто по специальности?

— Взрывник.

— Годится.

— А как же...

— Здесь сейчас люди нужны. Первую на Колыме ГЭС строим.

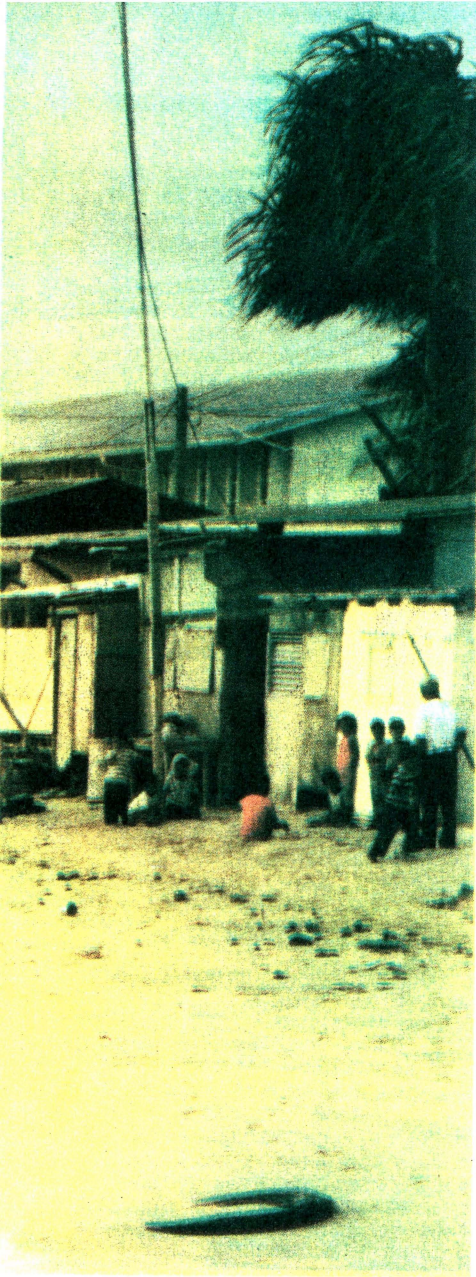

ЯНУШ ВОЛЬНЕВИЧ

ЛЮДИ НА АТОЛЛЕ

Пустая вуаль дождя почти до последней минуты заслоняла все вокруг. Лишь перед самым приземлением самолет осветило сияющее солнце. Только что омытый тропическим ливнем, остров Понапе предстал передо мной во всем очаровании. Преобладала зелень, клубящаяся, пышная.

Как только открыли люк, в самолет ворвался густой жаркий воздух. Прямо над посадочной полосой вздымается ввысь отвесная скала, венчающая островок Соке-эс. Аэродром на Понапе поражает контрастом между современным реактивным самолетом и аэровокзалом под пальмовой крышей на бамбуковых столбах.

ДОЖДЛИВЫЙ САД ПОНАПЕ

В лучах раннего солнца резко очерчена на фоне чистого неба базальтовая скала Йокай. Дождь только что кончился, и зелень, окружавшая меня со всех сторон, была тщательно вымыта, а листья и цветы сверкали ожерельями капель воды, пронизанных солнечным сиянием.

Как только я выбрался из сада, окружавшего отель, коралловая дорога сама привела меня в город. (По европейским понятиям, впрочем, город Колония даже не поселок.) Прохожих было немного, но почти все улыбались мне, незнакомому человеку: «Каселелия!» — «Здравствуй!» Невысокие, светлокожие люди с почти прямыми волосами одеты в хлопчатобумажные рубашки с рекламными, джинсы и яркие куртки. Одежда эта появилась за семь лет существования на острове аэродрома для реактивных самолетов. До этого понапейцы обходились набедренными повязками.

По мере приближения к центру я заметил, что хижины с пальмовыми крышами виднеются в гуще зелени все реже. Вместо них появились стандартные деревянные постройки явно не островного происхождения: помещение почты, какое-то еще закрытое туристическое бюро, здание администрации с флагштоком.

Мне нужно было встретиться с представителем местной власти. Из администрации округа лишь несколько человек слышали о существовании Польши, но все без исключения были ко мне очень внимательны. Поняв, что меня интересует, чиновники единогласно решили, что прежде всего мне необходимо познакомиться с мистером Пенселом Лоуренсом, хранителем городского музея.

Меня довезли на машине до конца дороги. На острове вообще очень мало дорог, и объехать на машине вокруг Понапе или отправиться внутрь острова невозможно.

Пенсел Лоуренс оказался человеком отзывчивым. Правда, его музей не слишком впечатлял. Один большой зал, немного запыленных экспонатов, две или три витрины. Зато мистер Лоуренс Пенсел был точен в сообщениях об острове:

Понапе — одинокая базальтовая скала, поднимающаяся со дна моря. Вершина этого вулканического образования возвышается над океаном почти на девятьсот метров в виде горы Тотолом. Коралловые рифы, разумеется, результат деятельности полипа, который самоотверженно трудится на склонах этой подводной пирамиды. Понапе — клочок площадью в триста квадратных километров — принадлежит к числу островов, известных самым большим количеством осадков во всей Океании: с

годовой цифрой, превышающей четыре с половиной тысячи миллиметров. Почва великопенная. Жителей около семнадцати тысяч. С незапамятных времен остров делится на пять округов-княжеств: Сокеэ, Уэ, Нэт, Мадолениэмв и Кити. Во главе этих округов стоят вожди; традиционная система власти и кланы пережили здесь времена испанской, немецкой, японской оккупации и сейчас существуют параллельно с администрацией, введенной американцами.

Мистер Лоуренс замолк; к нам приближался какой-то человек. Оба разговорили на местном языке. Хранитель представил меня своему знакомому, подчеркнув с непонятной еще для меня значительностью, что тот живет на атолле Нгатик; это около ста миль от Понапе. Новый знакомый по имени Билли был видный мужчина высокого роста с характерной для микронезийцев кожей оттенка меди и с удивительно светлыми глазами. Мне показалось, что он великолепно говорит по-английски.

Они побеседовали еще немного, и Билли пошел дальше, уговорившись с хранителем встретиться несколько позже.

— Билли с семьей живет на Нгатике, — еще раз значительно подчеркнул хранитель.

— А что, там у всех такие голубые глаза? — спросил я.

— Так вы все-таки заметили! — обрадовался Пенсел. — Ведь он прямой потомок бунтовщиков-китобоев. Кстати, среди моих предков тоже есть французский китобой, — добавил он не без гордости.

Теперь мне все стало ясно. Речь шла об известном в истории Южных морей событии — массовом убийстве всего мужского населения атолла Нгатик, совершенном взбунтовавшимся экипажем британского китобойного судна. В 1800 году моряки перестреляли всех островитян мужского пола, чтобы те не мешали ухаживать за их женами и дочерьми. Это истребление «дикарей», собственно, не произвело никакого впечатления на остальной мир, а часть матросов навсегда осела на атолле, положив начало новому населению и даже новому языку, представляющему собой смесь понапейского и английского. Боюсь, что французский предок Лоуренса был не меньшем негодяем, чем его английские коллеги...

— Как можно добраться до Нгатика? — спросил я.

— Нанять лодку. Но в это время года не стоит и пытаться. Приближается тайфун.

ДЕНЬ С ХРАНИТЕЛЕМ

Пенсел явился за мной в отель пунктуально. Он обещал показать деревню Мпомп, но честно пред-

19 октября 1529 года остров Понапе был открыт испанским мореплавателем Альваро де Сааведра. Запись об этом была сделана в бортовом журнале. Однако жители Понапе так и не узнали, что были открыты странными белыми людьми, явившимися на плавающих островах, увенчанных облаками парусов. Понапе был открыт заново в 1828 году. Его нанесла на карты русская экспедиция во главе с Федором Петровичем Литке, совершившим плавание на барке «Сенявин». Поэтому на многих современных картах Понапе и близлежащие атоллы обозначены как острова Сенявина.

НАН МАДОЛ — ВОПРОС ВОПРОСОВ

Лодка плавно скользила по хрустальной воде лагуны. По левому борту, метрах в двухстах-трехстах, у полосы рифов, кольцом окружающих остров, кипела и пенилась вода. При встречном ветре парус отлично тянул каноз, а слабенький моторчик на корме добавлял скорости. За его работой, присев на корточки, сидел Джимми, симпатичный микронезец из отеля; прямо передо мной сидел Пенсел.

В ярком утреннем солнце, которое разбросало по волнам сверкающие блики, я отчетливо видел архитектуру кораллового дна. С увеличением глубины оно приобретало пастельные тона — от бледно-зеленого до темного изумруда. По мере нашего продвижения я научился уже издали, по цвету воды, различать мели, образованные наносами песка, и глубокие места, где нам не угрожало столкновение с рифами. Время от времени мой взор останавливался на балансирах, прикрепленном без единого гвоздя, только с помощью мастерски сплетенного лыка, к корпусу лодки, выдолбленному из ствола. С трудом верилось, что всего несколько дней назад я прилетел на этот остров на реактивном самолете.

Мы медленно огибали восточный берег острова, направляясь на юг. Шел уже третий час плавания. Джимми осторожно вел лодку, маневрируя между камнями, большими и малыми. Наконец из-за очередной коралловой скалы, покрытой растительностью, показалась постройка. Длинные базальтовые балки вздымались на высоту нескольких метров над головой, сложенные штабелем, как огромные жертвенные костры.

Лодка, управляемая ловкой рукой, подошла к полуразрушенным ступеням, ведущим прямо к широкому провалу, некогда воротам в гигантской стене. Тишина. Единственным звуком здесь был мягкий плеск воды, заливающей черный, покрытый мхом базальт. Стены у входа были толщиной метра в четыре. Передо мной раскинулся внутренний двор, а на нем темными пастями зияли какие-то подвалы. Возвышались доколы, стены. Даже профану было ясно, что эти каменные балки не менее шести метров длиной весили

Балансир крепят с помощью сплетенного лыка к корпусу лодки, выдолбленному из целого ствола или сшитому без единого гвоздя из тесаных досок.

Жители Понапе — искусные мореходы и корабли.

упредил, что там нет ничего экзотического.

По дороге он принялся излагать основные сведения об общественном устройстве острова. Я узнал, что жители Понапе исстари делятся не только на двадцать кланов, но также и на благородных и престолярные. В здешнем обществе мать — единственное лицо, от которого ведется род, определяются все родственные и социальные связи. Благодаря этому брат матери для ее детей — лицо более важное, чем родной отец. Таким образом, в понапейском обществе женщина имеет более высокий статус, чем у многих других племен, населяющих острова Тихого океана.

Уникальная особенность Понапе — насколько мне известно, не только в масштабах Микронезии — институт двух вождей в каждом из пяти понапейских кня-

жеств. Одно титулуют «нанмарки», а другого «нанкин». Это двоевластие обеспечивает княжеству равновесие его структуры, которое подкрепляется браками между семьями обоих вождей. Основные детали этого механизма сохранились до наших дней.

По легенде первым нанмарки был великий завоеватель Понапе Исокелекель, а первым нанкином — его сын Налепениен. — В прежние времена коронация нанмарки княжества Малоленизм совершалась очень торжественно: ночью, с участием посвященных. В нее входят шествие с факелами, заклинания, натирание нового вождя обломком коралловой скалы, усаживание его на платформу. Вождя сажали на возвышение не без умысла: до сих пор мы, простые смертные, обязаны всегда держать голову ниже, чем нанмарки. Поэтому, если вождь не сидит на возвышении, ходить от него поблизости можно, лишь согнувшись в три погибели. В присутствии вождя даже дети должны спрашивать разрешения влезть на пальму, чтобы нарвать кокосов.

Самое приятное для меня известие хозяин припас на конец прогулки: на следующий день нам предстояла морская поездка к таинственным руинам Нан Мадол! К неизвестной цивилизации, а возможно, остаткам мифической Микронезиды...

три-пять тонн каждая и что несколько веков назад их воздвигли гигантский труд и организованные усилия многих тысяч человеческих рук.

В задумчивости бродил я по обширному двору, вымощенному черным базальтом, из которого кое-где поднимались стройные пальмы, кустарник и даже мощные стволы хлебного дерева. Удивительны силы природы, раздирающие слабыми на вид корешками глыбы скал!

Пенсел бесшумно присоединился ко мне. Он понимал, что я поражен огромной постройкой, воздвигнутой на этом крошечном зёрнышке суши, окруженном океаном. Поэтому он очень деликатно, осторожно вступил в свою роль гида:

— Здесь были захоронения владык... А в этой пещере сохранились узники, приговоренные к пыткам...

Я двигался среди остатков глубокой древности, поглядывая на указанные места. Вот низкие отверстия в стене: они служили входными воротами для простолодинов, повелители острова и благородные пользовались широкими входами.

— Для островитян эти развалины были когда-то табу, — говорил Пенсел, — впрочем, это табу сохранилось: далеко не все жители Понапе отваживаются приплывать сюда. Эта часть руин но-

сит название Нан Довас. По мнению всех ученых, здесь была крепость, которой пользовались только во время войн. С большой степенью вероятности установлены места постоянных сторожевых постов, вот на этих двух строениях. Даже нашли костры, на которых они готовили себе пищу. В настоящий момент Нан Довас — лучше всего сохранившаяся часть всего Нан Мадола. А теперь идем вниз, я покажу тебе самую большую базальтовую глыбу.

Глыба действительно была внушительная. Уложенная в фундамент, она выростала прямо из воды и представляла собой угловой бастион. Вытесанный ступенями, он был мощным основанием для нескольких опирающихся на него базальтовых столбов. Меня больше всего поразило мастерство, с которым были пригнаны балки. Вблизи это напоминало строительное искусство инков.

Пенсел посмотрел на воду и решил, что при этом уровне прилива нам еще удастся пройти пешком в направлении открытого моря и посетить Нан Мволюэсеи и Кариаэн. Я не знал, что означают эти два названия, но охотно последовал за ним. Мы брели по колену в воде канавами, выложенными базальтовой плиткой. Нан Мволюэсеи оказался останками мощной стены, некогда защищавшей Нан Довас от ярости моря; теперь от нее сохранились лишь

небольшие фрагменты, однако на них стоило взглянуть, хотя бы ради поэтической легенды, рассказанной Пенселом:

— Давным-давно Нан Мволюэсеи служил местом испытания для молодых понапейцев. По ритуалу, прежде чем отправиться на Нан Мадол, молодой человек должен был взойти на эту высокую стену, взять в руки небольшой камень, произнести над ним магические заклинания, бросить его в море и прыгнуть вслед. Прыжок был очень опасен, так как у основания стены жили вечно голодная акула Лнеоун и ее муж Оун. Эти «смилые» супруги, услышав всплеск, мгновенно являлись в надежде на пиршество, но, увидев, что это всего лишь камень, уплывали назад. Отважный воин успевал нырнуть и всплыть прежде, чем возвращались акулы. Если заклинания не были достаточно убедительными или воин был не слишком проворен, ему никогда не удавалось попасть в святилище Нан Мадол.

Кариаэн оказался местом захоронения жрецов, которое размещалось в базальтовом городе, поблизости от резиденций владык острова. По верованиям, существующим на Понапе и до сегодняшнего дня, духи особенно часто посещают именно это место. Основным доказательством служат покрывающие постройку заросли с нежными красными цветами. Пенсел показал мне это чудо; действительно, на почве, насквозь пропитанной соленой морской водой, раскинулись необычайно пышные заросли.

Вымокшие и исцарапанные, мы вернулись на внутренний двор Нан Доваса. Пенсел снова проверил

уровень воды и предложил отдохнуть.

— Надо подождать часок, пока вода поднимется, — пояснил он, — иначе не проплыть.

Мы разложили в тени дерева привезенную снедь — бананы, кокосы, печеные плоды хлебного дерева. Я замучил вопросами хранителя музея.

— Откуда этот строительный материал? Ведь здесь вокруг только коралл, и то немного. Откуда базальтовые балки?

— Исследователи считают, что базальтовые балки вырублены и доставлены с горы Сокеэс.

— Не близко, мы плыли оттуда не меньше трех часов! Каким же образом перевозили такие тяжести в те времена?

— Считаю, что базальт переправляли на плотках — камни подвешивали под ними в воде.

— Допустим. А как эти камни поднимали наверх?

— Скорее всего вкатывали и втягивали по наклонным платформам, сделанным из коралла.

— Сколько же требовалось для этого людей и времени!

— Этого никто не знает и, наверное, не узнает никогда.

Я умолк, жуя банан. Построен величественный город, подумалось мне. Построен на острове, где сейчас живет семнадцать тысяч человек. В 1855 году, как известно, людей было только пять тысяч. В настоящее время при развитой службе здравоохранения в радиусе двух тысяч километров от Понапе проживает не более пятидесяти тысяч островитян, из них способны к тяжелым работам не более трех тысяч. Каким же образом и с какой целью был воздвигнут этот гигантский город?! Возможно, правы те исследователи, которые утверждают, что район Каролинских островов когда-то представлял собой большой материк. Тепе-

решный архипелаг лишь остаток погрузившейся в океан суши. Затонувшая Микронезида — аналог мифической Атлантиды? Что ж, Нан Мадол был бы недурным подтверждением этому.

С бананом давно покончено, а я все еще продолжаю пережевывать свои мысли. Необычная письменность жителей острова Волеан, входившего в состав Каролинских островов, пожалуй, тоже могла бы служить подтверждением тезиса о существовании Микронезиды. Английский ученый Макмиллан Браун посетил остров в 1913 году и записал, что эта письменность «известна пяти жителям острова, причем нет оснований полагать, что ее выдумал один из этих пятерых». Браун исключает также возможность изобретения оригинального письма после прибытия европейцев, так как в этом случае в его основу был бы положен либо рисунок латинских букв, либо рисунок предметов, распространенных тогда в меновой торговле. Однако такое подобие отсутствует. По мнению Брауна, письмо с Волеан представляет собой остатки письменности, возникшей в мифической Микронезиде со столицей Нан Мадол на острове Понапе. Микронезида, Пацифида — может быть, эти предположения получат подтверждение с помощью археологов, причем последнее слово будет за подводной археологией.

— Послушай, Пенсел, — снова начал я свой допрос, — на этих развалинах работали какие-нибудь археологические экспедиции?

— Насколько мне известно, в прошлом столетии первым исследовал их систематически твой соотечественник Кубарий. Были, правда, еще стихийные изыскания китобоев, застрявших на острове, и миссионера Галлина. Кубарий составил подробный план, которым руководствовалась большая немецкая экспедиция, копавшая здесь в 1908—1910 годах. Поляк сам открыл, кажется, тринадцать погребений.

— Я знаю. К сожалению, его коллекции погибли в 1874 году со шхуной «Альфред», которая затонула на рифах вблизи одного из Маршалловых островов.

— Очень жаль. Я не знал об этом. У меня в музее очень мало материалов. После немцев копали...

— Губернатор Берг еще копал! — вмешался в разговор молчавший до этого Джимми.

— Ты прав, сынок, — похва-

С горы Сокеэс доставили морем базальтовые глыбы и сложили из них бастионы и стены.

лил его Пенсел. — Это было в 1907 году. Тогдашний губернатор Каролинских островов Берг вскрыл могилы на островке Пензиэнкитель — мы там побываем — и нашел в них кости древних повелителей Понапе. В ту ночь долго было слышно звучание морских раковин. Утром абсолютно здоровый губернатор скончался по неустановленной причине.

— Эта история очень похожа на то, что происходило в гробницах фараонов!

— Не знаю, не слышал.

— Если хотите, я провожу вас завтра к могиле Берга, — предложил Джимми.

Беседа затихла. Растянувшись под деревом, я смотрел в небо сквозь причудливо вырезанную листву хлебного дерева. Однако я еще не исчерпал пенселовский кладезь знаний о Нан Мадоле.

— Что же было потом? Кто исследовал эти руины?

— После немцев копали японцы, в 1928 году. Они нашли кости людей вдвое больших размеров, чем у обычных островитян...

Опять загадки, подумал я. Давно вымершая раса?

— ...В 1942 году в Нан Мадоле работала большая японская экспедиция... В 1948 году были американцы, потом опять ученые из США, а недавно — работники музея Бишопа на Гавайях. Я немного помогал им и знаю, что скоро прибудет еще одна экспедиция из Штатов, причем с аквалангистами, и впервые проведет подводные исследования в этом районе.

— А как насчет возраста этих руин? Он точно установлен?

— Точно... — Пенсел сделал паузу. — Радиоуглеродный анализ остатков костра на сторожевой башне показал, что им больше восьмисот лет. Может быть, так...

ГИБЕЛЬ САУДЕЛЕВРОВ

— Наверное, у вас на Понапе есть какие-то свидетельства, устные рассказы?

— Вообще-то есть, но это длинная история.

— Расскажи, пожалуйста.

— Очень-очень давно, так давно, что никто уже не помнит, на острове жили два брата, Олсила и Олсопа. Они решили построить большой «леи», на нашем языке это означает каменный дом. Сначала они строили его возле гор Нэт, потом на берегах Уэ — остатки этих построек сохранились на Понапе до сих пор. Но в конце концов они выбрали самое лучшее место недалеко от островка Темвен; это как раз то место, где мы сейчас находимся. Было построено восемьдесят искусственных островков, на которых и возвели Нан Мадол...

— Извини, Пенсел, — прервал я его, — не хочешь ли ты сказать,

что весь Нан Мадол стоит на искусственно насыпанном грунте?!

— Конечно. Так и есть на самом деле. В этом не может быть ни малейших сомнений. Именно поэтому Нан Мадол называют Венецией Океании. Лишь малая часть этих построек стоит на естественной суше — острове Темвен.

Я задумался и прекратил дальнейшие расспросы. Пенсел подождал минутку и продолжил рассказ.

— ...Люди клана обоих братьев не могли построить крепость Нан Мадол своими силами. Поэтому они попросили помощи у жителей Мадоленизмв, на территории которых возводился город. Потом, как свидетельствует предание, помощи просили у всех понапцев, а также у жителей соседних островов Восточных Каролин.

В танцах и пантомимах хранят жители Понапе легенды о древней культуре.

Работы продолжались, и Олсопа после смерти брата стал первым повелителем острова, дав начало целой династии Сауделевров. По легенде их было шестнадцать. У нас помнят о каждом. Так, например, правитель Саконе Мвеи наверняка имел бы у европейцев прозвище Жестокый. Раипвенлако был Саудемон — Ревнивый. Ревность его и погубила, а вместе с ним и всю династию. А было это так.

Бог грома Наэнсапве завел шашни с неверной женой Саудемон. Тот разгневался и решил поймать бога и замучить. Однако богу грома удалось бежать на соседний остров Кусаиз. Он нашел женщину, и та родила ему сына-мстителя, которому дали имя Исокелекель. Однажды он и триста тридцать его воинов прибыли в Нан Мадол, победили воинов Саудемон, пос-

ледного Сауделевра, и захватили власть в святом базальтовом городе и на всем Понае. Исокелекель положил начало новой династии нанмарки. В памяти понапейского народа сохранился двадцать один повелитель этой династии, которая существует и сейчас. Они продолжают править на Понае наряду с американской администрацией и органами самоуправления. Однако резиденция нанмарки теперь не Нан Мадол, а Темвен, который входит в состав Мадоленэмв.

Мы собрали наше скромное имущество и уселись в лодку. На этот раз Пенсел поместился на носу, а Джимми сидел на руле. Началось необыкновенное плавание. Мы шли по каналу с берегами, выложенными базальтом, который во многих местах, наверное, обрушился в воду, так как берега зияли широкими провалами, то и дело скрывались в мангровых зарослях; лишь время от времени из чащи виднелись фрагменты призм, выложенных из базальта. Вероятно, мы плыли по главному каналу — он был довольно широк. Пенсел, ораторствующий на носу лодки, временами и впрямь напоминал гондольера на Канале Гранде в Венеции.

— Вот место, где натирали благовониями тела мертвых, а здесь были руины по названию «пейнеринг», где для всего Нан Мадола производили кокосовое масло.

Он показывал, где многочисленны экспедиции находили погребения. Были и другие сооружения, представлявшие собой когда-то центры информации, — на острове стояли священные деревянные барабаны, обтянутые кожей скатов. Их зычные голоса рассказывали жителям города обо всем, что им было положено знать.

Каноз петляло по каналам, скрытым под арками сросшихся кронами деревьев. И повсюду можно было разглядеть остатки базальтовой облицовки берегов. Мне особенно запомнились Паэн Кадира, Идеэд и Келепвель.

Паэн Кадира — это остатки квадратной постройки размерами значительно меньше Нан Довас. Когда-то она была административным центром базальтового города. Место было строжайшим табу. Сюда имели доступ только правители, их жены и — по специальному разрешению — чиновники. Эти последние имели право входить только через главный вход, в противном случае им грозила казнь. Свой копыа они оставляли перед входом. Представителям каждого округа в Паэн Кадира отводилась особая башня. Древние легенды гласили: если башня рухнет, подмытая волнами, погибнет и род, которому она принадлежит. Угловая башня Сокеэс обрушилась без всяких видимых причин в 1910 году, почти одновременно с восставшим жителям одного района про-

тив немцев. Население Сокеэс было тогда почти полностью уничтожено. То же произошло на острове Кусаиэ, где в результате деятельности белых численность населения резко упала.

Руины Келепвель находятся на противоположной стороне канала. В результате многочисленных исследований, в том числе Смитсоновского института в 1963 году, было установлено, что скорее всего здесь находилась резиденция самого Исокелекеля и его трехсот тридцати воинов. Пенсел показал мне кучу тщательно обработанных камней округлой формы. Возможно, они служили гвардейцам повелителя для каких-то игр.

Место, которое называлось Идеэд, принадлежало жрецам Нан Мадола. Оно занимало небольшую площадь и почти совсем исчезло в зарослях. Если бы не Пенсел, я ни за что не заметил бы остатков каменной печи и маленького углубления вроде небольшого бассейна. Пробы, взятые учеными с пода этой печи, указывали на то, что ею пользовались лет шестьсот назад. В маленьком бассейне держали священных угрей, которым, соблюдая сложный церемониал, жрецы приносили в жертву черепах, чтобы умилостивить богов и избежать их гнева.

Пенсел был неутомим. На меня непрерывно изливался поток труднейших названий и интереснейшей информации. Несмотря на это, ни одно из прудемонстрированных мне мест «Венеции» не производило и половины того впечатления, как Нан Довас.

Когда лодка выбралась из пучины мангров и черных камней на широкое пространство чистой, спокойной воды, в моей голове была мешанина из рассказов, гипотез, различных мнений, фактов и картин базальтового города, увиденных собственными глазами. Угри, воины, бастионы, гробницы — наверное, все было именно так, как реконструировали глубокое прошлое ученые.

Но главный вопрос оставался открытым: почему именно здесь, в центре Тихого океана? Кто научил этих людей инженерному искусству? Откуда взялись кости людей-гигантов? Откуда прибывали сонмища рабочих-строителей? По своим размерам Нан Мадол не уступает Мачу-Пикчу, не уступает и пирамидам, построенным майя, изощренными в математике и астрономии. Откуда же сорок один гектар построек из базальта на восемнадцати искусственных островах?!

Обратное путешествие было не столь идиллическим. Едва мы выбрались из лабиринта каналов Нан

Мадола, как налетел резкий ветер. Залитый водой моторчик сразу же заглох. Мы пробивались по бурлящему морю, несомые рваным парусом. Лодка ныряла в волнах, и уже не брызги, а целые каскады воды заливали ее. Пенсел сидел у руля. Джимми и я едва успевали вычерпывать воду половинками скорлупы кокосового ореха. Рахитичная мачта угрожающе трещала. «Наверное, Нан Мадол до сих пор табу», — мелькнуло в голове, когда меня обдавало фонтанами воды.

До спасительной защиты — полосы рифов — оставалось полмили, когда лопнула одна из попечин, крепящих балансир. Теперь мы уже не успевали вычерпывать воду. Вожделенная гряда рифов с зеркалом сравнительно спокойной воды укрыла нас в последний момент. Духи Нан Мадола оказались ко мне более милостивы, чем к губернатору Бергу. Я был лишь слегка наказан за прикосновение к тайнам базальтового города: всю следующую неделю, пострадавшая от солнца и соленой воды, слезала ключьями кожа с лица.

...Серебристо-оранжевый реактивный самолет легко оторвался от взлетной полосы. Величественная скала Сокеэс осталась едва различимой каменной морщинкой на изумрудном лике острова.

С высоты в несколько тысяч метров не рассмотреть ни трудных проблем этого островного мирка, ни будущего статуса Микронезии — двух тысяч зернышек суши, затерянных в Великом океане. Сто тысяч человек, две тысячи островов, миллионы долларов, полигоны для ракет, водородные бомбы, новые порты и базы. Отсюда далеко до здания ООН на Ист-Ривер. Здесь есть в изобилии пиво и кока-кола, но не хватает таро и хлебных деревьев, никто не ловит рыбу, все носят джинсы. Но сегодня никто не выходит в море, чтобы помериться с ним силами, никто не возводит монументальных городов. Юноши лениво жуют бананы и ждут смены программы в местном кинотеатре. Будет фильм о Кинг-Конге, а может быть, о Джеймсе Бонде. Земли мало, работы нет.

А ведь тысячи, а может быть, десятки тысяч лет здесь жили отважные мореплаватели. Их не сломали ни тайфуны, ни цунами. Они создавали величественные произведения архитектуры. Мощь Нан Мадола, два ряда колонн на Тиниане — свидетельства прекрасной организации и эффективного труда древних островитян.

Перевела с польского
Л. МАЛАХОВСКАЯ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ
Фото В. МЕНШИКОВА

ВИНОВАТА ЛИ «АКУЛА»?

Грязно-желтая волна выбросила меня на берег. Я забил ластами по скользкой, текучей гальке, норовя нырнуть снова, но море и на этот раз не пустило в глубину. Осязаемо плотная, потуже боксерской груши волна надала еще раз — и заболтался, дав слабину, свинцовый пояс, с ноги сорвало ласт и утащило вместе с откатом.

— Видал?! — словно радуясь случившемуся, закричал Володя Меншиков и стал быстро подтяги-

вать меня за сигнальный конец. — Я же говорил, растрясет и вышвырнет...

Володя сноровисто развязал на моей груди шнурок, стягивающий гидрокостюм, стянул акваланг и оставшийся ласт:

— Видишь, как море раскачало? Три балла тоже не шутка...

— А когда ты погружался, сколько было? — спросил я.

— Ну, пять с хвостиком... Володю гнало в море не праздное любопытство. Началось его

увлечение в 1957 году, когда прочел он книгу Кусто «В мире безмолвия». Потом была первая медаль на первом чемпионате Союза по подводному спорту и много других побед. Двенадцать лет входил Володя в состав сборной страны. Свой спортивный опыт он перенес на службу науке. Новое дело настолько захватило Меншикова, что он оставил многообещающую научную лабораторию, куда попал после окончания энергетического института, и занялся подводными исследованиями.

Здесь открывался целый мир непознанного. Подводники таранно вторгались в археологию и биологию, историю и геологию, в практику строительства кораблей и морских причалов... Во многих подводных делах попробовал себя Володя, и вот сейчас он, старший научный сотрудник, кандидат технических наук, знакомил меня со своим «рабочим местом» — берегом и подводным склоном Пицунды.

...В январе 1969 года здесь разыгралась сильнейший шторм. Несколько дней волны крушили берег. В ночь на 7 января ветер достиг ураганной силы. Галечный пляж исчез, вода провалилась через береговой вал, опрокинула фундамент волноотбойной стенки, разворотила набережную, разбросала, как фанерные щиты, бетонные плиты. В корпусах «Амра» и «Колхети» она залила первые этажи, забила холлы песком и галькой.

Десятки самосвалов сбрасывали на пляж многотонные блоки, строительные конструкции, огромные камни белого известняка — все, что могло бы удержать берег от стремительного разрушения. Нагромождения бетонных кубов и тетраподов лежат и по сей день. Полузасыпанные землей, заросшие травой и кустарником, они напоминают развалины древней крепости.

Шторм в общей сложности продолжался 80 часов.

Неистовые волны дали первое предупреждение новому курорту в Пицунде. Его проектировщики стремились, с одной стороны, уберечь от вырубки реликтовую рощу, с другой, они хотели расположить корпуса как можно ближе к морю, чтобы отдыхающие могли сразу очутиться на пляже. Так, как делают в Прибалтике. Но в Прибалтике высота волн не превышает метра из-за мелководья. Там разрушение волн идет по типу так называемого скользящего буруна. Проходя долгое время над мелководьем, волны как бы закатываются в рулон, и после каждого витка их высота уменьшается. В Пицунде же подводный склон очень крутой. Волны глубокого моря подходят к берегу неразрушенными, особенно при западных ветрах, разгоняясь по Черному морю на длине в сотни километров. У края пляжа стена воды взбегает вверх по склону, сокрушая все на своем пути.

Таким образом, первая ошибка заключалась в том, что здания расположили в зоне прибоя.

Но была и вторая ошибка. Поставленная здесь волноотбойная стенка имела вертикальную переднюю грань. Многие случаи размыва пляжей на участках, где строились такие стенки, показали их полную неприемлемость в защите берега от морских волн.

Острый клив Пицунды выдается

почти на четыре километра в открытое море. Волны подходят к берегам с разных направлений. Не бывает их только с севера, где Пицунда примыкает к предгорьям Кавказского хребта. При сильных ветрах, особенно западных, волны достигают высоты одиннадцать метров и напоминают океанские. Конечно, они оказывают громадное влияние на динамику наносов Пицундского мыса.

Еще не улеглись волнения от первой бури, как в феврале началась вторая. Она была несколько слабей январской, но поскольку пляжа к тому времени уже не существовало, то волны свободно гуляли по прибрежной территории курорта и довершали начатое разрушение. После двух морских разбоев на месте набережной остались груды развороченных плит, горы песка, гальки, битого стекла...

Это был своего рода ответ моря на скоропалительное вторжение человека в природу.

Надо было как можно скорей спасти курорт, успевший завоевать всемирную славу. Но как? Одни предлагали возвести могучие бастионы гидротехнических сооружений, подобно плотинам, что, по существу, уничтожило бы пляжи и само понятие курорта. Другие искали выход в создании вокруг мыса гигантского пневматического волнолома. С помощью подаваемого по трубам сжатого воздуха он бы гасил энергию волн на достаточном удалении от берега. Но как закрепить этот волнолом, если в двухстах метрах уже начинаются большие глубины?!

Пицундская проблема зашла в тупик. Все проекты не давали полной гарантии, поскольку опыта защиты подобных берегов не было ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Для разработки оригинального проекта нужно было решать уравнение со многими неизвестными. Однако самым главным был вопрос: случаен или закономерен размыв пицундского берега?

Тут мнения ученых разошлись. Одни утверждали, что берег курорта с годами может восстановиться за счет поступления новых наносов. Другие, наоборот, доказывали, что Пицунда как форма прибрежного рельефа на современном этапе своего развития уже достигла стадии «зрелости», ее берега постепенно стали отступать. Такими признаками, по их мнению, является размыв берегового вала и гибель сосен на юго-западном краю Пицунды.

Чтобы решить этот спор, не хватало надежных количественных данных, цифр, полученных и выверенных в длительных исследованиях. Поэтому было решено провести комплексный научный поиск. Изучение динамики береговой зоны возглавил специалист с мировым именем — профессор Всеволод Павло-

вич Зенкович. Вместе с заведующим лабораторией Института географии Академии наук Грузинской ССР Арчилом Кикнадзе он создал научный коллектив, в котором оказался Владимир Леншиков.

Прежде всего надо было понять: какие процессы управляют динамикой пицундских берегов? В чем их уникальность как геологического образования и что общего у пляжей Пицунды с другими пляжами Черноморского побережья Кавказа? На эти вопросы должен был ответить геоморфолог и океанолог Владимир Михайлович Пешков. Он уже занимался Пицундой. Когда Владимир закончил институт, Зенкович предложил ему руководство полевыми работами на этом любопытном природном образовании. Но чем глубже вникал серьезный, обстоятельный Пешков в работу, тем больше у него возникало вопросов, о которых раньше никто не подозревал.

Пицунда, подобно Афродите, появилась из морской пены — это Пешков знал. Море при этом было лишь скульптором. Основной строительный материал — наносы — составляла и делает это по сей день река Бзыбь, стекающая с отрогов Главного Кавказского хребта. Ежегодно в половодье Бзыбь выносит в море сотни тысяч тонн обломочного материала и пополняет таким образом «кладовую» Пицунды. Из этих запасов течения и волны забирают гальку и песок и переносят их на пляжи. Около пяти тысяч лет назад уровень моря стабилизировался примерно на нынешней отметке. В это время и зародились очертания современной Пицунды.

Древние греки называли ее Питиунт. У нее была удобная внутренняя гавань, куда заходили корабли, и стояла она из островов, разбросанных по дельте реки Бзыби. Постепенно острова слились в единый массив и прикнули к берегу. От гавани остались лишь нынешние озера Инкит и Анышхцара. Выдвижение Пицундского мыса шло за счет нарастания дельты Бзыби. За пять-шесть тысяч лет галька и песок реки заполнили узкую зону прибрежного мелководья и подошли к большим глубинам.

Выдвижение в сторону моря стало невозможным, но Пицунда продолжала расти в юго-восточном направлении под действием преобладающих на этом участке побережья западных штормов. Когда и здесь дорогу наносам переродили глубины, рост прекратился. В этом месте и образовался Пицундский мыс, где сейчас возвышаются корпуса пансионатов.

В ходе работ пришлось прибегнуть к сложным исследованиям рельефа подводного склона. Для этой цели были привлечены научно-исследовательские суда «Академик Обру-

Стыдно вспоминать, но после двух месяцев работы хотелось, чтобы и эта, запасная, навсегда осталась на морском дне».

Итак, меченый песок попал в каньоны. Пробы грунта также показали, что их русла заполнены пляжеобразующим материалом — песком и галькой. Эти доказательства и были положены в основу обвинительного заключения по «делу» о влиянии каньонов Пицунды на размыв ее берегов.

Профессор Геннадий Александрович Сафьянов, основываясь на результатах изысканий гидрологов МГУ, подсчитал, что Бзыбь ежегодно доставляет около 300 тысяч кубометров пляжевых наносов. К Пицундскому мысу приходит лишь одна треть. Недостача была списана на предустьевой Бзыбский каньон и «Акулу».

Теперь предстояло решить, как изолировать каньоны или хотя бы уменьшить их вредоносное влияние. Были разные проекты. Предлагалось, в частности, перенести устье Бзыби в сторону от каньона или же «отодвинуть» экскаваторами берег от «Акулы», дав возможность наносам беспрепятственно проходить участок транзита.

Однако для обоснования этих проектов опять-таки не хватало данных. Неясно было, как, когда и в каких количествах поступают наносы пляжа в каньоны и как отводятся оттуда

на глубину. Короче, предстояло выяснить условия поступления наносов в каньоны, изучить динамику рельефа их верховий. То есть спуститься к ним на глубину. Для этого Всеволод Павлович Зенкович и призвал Владимира Меншикова.

Выбор оказался удачным: многолетний стаж экспедиционных работ под водой кое-что значил. К тому же в спорте Володя хорошо усвоил истину: хочешь чего-нибудь добиться, трудись до изнеможения. Меншиков разработал оригинальную методику подводных геодезических измерений, в совершенстве владел подводной фотосъемкой, было у него и еще одно известное Зенковичу качество: никогда ничего не принимать на веру, все проверять самому. А это было очень важно. Не все казалось гладким в «деле» о каньонах. Ведь интенсивный размыв берегов начался совсем недавно. Если он связан с каньонами, то нужно объяснить, почему вдруг резко повысилась их активность. Словом, нужен был свежий глаз и непредвзятый подход.

Так Меншиков приступил к исследованиям каньонов Пицунды. Пришел он вместе со своим другом Юрием Андреевым, с которым много поработал под водой.

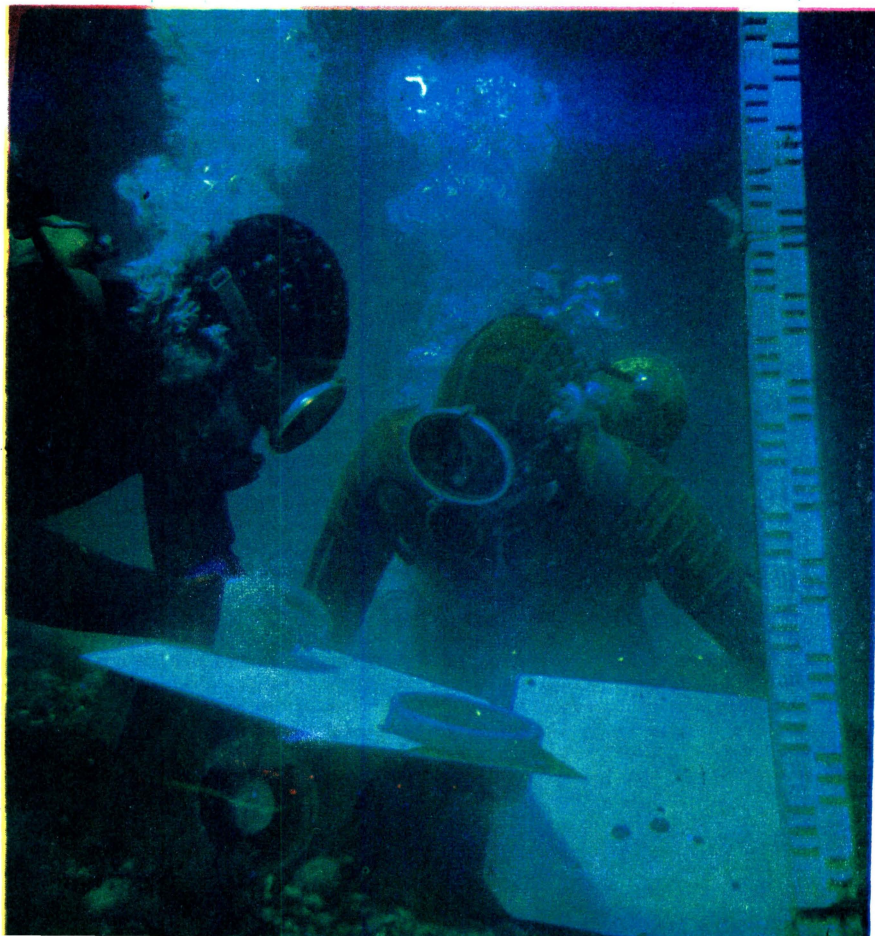
Они ознакомились с рельефом дна «Акулы» по карте Института океанологии, наметили места погружений, отыскали наиболее удобные подходы. Вблизи инкитского берега

чев» и «Московский университет». Результаты замеров с судов породили еще одну гипотезу, открыв новый этап в изучении пицундских берегов. Эхолотный промер показал, что к берегу с больших глубин протянулись шупальца подводных оврагов — каньонов. Их верховья располагаются на разных расстояниях от берега. Есть каньон и прямо против устья реки. Но ближе всех к берегу подходит каньон, обнаруженный у Инкитского выступа. Его вершина начинается в двадцати-тридцати метрах от пляжа на глубине шесть-восемь метров. Контур верховий каньона напоминает широко раскрытую пасть акулы. С чьей-то легкой руки е-о так и назвали — «Акула».

Вскоре появились соображения о том, что по руслам подводных оврагов из береговой зоны уходят на глубину наносы пляжа. Гипотезу проверили. Для этого в Бзыбь и на пляж бросили меченый люминофорами песок. Через некоторое время с помощью вибропоршневых трубок в руслах каньонов взяли пробы грунта, просмотрели их в люминескопе. В лучах ультрафиолетового света искрами вспыхнули меченые частицы!

Это была нелегкая работа. Выбрать трубку из моря, осторожно выдавить гидropомпой драгоценную колонку, разделить грунт по слоям, описать, рассовать по мешочкам — в жару, под палящим солнцем, в качку, от зари до зари... Володя Пешков вспоминал:

«Иногда по несколько часов приходилось делать одну станцию. Это особенно трудно при сильном ветре. Корабль дрейфует, и его все время пронесет мимо цели. Опустить трубку наугад — наверняка попасть на крутой склон каньона. И тогда весь комплект опрокинется. Придется поднимать его ни с чем, весь опутанный тросом и кабелем. В таких случаях можно вообще потерять трубку, как это уже было однажды.

к этому времени уже было выстроено несколько щитовых домиков для жилья, склад для хранения инструмента и надувной лодки, мастерская с компрессорами для зарядки аквалангов.

Опробовав и пригвав подводное снаряжение, Меншиков и Андреев вышли в море. Над каньоном выбросили сигнал для проходящих катеров и моторных лодок: «Внимание! Не входить! Район подводных работ». Спустили буи, по которым можно было ориентироваться под водой.

Прозрачность была идеальной. Сначала выросли валуны, покрытые зелеными и бурными водорослями, потом пошли камни поменьше. На них плясали солнечные блики. Рядом носились стайки кефали. За камнями угадывались крупный песок и галька. Показалась бровка каньона. Наклон дна резко увеличился, хотя глубиномер показывал всего шесть метров. Откос был настолько крутым, что удивляло — как на нем вообще может держаться галька. Казалось, что материал находится в состоянии предельного равновесия, тронь — и пойдет вниз лавиной.

Осторожно скользили Меншиков и Андреев над откосом, едва подрабатывая ластами. На глубине 22 метра прозрачность уменьшилась. Муть нависала пеленой и как будто слоилась. Чуть ниже вода снова стала прозрачной, хотя и очень холодной.

Вдруг Андреев тронул рукой Меншикова, обращая внимание на высокую гряду в каньоне. Она напоминала кита, лежащего головой в сторону моря. Это было неожиданно. Батиметрический план показывал, что в этом месте должен быть просто ровный крутой откос. Неведомо, как и когда она появилась. Ее длина была около 50, ширина — 15—20 метров.

А за грядой шла пропасть. Завороженно смотрели ученые вниз, туда, где склон исчезал в холодном мраке. Хотелось пройти дальше, заглянуть в эту бездну. Но там началась запретная зона. Глубиномер показывал 41 метр: воздух был на исходе.

На обратном пути встретился полузасыпанный песком дубовый ствол. Когда-то дуб рос высоко в горах, лавина или половодье притащила его в Бзыбь, река вынесла в море. Здесь, намкнув и отяжелев, он опустился на дно, а потом подводные течения унесли могучее дерево в каньон.

Меншиков заглянул под его ствол и увидел редких теперь на Черном море горбылей. Рыбы метнулись к корням. Неожиданно из-за коряги, как сторожевой пес, вылетел полуметровый катран — черноморская акула. На большой скорости он устремился к человеку и вдруг за-

мер. Обычно катраны, встретив водолаза, не меняют направления, полагая, что они у себя дома. Но на этот раз катран остановился в метре от маски и озадаченно уставился на аквалангиста. Морда акулы была так близко, что Володя отчетливо видел полуоткрытую пасть, острые, злые глаза. Несколько секунд длилась эта дуэль взглядов. Чтобы не спугнуть акулу, Володя перестал дышать. Первый испуг хищника прошел, страх и удивление сменились любопытством. Катран медленно описал круг, как бы изучая столбик воздушных пузырьков, и нехотя удалился...

Потом начались будни. Появились молодые помощники — океанологи Михаил Гуджабидзе и Тимур Шубитидзе. Оба прошли «школу» Меншикова и уверенно помогали в работе. Как только позволяла погода, группа отправлялась к «Акуле». В каньоне до глубины 40 метров не осталось ни одного необследованного участка. Маркировались все заметные предметы — стволы деревьев, крупные валуны. По изменению их положения судили о движении наносов. Перед каньоном и на его склонах океанологи забили в грунт около шестидесяти стальных трехметровых стержней. Соединив капроновым шнуром их концы, они как бы создали двухкилометровый маршрут водолазного промера. По нему после каждого шторма повторно измерялись изменения дна.

Детально обследовав каньон, ученые усомнились — так уж ли виновата «Акула» в размыте пляжа?

«Акуловеды», которые изучали этот морской овраг раньше, ежегодно списывали на его долю около 80 тысяч кубометров пляжеобразующего материала. За шесть лет наблюдений Владимир Меншиков лишь один раз отметил исчезновение песка в каньоне, да и то в объеме лишь 15 тысяч кубометров. В остальные же годы происходило постепенное накопление материала. В целом рельеф дна оставался неизменным. Результаты наблюдений не подтверждали выдвинутых ранее обвинений.

Когда рождается собственная гипотеза, трудно оставаться к ней объективным. Мучило сомнение: материал может уходить в каньон в шторм, не оставляя следов в его верховьях. И Меншиков пошел на риск, решив обследовать русло «Акулы» во время шторма.

Тщательно и долго отработывалась методика этого небезопасного эксперимента. Разрешение на него было дано только с учетом тренированности Меншикова, его опыта работы под водой. Когда все было учтено и предусмотрено, Володя после нескольких попыток вошел в штормовое море.

Он сразу попал словно в ночь. Быстро работая ногами, начал уда-

ляться от зоны прибора. Тьма не рассеивалась. Он поднес ладонь к лицу, но не увидел ее, хотя было еще неглубоко. Обычно, находясь под водой без движения в тишине и невесомости, он чувствовал покой и легкость, невозможные на воздухе. Но теперь он не испытывал этого чувства. Беспокойство и напряжение владели им. Он не видел, но ощущал бушующее море.

В первые секунды погружения его энергично приподнимало и опускало, мотало из стороны в сторону. Как-никак шторм достигал силы в «пять баллов с хвостиком». Но скоро эти перемещения настолько уменьшились, что не отвлекали внимания. Жаль, что нельзя было рассмотреть показания глубиномера, а также проследить, как меняется скорость вдоль берегового течения по глубине. Он его попросту не ощущал. Получалось как в поезде: там реагируешь лишь на ускорение, торможение, толчки, а самого движения после набора скорости уже не чувствуешь. Отсутствовало и чувство глубины.

Володя спустился в намеченный район и остановился. Тут его внимание привлекли странные, повторяющиеся звуки, будто где-то самосвалы сгружали гальку. Он попытался определить направление и догадался, что эти звуки рождались от перемещения гальки волной, бегущей вдоль берега.

Затем Меншиков продолжил погружение. Чем ниже он опускался, тем меньше ощущались волновые течения. Наконец стали заметны цифры на глубиномере. Стрелка показывала 20 метров. С облегчением Володя двинулся дальше. И внезапно обнаружил, что еще ниже был покой, абсолютный штиль, словно нигде и не было никакого шторма.

Вот это состояние на глубине и хотел установить ученый, решив посмотреть на дно во время шторма...

Приехав в Пицунду, я тоже хотел посмотреть и понять, что испытывал Меншиков, когда погружался. Но море вышвырнуло меня как щенка. А ведь, когда работал Володя, волнение было не три балла, и волна была круче, и била крепче, и злей дул ветер...

Полученные результаты были неожиданными. Если «Акула» в действительности не так «агрессивна», как предполагалось, то, видимо, нельзя говорить и об активности других каньонов, ведь они располагаются значительно дальше от берега. Но куда же в таком случае исчезают наносы?

Оставался еще предутьевой каньон, куда песок и галька могли перемещаться не волнами, как в другие каньоны, а переноситься речной струей в половодье. Теперь предстояло проверить его. Либо все потери наносов связаны с этим каньо-

ном, либо... каньоны невиновны и количество выносимого рекой обломочного материала на самом деле меньше, чем это предполагается. Подводные исследования были перенесены в предустьевую зону реки Бзыби.

Приходилось ли кому видеть горную реку, устье ее в половодье? Это стремительный, дьявольский, бурлящий бег воды буро-го цвета вровень с берегами. Вместе с галькой, песком, илом несутся коряги и стволы вывороченных деревьев. Кричит, стонет река... А в нее надо погружаться. Речной поток срывает снаряжение. Войти в воду можно было, только крепко держась за закрепленный трос. Нужно было обследовать дно, брать пробы грунта, осматривать ловушки наносов, снимать показания с вырывающихся из рук приборов. И все в абсолютной темноте...

Эти уникальные наблюдения продолжались три месяца. От начала до конца половодья.

На следующий год они были повторены. Меншиков установил, что речная струя не в состоянии переместить гальку и песок в каньон. Значит, и предустьевой каньон не виноват? В ходе дальнейших исследований выяснилось, что количество выносимого рекой обломочного материала, который идет на восполнение пляжей, почти в четыре раза меньше, чем считалось ранее.

Так были «реабилитированы» кань-

оны Пицунды. Но чтобы доказать правильность своих выводов, Меншиков должен был найти истинную причину размыва берега.

Обследуя дно размываемых участков, Володя обнаружил на подводном склоне обнаженные глинистые отложения. Значит, отступая под натиском волн, пляжевые наносы сместились к слабым, легко размываемым грунтам бывшего болота. Обнажились отложения, которые долгое время оставались неподвижными. Прямо у береговой линии выявились глинистые слои с остатками почерневших корней деревьев, когда-то росших далеко от моря. Глины — вот причина быстрого отступления берега. Размывается не сам пляж, а разрушаются подстилающие пляж мягкие глинистые отложения!

Но почему же отступает только левый берег Бзыби, а правый, наоборот, выдвигается? За последнюю четверть века он продвинулся на 70 метров. Опять загадка? Оказалось, это вызвано хозяйственной деятельностью человека. Раньше в районе устья реки Бзыби был карьер, там для строительства добывали гальку. После одного сильного шторма реку перегородило косой, и вода ринулась в новое русло — как раз по карьерным разработкам. Впоследствии при строительстве очистных сооружений новое русло закрепили бетонной стенкой. Левый берег стал получать минимум наносов, в основ-

ном они переместились на правый.

Итак, когда глинистые грунты были покрыты достаточно мощным слоем гальки и песка, берег был стабильным. После того как поступления материала уменьшились, начался размыв галечно-песчаного слоя, защищавшего глины. Со скоростью 200 метров в год зона размыва приближается сейчас к мысу Инки, одному из важных объектов Пицундского полуострова.

Теперь требуется срочное вмешательство человека, чтобы восстановить былое природное равновесие. На первых порах надо искусственно пополнить запасы галечника над размываемыми глинами — укрепить прежний защитный слой. А далее — вернуть Бзыбь на старую дорогу, направить ее нижний отрезок в прежнее русло. Ведь в конце концов она выбирала себе путь веками, создавала и заливы, и озера, и сам Пицундский мыс, и все, что на нем росло и хорошо.

Меншиков и Пешков написали об этом книгу. Они назвали ее: «Берег Пицунды: факты и гипотезы». Выйдет книга в издательстве «Мысль». В ней подробно, с полными научными выкладками ученые рассказали о проблеме Пицунды, этого уникального природного образования. Главный призыв книги — решать проблему сегодня, сейчас, не оставляя на завтра потомкам.

ИЗ ГЛУБИНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В самой отдаленной части Якутии, далеко за Полярным кругом, течет среди невысоких пустынных гор речка Киенг-Юрях. В ее долине ведутся открытые горные работы. Этой весной здесь работало несколько землеройных машин. Мощнейшие бульдозеры, оборудованные специальными приспособлениями-рыхлителями, вонзали стальные клыки в мерзлые наносы и медленно двигались по дну котлована, вспахивая никогда не оттаивающие ил и суглинки.

Пропахав очередную борозду глубиной около метра, машинист бульдозера Николай Фоменко увидел на поверхности кусок бивня мамонта. Такие случаи в этих местах не редкость, поэтому Николай вместе с товарищами отнес бивень в сторону и продолжал работать.

Однако, когда Фоменко вновь прошелся бульдозером по этой борозде, появилась огромная ступня мамонта и лоскут толстой кожи, покрытой длинной коричневой шерстью. Рабочие прекратили вскрышу песков и сообщили о своей находке руководству. Внимательно осмотрев местность, горня-

ки установили, что на террасе речной долины, примерно в 150 метрах от русла, среди скованного мерзлотой суглинка захоронен огромный мамонт. О его размерах можно судить по толщине ноги, достигающей почти полметраazole самой ступни. Бивни в средней части имеют диаметр 16—18 сантиметров, а выданный рыхлителем зуб напоминает кирпич.

Вечная мерзлота предохранила от разложения мягкие ткани, кожу и внутренности животного. О степени их сохранности говорит сле-

дующий факт. Бульдозеристы дали кусок мяса мамонта находившейся поблизости собаке. Обстоятельно обнюхав, пес охотно съел его. Вредных последствий от необычного обеда не было.

Недавно на месте находки побывал сотрудник Института мерзлотоведения Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Ученые предполагают детально исследовать останки представителя самых крупных наземных животных, живших в глубокой древности.

**Г. СИМОНЕНКО,
поселок Кулар
Якутской АССР**

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

Фото В. БЕРЕЗИНА

РОБЕРТ ЧЕШАЙР,
английский журналист («Обсервер»)

ОТВЕРЖЕННЫЕ

БЕЗ ПРАВА НА ТРУД

Томми Нью с полным правом можно назвать прилежным тружеником. По профессии он высококвалифицированный плотник, последние шестнадцать лет работавший в доках на реке Тайн. Никаких замечаний у него никогда не было, но вот уже полтора года Нью безработный. Все началось с того, что при очередном сокращении штатов в государственной компании «Бритиш шипбилдерз» он сам попросил включить его в число увольняемых, соблазнившись выходным пособием. «Знаете, как это бывает, когда на тебя прямо затмение находит», — просто закончил Томми свой рассказ об этом случае и украдкой вытер слезы, которые невольно выступили у него на глазах от нахлынувших воспоминаний.

Для рабочего человека, сорок лет жившего от одной недельной получки до другой, сравнительно небольшая сумма наличных в качестве вы-

ходного пособия плюс компенсация за выслугу лет оказались роковым соблазном. Впрочем, сыграло свою роль и то, что Нью брали на другое место. К несчастью, сразу после увольнения он тяжело заболел, — «Одной ногой я уже был на том свете», — а когда спустя восемь месяцев поправился, обещанное место, конечно, было уже занято.

Многие годы Томми Нью вставал на работу в 6.15 и целый день был занят, а теперь просто не знает, куда себя девать. «Не могу же я все утро валяться в постели, — жалуется он. — У меня прямо руки чешутся что-нибудь делать, да только делать-то нечего. Сам чувствую, что начинаю терять интерес к жизни». Хотя до ноября Нью будет еще получать еженедельное пособие в размере 17 фунтов, от денег, выплаченных при увольнении, осталось меньше половины: «Мебель сгоряча обновили, потом болезнь, да и сейчас жить надо», — говорит он.

Томми Нью исполнилось 55 лет. Он живет в городе Саут-Шилдс, расположенном в устье реки Тайн, на берегу Северного моря. Рос Томми в годы «Великой депрессии» и, как все

люди его возраста, хорошо помнит те тяжелые времена: полуголодное существование на хлебе да жиденькой похлебке; «благотворительные башмаки», которые выдавали в полицейских участках со специальной меткой, чтобы их нельзя было заложить или продать; лавки ростовщиков и старьевщиков на каждом шагу.

Я встретился с бывшим плотником в два часа дня в пабе «Ред дастер» на южной окраине города. Кроме него, там было еще человек тридцать, в основном люди средних лет, почти все безработные. Вы бы только послушали, с какой горечью отзывались они о правительстве М. Тэтчер: «Они куда дальше от простого человека, чем если бы были на Луне»; «Своими сокращениями бюджетных ассигнований на социальные нужды они пытаются отнять у нас все, чего мы добились с 30-х годов»; «Мы, горняки, нужны им только как пушечное мясо во время войны»; «Эти типы на юге думают только о том, как бы побольше эксплуатировать нас да расхищать наши природные богатства». Что же касается самой Маргарет Тэтчер, то наиболее веж-

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

ливым высказыванием в ее адрес было «бесстыжая грабительница».

Кое-кто полусерьезно даже поговаривал о гражданской войне. Но это были не те разговоры, чтобы заставить ищек из особого отдела Скотланд-Ярда сломать голову мчаться в этот паб, поскольку они велись людьми, подобными Томми Нью, придавленными и смятыми обрушившейся на них безработицей.

Я специально отправился на Северо-Восток Англии, в частности в Саут-Шилдс, чтобы рассказать, что собой на деле представляет безработица. Если в среднем по стране она составляет 5,9 процента, то здесь достигает среди мужского населения 18,5 процента, то есть не работает почти каждый пятый трудоспособный. В местном центре по вопросам трудоустройства мне сообщили такие цифры: на 5044 зарегистрированных безработных мужчин и женщин имеется всего 171 вакантное место. Причем значительная часть из этого числа приходится на временные места с неполным рабочим днем, например, уборщицей в паб. Ясно, что из 170 безработных сварщиков в Саут-Шилдсе это едва ли кого-нибудь заинтересует. К тому же перспективы получения работы гораздо хуже для тех, кто стоит на нижних ступенях профессиональной лестницы. Поэтому среди заводских рабочих на одно вакантное место приходится 249, а среди фабричных 228 претендентов.

Правительство строит свою политику, исходя из того, что в будущем году безработица согласно прогнозам увеличится на 25 процентов. Более пессимистическая оценка утверждает, что безработных в 1981 году будет 2,5 миллиона человек по сравнению с нынешними полутора миллионами. В результате она затронет и относительно благополучные районы, а такие места, как Саут-Шилдс, окажутся в катастрофическом положении кризиса 30-х годов. Уже сейчас в этом городе предприятия закрываются одно за другим. В последний день моего пребывания там, например, закрылась существовавшая 102 года судоремонтная фирма «Тайн док энджиниринг», в которой было занято 300 человек.

Что это означало для каждого из них, можно понять на примере Эрика Кинга. Как и Томми Нью, он тоже входит в категорию «прилежных тружеников» и больше десяти лет работал крановщиком в «Тайн док энджиниринг». Недавно ему исполнилось 54 года. Последнюю неделю он работал неполный день. В пятницу, когда Кинг пришел за получкой, ничто не предвещало беды. А через три часа, сидя дома за ужином, он узнал из последних известий о ликвидации фирмы. «У меня прямо земля провалилась под ногами. — рассказывает он. — Они не сочли даже

нужным предупредить меня об увольнении».

На следующее утро он вроде бы стал смиряться со своей судьбой: «Когда без работы слоняются молодые парни по восемнадцати-девятнадцати лет, на что надеяться мне?»

«Тайн док энджиниринг» была частной фирмой, поэтому Кинг и его товарищи не получают даже выходного пособия, которым государственная «Бритиш шипбилдерз» старается подсластить горькую пилюлю безработицы для своих рабочих. По мрачному лицу Эрика Кинга было легко прочитать, с каким отчаянием в глубине души он думает о будущем, о безрадостных годах существования на жалкое пособие, которое ожидает его.

Саут-Шилдс — портовый город. В прошлом веке он жил углем и судами: поблизости работали четыре шахты; в доках строились и ремонтировались суда, а многие мужчины плавали матросами. Даже местная молодежь еще помнит времена, когда на реке Тайн было тесно от судов, а из шахт тянулись вереницы вагонеток с углем. «Тайн теперь умерла», — то и дело жалуются жители города. И хотя эти слова не следует понимать буквально, Саут-Шилдс с его затихшими доками напоминает тяжелобольного человека, которого покидают последние силы. Ведь безработица серьезно затронула и появившиеся сравнительно недавно электротехнические и швейные предприятия. Несколько лет назад Саут-Шилдс был оживленным курортом. Но теперь его великолепные пляжи и зеленые парки опустели, ибо состоятельная публика из того же Ньюкасла предпочитает отдыхать в Испании.

В наши дни безработные не так бросаются в глаза, как раньше: они не торчат немым укором часами на улицах, подпирая стены, а предпочитают сидеть дома или собираться в таких местах, как паб «Ред дастер» или находящийся неподалеку «Уайтлиз клуб», просторный общественный центр современной постройки, где с самого утра и до позднего вечера не смолкает стук бильярдных шаров. Когда я зашел туда и сказал, что собираюсь писать о безработице, один из завсегдатаев с кривой усмешкой произнес: «Вы угадали, можете считать, что попали прямо в штаб». Дело в том, что центр служит для безработных сборным пунктом, где они не чувствуют себя так одиноко, и одновременно является как бы неофициальной биржей труда для многих жителей города, которые годами перебиваются случайными заработками. Эти поденщики каждый день ровно в одиннадцать приходят в «Уайтлиз клуб» и ждут, не позвонит ли кто-нибудь по телефону или не зайдет сам в поисках рабочих рук на час-два, а если повезет, то и на неде-

лю-другую. Эта категория безработных настроена более оптимистично, чем люди, подобные Томми Нью или Эрику Кингу: «Что-нибудь да подвернется», — говорят они.

И все-таки один из них признался мне, что холодными и унылыми зимними днями его охватывает отчаяние: «Прихожу сюда, вижу таких же, как я, бедолаг и с болью в сердце осознаю, что впереди у меня ничего нет».

Фред, как звали моего случайного знакомого, работал мусорщиком, пока полтора года назад не сломал ногу. Теперь с трудом умудряется находить сезонные заработки: то устроится на лето подметать дорожки в парке или расставлять шезлонги на пляже; то подрядится малярничать или сторожить ночью передвижные буфеты. Кстати, последнее занятие ему не по нутру: «Сидишь в темноте один-одинешенек, думаешь, думаешь над своей горькой судьбой, и голова кругом пойдешь».

Подобно многим другим безработным, с которыми я встречался в Саут-Шилдсе, Фред разведен. Трудно точно установить, что происходит раньше — увольнение с работы или разрыв с семьей, но уже сам по себе переход в категорию лиц без определенных занятий порождает серьезные препятствия для семейных отношений. К тому же давняя традиция вместе встречать и радость и беду, существовавшая у трудящихся на севере страны, сейчас не так сильна, как раньше. Причем часто в действие вступает одна вынужденная уловка. Чтобы сохранить у семьи крышу над головой, то есть сравнительно недорогую квартиру в муниципальных домах, мужу приходится формально бросать жену и детей. Причем, как сказал мне советник местного муниципалитета, в ближайшее время следует ожидать взрыва таких фиктивных разводов.

В свободное время, которого у Фреда хоть отбавляй, он много ходит. Впрочем, бесцельно бредущих людей в Саут-Шилдсе можно встретить повсюду. Мне рассказывали, что многие безработные, потерявшие семьи, ежедневно отмеряют по доброду десятку миль, лишь бы не сидеть на месте. «Хотьбы не стоял ни гроша, — объяснили они, — но зато не дает власть в бездну отчаяния».

Изучение психологического состояния безработных свидетельствует о том, что они последовательно проходят через три фазы. Первая, как я сам убедился в ходе бесед, это кратковременное облегчение от того, что не надо идти на работу, можно выпастись, сделать кое-что по дому. Однако у большинства затем быстро наступает вторая фаза. Подобно Томми Нью люди начинают чувствовать себя потерпевшими крах неудачниками, поскольку оказываются не в состоянии найти другую работу. Воз-

никают трения в семье, уверенность в себе постепенно улетучивается, и человек теряет сон. Лишь общество таких же, как он, неудачников безработных помогает ему пройти через этот трудный период, который может длиться до года.

Если по истечении этого срока у человека все еще нет работы, он начинает привыкать к своему новому состоянию и соответственно старается приспособиться к нему: у него уже нет никаких запросов, лишь бы только как-то прожить сегодняшний день. В масштабах всей страны четверть из полутора миллионов безработных имеет стаж больше года — то есть столько же, сколько находится у власти консервативное правительство Маргарет Тэтчер. Самое ужасное, что по мере углубления депрессии их число будет расти.

Традиционно жители Северо-Востока Англии были тяжелы на подъем, то есть предпочитали работать там, где родились и выросли. Поэтому кое-кто склонен обвинять их в малоподвижности, из-за которой, мол, и проистекают все беды. Но вот что говорит на сей счет мэр Саут-Шилдса Альберт Эллиот, 39 лет трудившийся на шахте. Он твердо уверен в том, что люди имеют право работать у себя на родине, где жили их деды и прадеды. Требовать от них иного все равно что добиваться насильственной эмиграции, как это было с ирландцами в прошлом веке во время «картофельного голода». «С какой стати они должны уезжать? Здесь их родная земля, в которую они вросли корнями, нужно обеспечить людям возможность жить в приличных условиях именно на ней. В конце концов, это их право, молочные реки с кисельными берегами на Луне ни ни к чему», — говорит Альберт Эллиот.

Впрочем, сам мэр мрачно предсказывает, что жители Северо-Востока кончат так же, как американские индейцы: они будут нужны только для массовок на съемках фильмов о былой жизни в этой части «доброй старой Англии».

Если люди средних лет и пожилые являются печальными свидетельствами умирания промышленности, то молодежь олицетворяет собой еще более ужасную человеческую трагедию. По приблизительным подсчетам, в нынешнем году на каждых трех выпускников школ приходится лишь одно рабочее место. Положение поистине катастрофическое, причем многочисленные программы, призванные обеспечить молодежь хотя бы временной работой, лишь маскируют, но не исправляют его.

Большинство оканчивающих школы может предложить только свои руки, самих себя, но вот они-то в силу целого ряда причин как раз и оказываются ненужными. Полученные

за годы обучения знания на поверку оказываются недостаточными, чтобы выполнять квалифицированную работу. По словам Уола Хобсона, служащего муниципалитета Саут-Шилдса, занимающегося вопросами профессиональной подготовки, «многие родители просто не понимают происшедших за последние годы изменений. Они говорят: «Мой мальчик не смог устроиться учеником. Что же мы теперь будем делать?» Для них это конец света. А вот о том, что парню вообще может не удасться найти работу, они просто не задумываются. Между тем даже на шахтах существуют длинные очереди для тех, кто хочет добыть под землей уголек. Впрочем, и сами подростки часто не слишком-то стараются куда-нибудь устроиться. Спроси их, чего они ждут да привередничают, и услышишь в ответ, что «на худой конец» пойдут на шахту. Для бывших школьников бывает настоящим ударом, когда они узнают, что на шахтах нет свободных мест, причем при наименьшем предпочтении отдается детям шахтеров».

Что же касается программ, осуществляемых властями, то в качестве примера возьмем одну из них, громко именуемую «Программой обеспечения возможности для молодежи». В соответствии с ней молодые люди под руководством инструкторов занимаются тем, что выравнивают площадки для стоянки автомашин, приводят в порядок церковные дворы и кладбища, красят стены, убирают мусор на пустырях. Многие не без основания указывают, что такие программы просто напросто откладывают превращение школьников в безработных с 16 до 18 лет причем они вступают в самостоятельную жизнь разочарованными, с горечью в сердце после столь обескураживающего начала.

В течение, по крайней мере, двадцати лет мы на словах признавали, что количество рабочих мест будет уменьшаться и у людей в будущем появится больше свободного времени. При этом предполагалось, что будет расти и благосостояние. Теперь настало время осуществления этих прогнозов, только происходит оно на фоне спада промышленного производства, а не всеобщего процветания. Новый «ираздный класс» составляют не относительно состоятельные мужчины и женщины, живущие в прекрасных условиях, а люди, выброшенные на свалку, у которых нет ни денег, ни возможностей, чтобы наслаждаться свободным временем. Они ятятся в труппах, опустошенные, деморализованные, впавшие в отчаяние. И никакие стимулы и даже урезывание пособий не в силах вывести их из состояния апатии. Закручивание гаек в отношении этих людей, которые не могут сами помочь своей беде, ведет лишь к тому, что

безработица превращается в чреватую взрывом политическую проблему.

Горькая правда заключается в том, что наше общество, неразрывно связанное с трудом, не может обеспечить своим членам возможность трудиться.

МЯТЕЖ НА ГРОСВЕНОР-РОУД

На Гросвенор-роуд, главной улице бристольского района Сент-Пол, есть кафе под названием «Блэк энд уайт». Между тем посетители с белой кожей в нем большая редкость, поскольку сам Сент-Пол — это гетто, где живут исключительно «цветные». Дом, в котором расположено кафе, отличается от соседствующих с ним таких же унылых, обветшалых образцов викторианской архитектуры разве что остатками бело-голубой покраски да пыльными стеклами окон, по которым змеятся многочисленные трещины. Не будь внутри стекло проволочной сетки, они бы давно вывалились. Случайный прохожий пройдет мимо кафе, скорее всего даже не заметив его. Однако в апреле о «Блэк энд уайт» заговорила вся Англия. Именно здесь произошел инцидент, вылившийся в самый крупный, а главное, совершенно неожиданный взрыв возмущения за последние годы, когда сотни молодых вестиндцев дали настоящий бой полиции. «Это было подобно грому с ясного неба», — сказал мне позже один из руководителей «цветной» общины. И хотя на следующий день в небе опять сияло солнце, эхо раскатов этого грома все еще звучало: на всех перекрестках Сент-Пола стояли патрули, как минимум, из четырех полицейских, а на улицах гремели молотки, забивавшие досками выбитые окна.

Бристольтцы, считавшие, что они ведут себя достаточно терпимо в таких шекотливых вопросах, как цвет кожи, были обескуражены. А остальное население «доброй старой Англии», проснувшись, в изумлении спрашивало себя: если подобный взрыв гнева произошел там, что может случиться в недалеком будущем в таких «прославленных» городских гетто, как лондонский Брикстон или бирмингемский Хэндзурт?

Сент-Пол — небольшой район, расположенный приблизительно в миле к северо-востоку от центра Бристоля, где проживает около семи тысяч человек, из которых половина — потомки выходцев из Вест-Индии. Всего же в Бристоле их насчитывается от 12 до 20 тысяч. Первые вестиндцы появились здесь еще во времена работорговли, когда Бристоль был процветающим портом. Это дает кое-кому основание горько шутить, что он наконец-то пожинает давно перезревшие плоды.

Руководители самой «цветной» общины говорят: «Мы предупреждали

вас, но вы не хотели слушать». Доктор Принс Браун, под началом которого находится молодежное общежитие, сказал во время беседы: «Целых семнадцать лет я ожидал, что это произойдет. Все эти годы в двери моего общежития стучатся молодые люди, у которых нет ни работы, ни крыши над головой».

Мятеж в Сент-Поле породил много вопросов, среди которых есть одна проблема огромного, общенационального значения, которую не могут замаскировать никакие программы создания новых рабочих мест или строительства общинных центров: черные британцы — молодые люди, родившиеся и выросшие в нашей стране, — не чувствуют себя частью английского общества. Больше того, они многое ненавидят в нем.

В этих людях с черной кожей накопился огромный заряд ненависти ко всей системе власти. Это чувство, толкающее на гневный насильственный протест, свойственно и немужской белой молодежи. Не случайно она* составляла почти треть участников недавнего мятежа. Другое дело, что цвет кожи и характерные особенности культурного наследия ставят молодых вестиндцев особняком. При чем создается впечатление, что наше общество в целом не имеет для них никакого значения.

Франсис Сэланди — долговязый парень со свисающими до плеч вьющимися локонами — работает в молодежной консультации, которая находится как раз напротив подвергшегося форменному разгрому во время беспорядков банка. Свои взгляды на положение вещей он излагает весьма откровенно:

«Дискриминация не проходит бесследно. Счет к оплате растет день за днем. Око за око, зуб за зуб. Своими запугиваниями законом и порядком они просто стараются вселить страх в наши сердца. Ты не волен ничего решать в собственной жизни. Местные власти могут дать субсидию, оказать небольшую помощь, но они совсем не заинтересованы в том, чтобы изменить нынешнее положение. В этом и выражается дискриминация во всей своей всеобъемлемости. Поэтому наше общество нельзя назвать многорасовым. Мы хотим видеть уважение со стороны белых, но пройдут тысячи лет, пока это будет».

Естественным, конкретным объектом, против которого восстают «цветные», является полиция. Все обвиняют ее в том, что она постоянно запугивает и притесняет черных жителей Сент-Пола. Бил Никс, белый председатель бристольского Комитета за расовое равноправие, говорит: «В этом районе существуют глубоко укоренившиеся тревога и недовольство тем, как ведет себя в Сент-Поле полиция. Это и было искрой, от которой вспыхнул пожар».

Если вести речь конкретно, то у

каждого жителя гетто есть свои кровные обиды. Любопы может рассказать, как его ни за что ни про что задерживали, обыскивали, унижали. Например, стоит молодому человеку появиться на улицах Сент-Пола в дорогой машине, как его обязательно остановят и зададут вопрос: «С каких это пор черномазые вроде тебя раскатывают в таких роскошных лимузинах?» Одна молодая «цветная» женщина с четырехлетним ребенком поведала мне следующий случай: «Мой брат пошел на работу и забыл дома завтрак. Полицейские увидели его бегущим по улице и поехали вслед за братом на машине сначала до дома, а потом на работу. А там устроили ему целый допрос: куда да почему он бежал?»

...На весь Сент-Пол есть только одно кафе «Блэк энд уайт». Для жителей оно одновременно и клуб, и последнее прибежище, и символ. В тот день, среду, в трех его небольших зальчиках собралось много молодых вестиндцев, которые пили пиво, играли в домино и обсуждали свои дела. Любопы полицейский налет на кафе вызвал бы громкое недовольство. А тут во время обыска полицейский порвал одному из посетителей брюки. Тот потребовал, чтобы ему заплатили за это. На улице собралась толпа человек в пятьдесят, заявившая, что не выпустит полицейских, пока не будет выплачена компенсация. Блустители порядка угрозили, что арестуют любого, кто вздумает мешать им пройти. По словам очевидца, во время перепалки страсти стали накаляться, и внезапно началась драка. В ход пошли кулаки, а затем полетели камни и бутылки. Полицейские вызвали подкрепление — человек 20—30, которые колонной, с огромными щитами в руках, двинулись по Гросвенор-роуд. В ответ запылали стоявшие на улице полицейские машины.

Вслед за этим на месте беспорядков появились полицейские собаки, с помощью которых блустители порядка пытались расчлнить толпу перед кафе и оттеснить ее в переулки. Однако это только подлило масла в огонь. К шести часам вечера, когда прибыли дополнительные подкрепления, начальник полиции Уэй понял, что взять взбунтовавшихся жителей Сент-Пола под контроль не удастся, и приказал своим людям покинуть район беспорядков. Вскоре после этого толпа начала громить торговые и магазины на Гросвенор-роуд.

В 11 часов вечера туда прибыли объединенные полицейские силы численностью около 500 человек, но не встретили почти никакого сопротивления: ярость уже улеглась.

Следует подчеркнуть, что мятеж в Сент-Поле не был вспышкой расовой ненависти. Не пострадал никто из белых жителей этого района, в их домах даже не было выбито ни од-

ного окна. Напротив, очевидцы в один голос утверждают, что «цветные» и белые молодые люди швыряли камни, стоя бок о бок друг с другом. Из четырнадцати задержанных, которые предстали на следующий день перед судом, у девяти была черная кожа, а у пятерых — белая.

«С «цветными» можно отлично ладить, они никому не делают неприятностей», — утверждает старик мусорщик, живущий по соседству. Только брестольцы, которые никогда не бывали в Сент-Поле, считают его «враждебной территорией», где опасно появляться белому человеку. Естественно, что это оскорбляет и элит руководителей «цветной» общины. Уличные грабежи и хулиганские нападения отнюдь не монополия Сент-Пола, говорят они. Во всяком случае, здесь старики и старушки могут безбоязненно ходить по улицам, не опасаясь за свою жизнь. Этот район превратился в трущобы в конце 50-х и начале 60-х годов еще до того, как тут стали селиться люди с черной кожей. Именно потому, что дома в Сент-Поле были мало пригодны для жилья, сюда стали пускать вест-индских иммигрантов. По данным руководителей их общины безработица в гетто, подобных Сент-Полу, в четыре раза выше, чем среди белых групп населения. С молодежью дело обстоит вообще катастрофически: две трети ее — безработные. Часто подростки и молодые люди покидают семьи и живут в пустых домах. У них нет ни настоящего, ни будущего.

Что ж, безработица и ненависть к полиции, возможно, и явились непосредственными причинами ожесточенной стычки у кафе «Блэк энд уайт», но в целом это была вспышка гнева и отчаяния членов наиболее обездоленной общины Бристоля.

Может ли это повториться? Министр внутренних дел Т. Рейзон, посетивший Сент-Пол на следующий день после мятежа, выразил надежду, что это был единичный случай. Однако Бил Никс считает, что «было бы опасной ошибкой рассматривать события на Гросвенор-роуд в таком плане». И он прав. То, что мелкий инцидент мог привести к столь серьезным последствиям, не предвещает ничего хорошего. К тому же следует помнить, что в ближайшие годы школы окончат тысячи «цветных» британцев, для которых в обстановке экономических трудностей нет никаких перспектив, кроме прозябания в городских гетто. Председатель Всеанглийской комиссии за расовое равноправие Дэвид Лейн заявил в этой связи: «Как нация мы не стали выяснять главные причины того, что произошло в Сент-Поле. Поэтому я хочу предупредить, что все это может повториться в другом месте».

Перевел с английского
С. МИЛИН

П. БОГОМОЛОВ

НАСЛЕДНИК СОПИАНЫ

В каждом городе есть всем известная улица — не главная, но такая, на которой приятно гулять, беседовать со знакомыми, назначать встречи. В Будапеште это улица Ваца, в Пече — улица Лайоша Кошута. На улице Кошута нет автомобилей. Витрины магазинов и магазинчиков, вывески закусовых, гулкие голоса продавцов газет, лотки с блинчиками-лангосами. Улица залита солнцем: дома невысокие и обращены к улице крутыми скатами черепичных крыш. С середины улицы видно полнебосвода. В ясную погоду здесь светло с рассвета до заката.

Мой спутник Ласло Варга степенно, но с завидным умением прокладывает путь в густой толпе горожан. Подмигнув встречному приятелю, он протягивает ему ладонь-лопату и обменивается фразами, понятными лишь тем, кто давно знает друг друга. Мы идем к Ласло домой пешком, потому что в Пече это проще и ближе, чем добираться на автобусе. Компактно застроенный Печ, где живет 180 тысяч человек, слегка вытянулся вдоль южных склонов гор Мечек. Его извилистые и крутые улицы трудны для автобусов, и

потому сеть транспортных линий не отличается густотой. К тому же здесь приятно ходить пешком, вдыхая ароматный, немного терпкий воздух — леса окружают город со всех сторон.

Холодов в этом краю почти не бывает, пасмурные дни выпадают редко. Столь благоприятные природные условия привлекли еще римлян, основавших тут поселение с мелодичным именем «Сопиана». Наследником Сопианы стал впоследствии Печ. О том, что здешний климат близок к средиземноморскому, напоминает многое — и открытые кухни во внутренних дворах, и резные кроны фиговых деревьев, декоративных пальм, и атласные лепестки пионов. Печских диких пионов — больше их нигде в Венгрии не встретишь.

...Издавна Печ слыл городом в высшей степени гостеприимным и благожелательным, обителью музыкантов и поэтов, живописцев и графиков. Затем город обрел многие индустриальные профессии, в том числе и шахтерскую. Окружности города — единственный в Венгрии каменноугольный бассейн. Мой друг Ласло Варга — горняк, инженер-маркшейдер.

...Следующее утро было запол-

нено гулкими взрывами. В карьере одного из семи предприятий, которыми ведает печское шахтоуправление, убирали твердые породы. Молочный туман рассеялся, и с высокого обрыва стали хорошо видны желтые пятна шурфов в пластах породы на противоположном краю карьера. Подброшенный невидимой силой, черный выступ дрожащей массой взметнулся ввысь. Грохот послышался позже, когда пыльное облако уже начало оседать.

— Вообще-то у нас больше работы не для подрывников, а для экскаваторщиков, — заметил Ласло. — Взрываем лишь в тех случаях, когда попадают очень твердые слои. Печские открытые разработки дают ежегодно свыше трех миллионов тонн угля. А по оценкам геологов здесь залегают не менее трехсот миллионов тонн топлива. Так что лет на сто еще хватит работенки!

Посторонившись, мы пропустили тяжело нагруженный самосвал «раба». По укатанному большаку он помчался на фильтровку угля. Самая лучшая часть топлива пойдет отсюда в Дунауйварош, где встретится с криворожской рудой. Там, на металлургическом комбинате, будут выплавлены оче-

НА МЕРИДИАНАХ ДРУЖБЫ

Обрамляя склоны гор Мечек, раскинул свои кварталы Печ, один из красивейших городов Венгрии.

редные тонны стали. А низкокалорийные угли направляются на печскую ГРЭС, три высоких трубы которой видны на горизонте.

На пологом склоне карьера оказалась оранжевая цистерна водовоза. Поливая поверхность соленой водой, он закрепляет грунт. Это значит, что меньше станет оползней, что пыльные тучи не будут угрожать зеленому массиву и городским кварталам. Чуть поодаль самосвалы выгружают возвращенную с фильтровки пустую породу, а бульдозеры тотчас выравнивают площадку. Так начинается рекультивация земли, потревоженной до этого руками человека. Когда-нибудь здесь вновь зашумят леса. Зеленая поросль, во всяком случае, появится скоро. В Венгрии действует строгое правило: не восстановишь вовремя почвенный слой — не получишь очередного участка для разработки.

Окрестности Печа должны оставаться зелеными.

ПЕРЕКРЕСТОК ВРЕМЕН

В один из знойных августовских дней 1975 года участники I фестиваля дружбы советской и венгерской молодежи работали на виноградниках госхоза «Балинт Тёрёк» под Будапештом. Среди тех, с кем мне довелось там встретиться, была Дьёнди Бузаши, студентка из Печа. Это от нее я впервые услышал, что центр области Баранья — город особенный, что его, образно говоря, никогда не заслоняла тень столицы. Признаюсь, тогда слова Дьёнди показались преувеличением. А сейчас, после того как мне довелось побывать в Пече, думается, что она все-таки права.

С первых же минут приезжего в Пече не покидает ощущение того, что он увидел город, ни в малейшей мере не ущемленный своим провинциальным статусом. И дело даже не в том, что Печу были «дарованы привилегии вольного королевского города» еще в 1780 году, почти за столетие до объединения Пешта, Буда и Обуды в единый Будапешт. Гораздо важнее, что Печ всегда оставался самим собой. Он и не пытался

состязаться с помпезностью дворцов столицы, с классической прямолинейностью ее проспектов. В отличие от многих других венгерских городов, здесь даже в миниатюре не воспроизводили будапештского опыта в градостроительстве. Не копировали его и в быту.

С другой стороны, имея реальные шансы стать городом-кунсткамерой, Печ волею истории открыл и это, казалось бы, выгодное амплуа. Надев без всякого стеснения рабочую спецовку, он застраховал себя от схожести с такими

музейными уголками страны, как, например, Сентэндре, Вышеград, Эстергом. Так и получилось, что в панораме современной Венгрии Печ действительно занял неповторимое место.

...Площадь Св. Иштвана — исторический центр города. У фасада тысячелетнего кафедрального собора, словно перепоясанного галереей с аркообразными сводами, работают реставраторы, молодые ребята. Если бы не синий цвет халатов, парней вполне можно принять за хирургов. Рас-

«Только для пешеходов» — такая надпись вполне подошла бы к колоритному облику улицы Лайоша Кощута.

крытые наборы инструментов — и те напоминают своим серебристым отблеском атрибуты операционной.

Собравшись на перекур, реставраторы время от времени заглядывают в подробный план здания, расстеленный на ступенях. Чтобы кусок ватмана не унесло порывом ветра, он был прижат чьим-то портфелем.

Дойдя до чертежей фундамента и подземных лабиринтов, реставраторы вступают в спор. За какой стеной скрыта более древняя кладка, а за какой — нет? Спор этот — отзвук большой дискуссии вокруг биографии собора и имеет веские причины: история собора действительно изобилует многими непроявленными страницами.

Когда-то именно это место было центром римской Сопианы. Рядом располагалось кладбище, где похоронены каменные основатели

Дом номер два на улице Капалан — самое старинное в городе жилое здание.

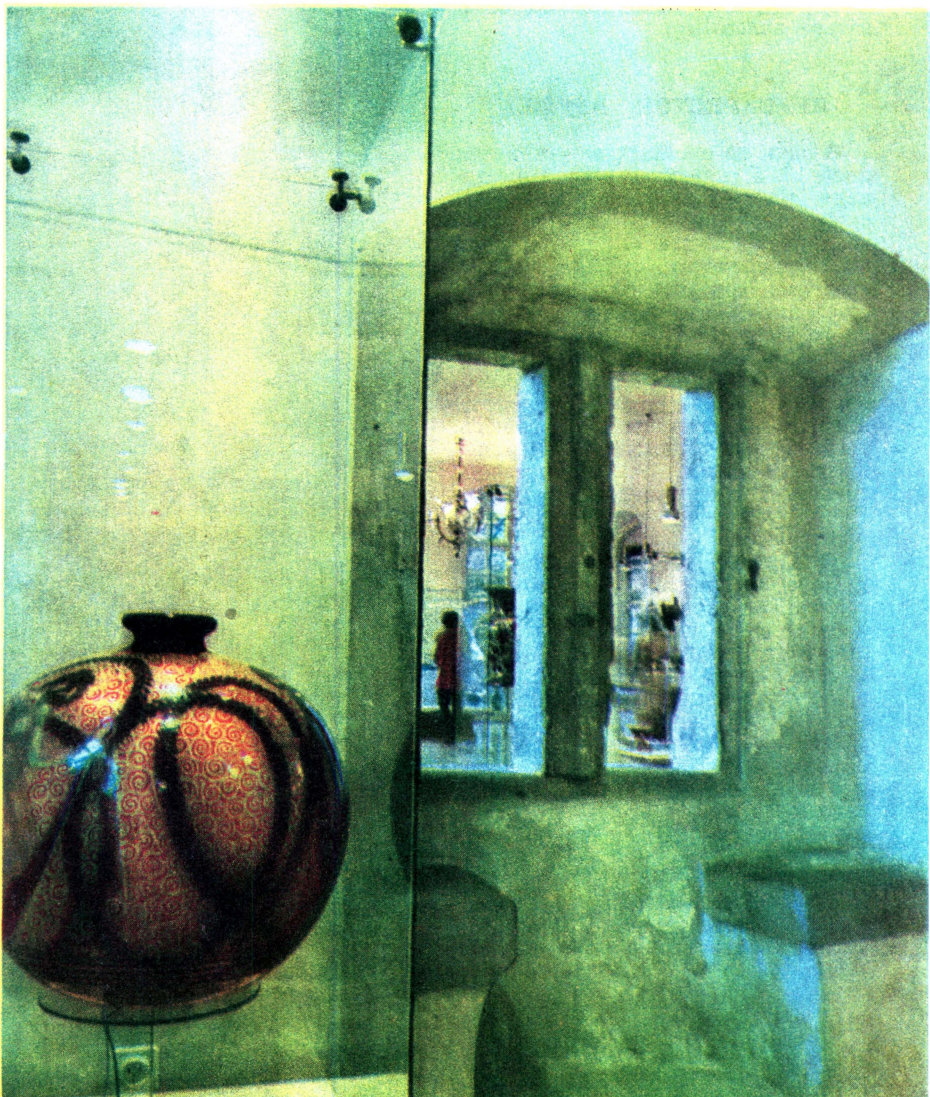
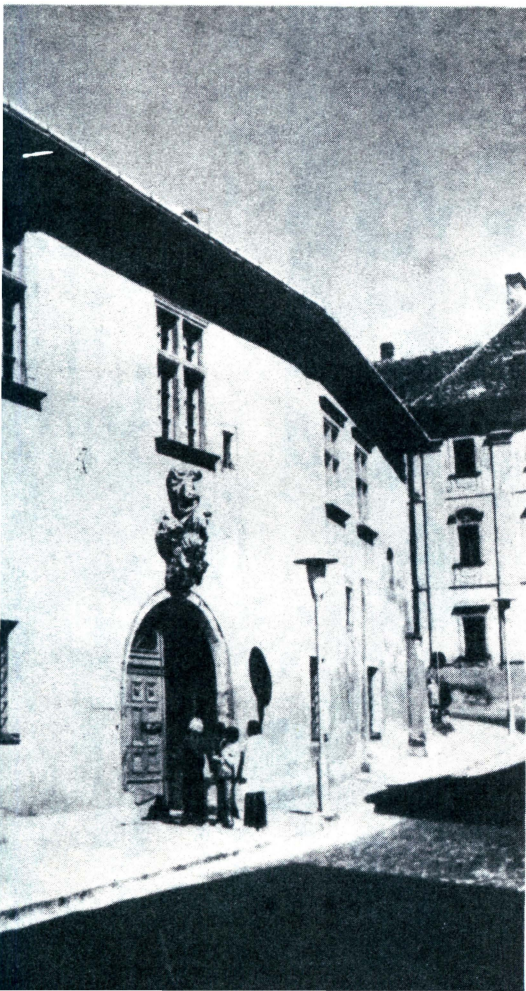
В голубоватом сумраке музейных залов радуют своей удивительной яркостью образцы продукции печского фарфорового завода «Жолнаи».

местной христианской общины, — свидетель тех времен, когда новое вероисповедание жестоко преследовали власти. Позднее, в IV веке, когда христианство восторжествовало, здесь был основан епископат. Построили и первую церковь — базилику. До позднего средневековья базилика не сохранилась, не пережив беспокойные времена великого переселения: огненными вихрями пронеслись по задунайскому краю войны и набеги известных и неизвестных племен. Друг друга сменяли гунны, готы, авары. Пережить все эти потрясения довелось лишь подземным склепам да сооруженной тут же часовне, известной своими гармоничными пропорциями. Эти памятники в конце концов достались кочевникам-венграм, пришедшим сюда в IX веке. В 1009 году король Иштван, обративший Венгрию в христианство, вновь основал печский епископат, владения которого простирались на целый ряд областей.

Тогда же, в IX веке, была сооружена первая часть кафедрального собора — безупречного об-

разца романского стиля. Затем он неоднократно перестраивался, причём каждый раз обретал новые черты. Недаром печская школа резчиков по камню прочно заняла ведущее место в стране. Вторая часть здания была завершена уже после монгольского нашествия, а полностью собор был построен лишь в XVI столетии. Превращённый во времена турецкого владычества в мечеть, он вновь обрел свой прежний облик лишь в XVIII веке. Если добавить к этому последнюю перестройку, осуществлённую в 1891 году, то становятся ещё более понятными трудности, которые ждут здесь реставраторов. А ведь кафедральный собор, как и соседний дворец епископа, — это лишь один, хотя и самый известный, уголок города.

Наверное, Печ не был бы таким, какой он есть, если бы его центр тяготел к одному архитектурному ядру. В конце концов, и в Венгрии, и в других странах немало городов, где все центральные улицы ведут к одному древнейшему ансамблю. А здесь их два. Неподалеку от площади

Сияет под лучами полуденного солнца изящный фонтан на площади Сечени, ставший символом Печа, олицетворением органической связи времен и эпох, наложивших свой отпечаток на панораму города.

Св. Иштвана как бы в противовес ей еще в средние века выделился участок гражданской застройки — светский центр Печа. Позднее эта площадь получила имя выдающегося венгерского просветителя Сечени. Кварталы, улочки между этими площадями стали как бы осью, на которую нанизан городской центр. Здесь что ни улица, то музей, что ни здание, то памятник.

...Улица Доктора Шандора, дом номер два. В крошечном кафе в угловом зале собралась стайка девушек, работающих в соседней аптеке. Пластмассовые пакеты с какао выстроились вдоль барочного окна. В 1973 году реставраторы сняли леса, и заиграл красками фронтон дома с семью окнами — чистое барокко! — обновилась резьба по камню на столбах, поддерживающих ворота с затейливым узором.

Улица Януса Паннониуса, дом номер четыре. Вдоль увенчанного витиеватым гербом фасада несколько ребят с этюдниками — воспитанники городского художественного училища. На холсты ложатся очертания лепных украшений: свет, тень, полутьма... Достойны кисти и соседние дома, также возведенные в XVIII веке, — номер шесть, номер восемь, номер тринадцать. Постройки в стиле барокко чередуются с более поздними сооружениями.

Снова площадь Сечени. Стайка голубей в лазурном небе, группы туристов, заботливо ухоженные газоны. Недалеко от прекрасно сохранившейся мечети Джами — зелено-золотой фонтан. Вода струится из четырех фигурок, переливающихся всеми цветами радуги. А вся конусообразная скульптура увенчана небольшим куполом. Слово унизанный самоцветами, он опирается на двенадцать колонн. Лишь вблизи видишь, что все это — раскрашенный фаянс.

Прохладная тень и журчание воды манят сюда в жару, приглашая расположиться поудобнее на каменных скамьях. Проходящий мимо человек со значком «Гид» на пиджаке сказал, что эта композиция создана на местном фарфоровом заводе «Жолнай» и что коллекция лучших изделий этого предприятия собрана в специальном музее. Дом номер два по улице Капалан. Кстати, это самое старое здание в городе. Оно со-

всем недалеко отсюда. — минут пять ходу.

Вечерет. Уличный фонарь бросает отсвет на арку входа. В фиолетовом сумраке узкой улицы просматриваются смутные очертания барельефа, нависшего над тротуаром. А на втором этаже попадаешь в ярко освещенный зал, где искрятся яркие вазы всех цветов и размеров. Впрочем, здесь трудно судить о цвете. Верхний слой краски, расплавленной на выпуклой поверхности, светится изнутри, обнаруживая под собой еще слои, и все это сливается в радужную гамму.

ЖОЛНАЙСКИЙ ФАРФОР

Сидя у распахнутого окна, молодая художница Гезане Хорват медленно наносит мазки на поверх-

ность кувшина. Сосредоточен взгляд, рассчитано каждое движение.

Непосвященному кажется, что орнамент рождается сию минуту, по прихоти мастерицы. На самом же деле творческий замысел, как бы он ни был свеж и оригинален, имеет под собой прочную основу традиции. С 1868 года, когда Вильмош Жолнай основал здесь завод, печская школа художников-керамистов выработала свои принципы. И от них здесь не отступают.

Закончив работу над кувшином, Гезане Хорват отложила кисть, но еще какое-то время придирчиво рассматривала рисунок со всех сторон, огорченно вздыхая. Я гляжу через ее плечо, но не могу обнаружить ни малейшего изъяна.

— Что вы! — качает головой

художница. — Не все пока удаётся, ведь я работаю на «Жолнай» всего четыре года. Вы лучше наверху поглядите: там работы, получившие награды.

Комната заместителя директора Ласло Палинкаша напоминает мастерскую уельца. На побеленных стенах — широкие полки из мореного дуба, уставленные глиняными фигурками. Кругом незавершенные рисунки.

— Мы буквально выросли из гончарного, керамического производства, — сказал Ласло Палинкаш. — Строителям нужны были технический фарфор и фаянс. Здания в конце прошлого века возводили не серийно, и поэтому заказы, адресованные заводу «Жолнай», заметно отличались друг от друга. Декоративные водосточные трубы, обрамления черепичных крыш, вазы для веранд, детали фонтанов — таким стал на рубеже столетия диапазон наших изделий. Потом перешли к посуде.

...Адрес печского фарфорового завода хорошо известен не только знатокам искусства, но и энергетикам многих стран СЭВ. Им марка «Жолнай» напоминает о десятках видов электроизоляторов и других деталей. Изделия из Печа можно встретить на участках объединенной энергосистемы «Мир», на линии высокого напряжения Винница — Альбертирша, на других совместных объектах стран социализма.

О надежности продукции предприятий ходят легенды. Да и действительные факты подчас кажутся неправдоподобными. Не так давно в одной из развивающихся стран решили закупить партию печских изоляторов — двухметровых глянцевых катушек, которые выпускают здесь для энергетических комплексов. Перед заключением контракта партнеры предложили провести испытание на прочность. Два мощных гусеничных трактора зацепили оба конца изолятора стальными тросами и дали полный ход в противоположных направлениях. И что бы вы думали? Моторы заглохли, а печский фарфор выдержал. Вопрос о надежности был решен.

РАСТИ И МОЛОДЕТЬ

— В человеке должно быть заложено уважение к истории родного края, — с этого начал разговор заместитель председателя горисполкома Лайош Ненет. — Человеку, вступающему в жизнь, нужно хорошо знать, откуда он родом — не в анкетном, а в самом глубоком смысле этих слов. Но, чтобы разбираться в истории горо-

да, тем более такого, как наш, необходима солидная подготовка. Ведь Печ многолик. Если городу Дьёру больше всего подходит комбинезон машиностроителя, Шопрону — традиционная мантия архиварнуса или белый халат медика, Татабанье — шахтерская каска, то для Печа характерно все это, вместе взятое. Так уж распорядилась история. И не случайно учебный курс, посвященный родному городу, включен в программы учебных заведений, причем не только гуманитарных, но и технических. Студентов здесь чуть ли не полгорода.

Именно в Пече в 1376 году был основан университет — единственный тогда во всей стране. Он считался одним из первых и в Европе, поскольку уступал по возрасту лишь пяти университетам — Болоньи, Парижа, Праги, Кракова и Вены. Своё существование университет прекратил во времена османского ига. Сегодня в Пече шесть институтов — медицинский, юридический, экономический, педагогический, технологический, а также консерватория.

Молодежи у нас много, и не стремится она отсюда уехать. Но и проблем хватает. Хотя за нынешнюю пятилетку и построено восемь с половиной тысяч квартир, их надо куда больше. А разрастаться городу нелегко: сложный рельеф — горы, холмы, расщелины. К тому же еще в средневековье здесь были прорыты десятки километров подземных ходов и туннелей. О многих из них мы знаем, но другие пока неизвестны. Во всяком случае, обвалы не исключены. Тут хватит работы геологам, археологам и даже спелеологам на многие многие годы. К тому же в лабиринтах наших улиц, кривых узких, не построивших новые микрорайоны. Но есть выход. Даже два. Первый — сооружение города-спутника на склонах окрестных гор. Второй — вкрапление новых кварталов в окраины — там все-таки не столько уж памятников архитектуры. Второй вариант, правда, подороже, чем первый. Потому и растет Сигетиварош — наш город-спутник...

Лайош Немет указал рукой на север, где, дрожа в жарком полуденном мареве, просматривались контуры большой стройки. Под ними обозначилась лента новой окружной автомагистрали. Она свяжет Печ с центральными и северными районами страны, со столицей.

Прямо над окнами городского Совета отбойный молоток выстукивал свою дробь и мелькали оранжевые каски строителей.

Печ — Москва

ЛУННЫЕ УДОБРЕНИЯ

Гигантский салат, в несколько раз превосходящий размерами обычный, удалось вырастить д-ру Чарльзу Уокшоу, специалисту по патологии растений из Хьюстонского центра Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства. Растения-рекордсмены росли на почве, в которую была внесена лунная пыль. Несмотря на необычную величину, салат полностью сохранил свои вкусовые качества. Как полагает д-р Уокшоу, в будущем, когда будет установлено регулярное сообщение с Луной, она, вероятно, сыграет немаловажную роль в решении продовольственной проблемы на Земле. В построенных там герметических оранжереях можно будет получать невиданные урожаи многих продовольственных культур, начиная от зелени и фруктов и кончая зерновыми. В свою очередь, доставленный на Землю лунный грунт способен совершить настоящую «зеленую революцию» в сельском хозяйстве.

ЗЕЛЕНый... БЕЛый МЕДВЕДЬ

Посетители одного из крупнейших зоопарков мира в Сан-Диего (Калифорния) познакомились с воистину невиданным зверем. Все три белых медведя, живущих здесь, оказались зелеными.

Дело оставалось загадочным, пока не сделали анализ воды в бассейне, где проводили немало времени прохладолюбивые звери. Оказалось, что она содержит довольно большое количество азотистых веществ, которые поощряют некоторые виды микроводорослей к бурному росту.

Тогда следы этих водорослей начали искать на поверхности медвежьей шубы. Но безуспешно. Кое-что прояснилось после того, как научные сотрудники Рольф А. Левин из Скриппсовского океанографического института (Ла-Холья, Калифорния) и Филипп Т. Робинсон из Центра зоомедицины имени Дженнингса (Сан-Диего) провели микроскопическое изучение внутренней полости — пустой трубки, имеющейся внутри каждого медвежьего волоска. Внутри каждого таилась целая колония синезеленых водорослей, относящихся к виду афаноканса монтана Крамера.

Теперь зоологам, альгологам (то есть специалистам по водорослям) и химикам предстоит нелегкая задача: не только установить условия, при которых водоросли проникают внутрь волоска, но и выработать средство, которое бы их оттуда выселило. А пока же в зоопарке Сан-Диего паломничество тех, кто хочет полюбоваться зверем, которого прежде в природе никто не видел.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВ
Фото автора

СТЕРХ ДЖОРДЖ

Наверное, из всех птиц нашей планеты в наиболее трудном положении находится белый журавль. Стерху, как его еще называют, грозит вымирание. Уроженца сибирских болот осталось очень и очень немного. Он гнездится, выводит потомство в низовьях двух рек — Индигирки и Оби — и больше нигде в мире не сооружает себе жилищ.

Трудно сказать, когда сократился ареал обитания и уменьшилось количество белых журавлей. Во всяком случае, это произошло не вчера.

У якутов есть старая примета: увидел стерха — жди счастья. А это означает, что редкостью он стал давно. Ведь счастье каждый день не встретишь. Только в 60-х годах нашего столетия ученые впервые обнаружили жилище белого журавля и разглядели его потомство.

Естественно, стерх давно в Красной книге, на него запрещена охота. Но количество белых журавлей не увеличивается. В птичьей жизни много бывает разных неожиданностей. И порой их сложно учесть. Тут и гибель птенцов, и разорение гнезд хищниками, и, чего греха таить, браконьерские пули. Дорога из Сибири на зимовки в южные страны Азии неблизкая и нелегкая — всякое происходит в пути.

Несмотря на право неприкосновенности во всем мире, без помощи людей стерху долго не просуществовать на Земле. И орнитологи пошли на эксперимент, с которым связывают большие надежды по спасению редчайшего журавля.

Далеко от сибирских болот, в Мещерском крае, течет река Пра — не короткая и не длинная, всего 180 километров. Примерно треть реки — граница Окского заповедника. Места эти лесисты, болотисты, полны зверя и птицы. Немало тут и серых журавлей, которые появляются в Мещере

с половодьем, когда на десятки километров залиты луга и леса. На небольших островках они устраивают брачные хороводы.

...С рассветом, когда над Прой поднимался туман, орнитологи отправлялись в лес искать квартиры серых журавлей. Не одно болото пришлось промерить шагами, прежде чем обнаружили несколько жилищ. За ними установили тщательное наблюдение. Было высчитано все до минуты — через сколько дней в них должны родиться журавлята. Орнитологи не стали дожидаться этого события у гнезд птиц. Из нескольких, незадолго до вылупления, они взяли по одному яйцу и в специальной упаковке, чтобы не охладить, быстро перенесли в Брыкин Бор — центральную усадьбу заповедника. В доме кандидата биологических наук орнитолога Владимира Панченко их положили в инкубатор. Люди не отходили от него ни на секунду, не сводили глаз с приборов. Через несколько дней начала трещать, ломаться крапчатая скорлупа. Стряхнув ее осколки, с писком вылез рыжий птенец. Это был первый журавленок, родившийся в таких необычных условиях. Через некоторое время появился второй малыш.

У Владимира Панченко начались беспокойные дни. Он не доверял

никому журавлят. Старался делать все так, чтобы избежать каких-либо случайностей. Первые дни птенцы провели в доме. Они грелись под лампой. Много спали, охотно ели, дрались. Оказывается, журавлята отчаянные забияки, и если их не разнять, то может случиться несчастье.

Панченко разъединил своих птенцов, посадил их в разные вольеры. Когда Брыка и Кроша — так назвали журавлей — начали гулять, каждому выделили по персональному пастуху. Но всякий раз, заметив друг друга, два рыжих комочка мчались навстречу, и начинался бой. Их тут же брали на руки и уносили в разные стороны.

Когда журавлята окрепли, с ними начали ходить на берег Пры. Тут было раздолье — много воды, солнечные лужайки. Они заходили в небольшой бочажок, плескались, окунали в воду голову, пробовали плавать, охотились. Кроша с Брыкой стали более самостоятельными, забыли драки раннего детства.

Примерно в эту пору над якутскими топиями в самолете или вертолете кружила группа орнитологов. Они искали гнезда стерхов, из которых перед вылуплением должны были забрать по яйцу и быстро перевезти их за тысячи километров в Окский заповедник.

Этим люди не наносили вреда или разорения и без того малочисленной семье стерхов. У белых журавлей в кладке два яйца. Право на жизнь предоставляется по распоряжению природы сильнейшему. Тот, который покрепче, или заклеывает, или топит слабого.

Забирали яйца с максимальной осторожностью. Стерх — птица пугливая: если ее чуть-чуть потревожить у гнезда, она уже больше к нему не подойдет.

Наконец яйца в чемодане-термосе летят над Сибирью, пересекают Урал и приземляются в Москве. Тут их ждет машина. Еще несколько часов, и они в Брыкином Бору, в доме Панченко, в небольшом инкубаторе.

Пока орнитологи сверху просматривали якутские болота, в Окском заповеднике, в экспериментальном питомнике по разведению редких видов журавлей, кое-что уже было отработано, выяснено. И в этом заслуга его первенцев — Брыки и Кроши. Ведь эксперимент по разведению стерхов в незеле начался именно с серых журавлей.

Из всех стерхов, появившихся в Брыкином Бору, выделялся Джордж. Ему не довелось родиться в инкубаторе. Он появился на свет, когда самолет шел на посадку во Внуково. И чтобы не рисковать, его отвезли на московскую квартиру, где и нарекли Джорджем. Через несколько дней он был перевезен в Окский заповедник.

Внешне молодые стерхи были по-

МАЛ МАЗАР

хожи на своих серых родственников. Такие же ярко-рыжие. Даже не верилось, что они должны с возрастом превратиться в белых птиц с черными ободками на крыльях. По характеру они тоже были сходны. Разве только чуть-чуть драчливее. Увидев Брыку и Крошу, Джордж бросился на них и пытался завязать драку. Они с удивлением смотрели на яркого пуховичка и ничего не могли понять. Он подпрыгивал, старался их клюнуть. Но куда ему до птиц, колени которых были выше его головы.

После этого случая, чтобы не испытывать терпения серых журавлей, Джорджа пасли отдельно. Он поне-много осваивался, иногда казалось, что даже кличку свою знает. Юный стерх охотно гулял, азартно охотился на насекомых, с большим удовольствием плавал.

К осени журавлята выросли и превратились во взрослых птиц. Правда, у Джорджа было еще много рыжины. Теперь вся троица была неразлучна. Их пасли вместе. Пастух не гонялся за ними. Стоило ему сесть, птицы останавливались и бродили рядом. Когда человек шел, они спешили за ним. А если кто-то из журавлей, увлекшись чем-либо, отставал, то, заметив опекуна, махая крыльями, мчался со всех ног и догонял его.

До поздней осени, когда упал последний лист с берез, журавлята продолжали гулять. Зиму они провели в питомнике. Их выпускали на улицу лишь в теплые дни. Они охотно ходили по снегу, нежились на солнце. К весне Джордж перелинял и превратился в белого журавля. Лишь несколько рыжих перьев выдавали его молодость.

Снова собираются орнитологи на якутские болота. Они мечтают под Рязанью вырастить стерхов, чтобы путем искусственного осеменения научиться получать от них потомство. И не два яйца, как бывает в природе, а значительно больше. Ученые думают подкладывать их в гнезда серых журавлей. Пусть птицы сами заботятся о них. Кстати, время гнездования, отложения яиц и насиживания у стерхов и мещерских журавлей разное. Тут люди надеются сдвинуть яйценосный период белого журавля и приблизить его ко времени серого.

Осенью над раскрашенными лесами утром и вечером с криками летят журавли. Они собираются в громадные стаи на вспаханных и убранных полях. Тут проводят дневку. Иногда улетают на ближайшее болотце напиться воды — и снова на кормежку. Лишь вечером летят навстречу солнцу, через Пру, на ночевку.

Может быть, пройдет несколько лет, и в этих стаях будут белые журавли. Это значит, что в Мещере они обретут новую родину. Потом начнутся у них заботы по устройству гнезда, воспитанию потомства. И появится в списке птиц Окского заповедника новая — стерх.

„Мазар» — это могила святого, место поклонения; «мал» в переводе с киргизского — «домашнее животное». «Мал мазар» — священное место, где по поверьям древних киргизов животноводов, можно было излечить скот от болезней.

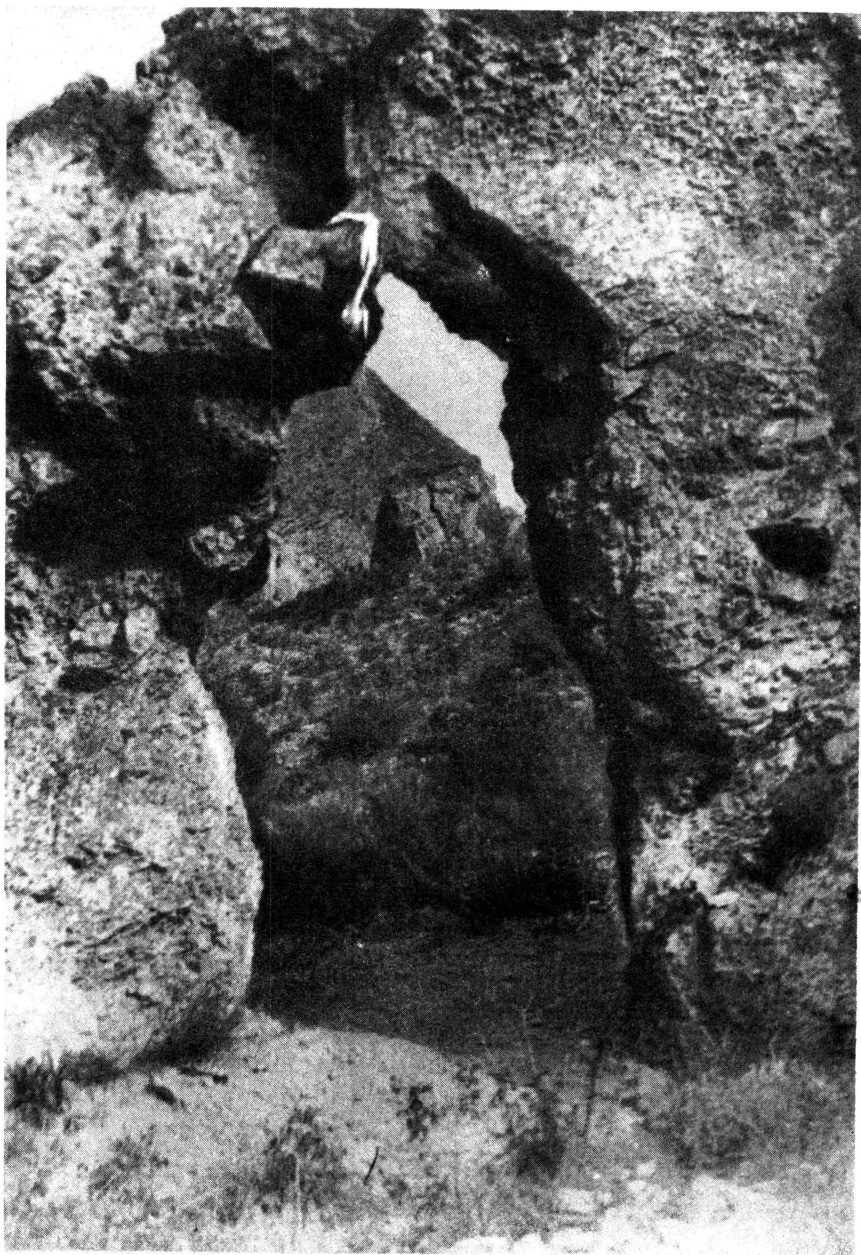
Когда начинался падеж, стадо пригоняли к скалам, к каменным воротам. Пропускали животных через них, просили: «Вылечи наших животных на счастье наших детей...» Вот и вся лечебная процедура.

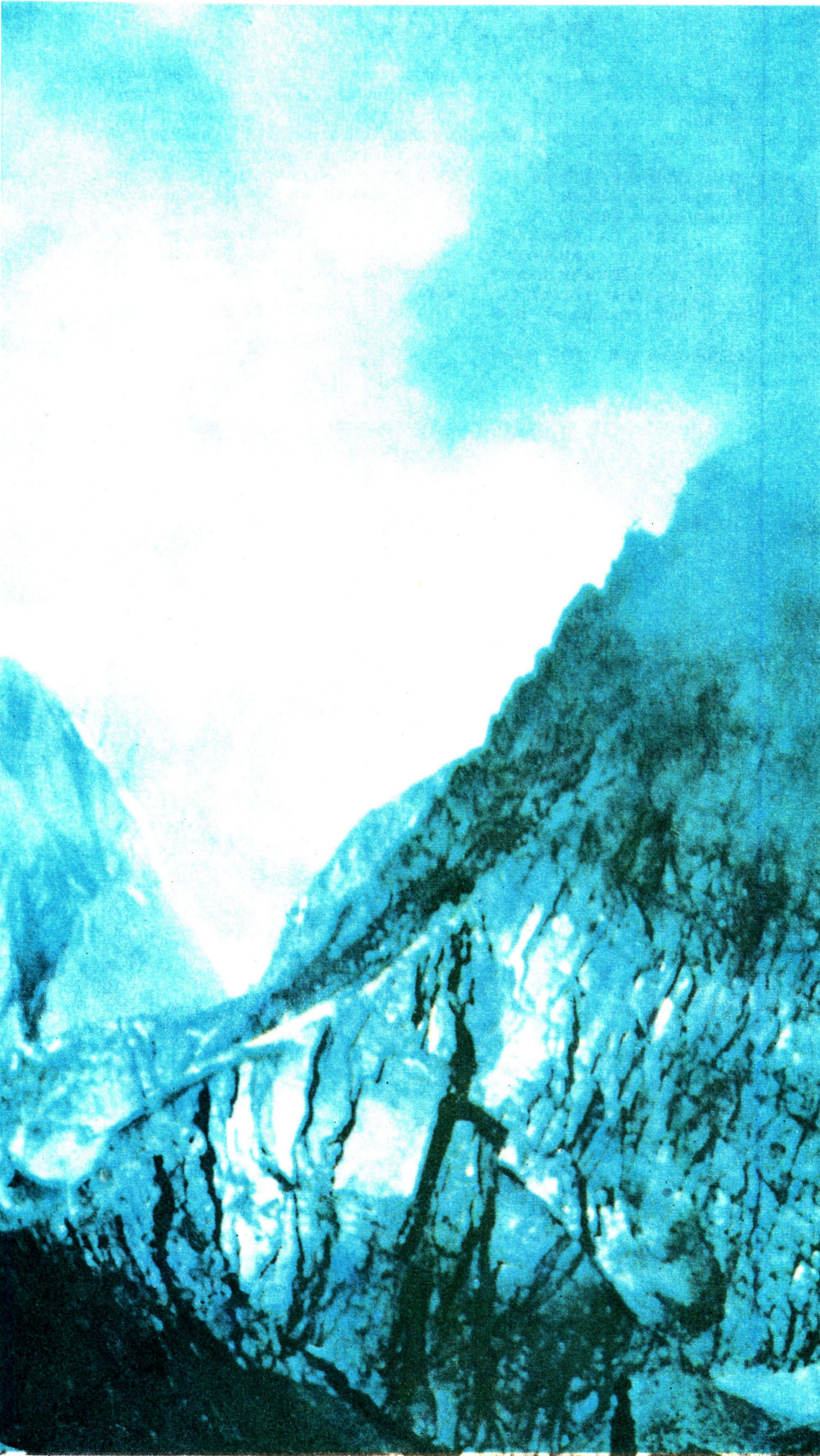
Время возникновения мал мазаров неизвестно. Но они, безусловно, являются свидетелями очень далекой истории: на протяжении многих веков киргизы животноводы вели трудную борьбу за сохранение поголовья домашних животных, которые давали им все необходимое для жизни.

Сегодняшние животноводы, знающие с ветеринарной наукой, вспоминают о древнем обычае с улыбкой.

ТАЙТУРЕ БАТЫРКУЛОВ

Фото автора

Мимо пронеслись автомашины, мотоциклы, шли толпы туристов в разноцветных свитерах и шапочках, увешанных фотоаппаратами и кинокамерами, доносился истошный крик транзистора, хлопали двери магазинчиков, заваленных сувенирами и открытками.

А мы стояли в благоговейном молчании, не в силах оторвать глаз от старинного дома. И оживал тот далекий осенний день последнего года уходящего восемнадцатого столетия. Тогда перед домом нетерпеливо били копытами кони адъютантов Суворова, по ступеням лестниц сбегали офицеры с боевыми приказами, невдалеке дымили солдатские кухни, толпились суровые мужчины — лесорубы и горные проводники. Один из них, тичинец Антонио Гамба, рассказывал о штурме Сен-Готарда. Он сам вызвался провести русского полководца через гряду Альп. В комнате наверху фельдмаршал писал донесение в Санкт-Петербург о только что одержанной победе:

«Начали передовые войски всех трех колонн производить свои действия, неприятель жестоко противился. Колонны наши повели атаку... и учинили на неприятеля такое нападение, которое принудило его ретироваться».

«Они пришли как освободители»

В составе так называемой 2-й коалиции Россия вела войну с Францией. Осенью 1799 года армия фельдмаршала А. В. Суворова освободила от неприятеля уже почти всю Северную Италию. В этот момент поступил приказ идти в Швейцарию, куда направлялся также русский корпус генерала Римского-Корсакова и где стояли австрийские войска. Оттуда предстояло начать вторжение во Францию. От Цюриха до Тичино на заранее подготовленных позициях были развернуты армии лучших французских генералов, Массены и Сульта, будущих наполеоновских маршалов, и дивизия Лекурба.

Для соединения русских армий в районе Цюрихского озера Суворов избрал кратчайший, но и наиболее трудный, особенно в условиях надвигающейся зимы, путь через перевал Сен-Готард. Там, на высоте 2100 метров, проходила к тому же первая линия обороны французов.

13 сентября (24-го по новому стилю) после трех ожесточенных атак с фронта, сочетавшихся с блестящим обходным маневром генерала П. Багратиона, будущего героя Бородины, Суворов овладел Сен-Готардом и затем вступил в Андерматт. Еще со времен средневековья это был важный стратегический пункт на перекрестке путей, ведущих из Италии в Швейцарию, Францию и Австрию.

И вот мы стоим перед домом № 253 по главной, точнее, единственной в Андерматте улице. Сто семьдесят лет назад этот дом был лучшим в высокогорном селении. Вместе с узкой мансардой под остроконечной крышей в нем целых шесть этажей. Сам дом, наверное, остался таким же, только потускнели краски его фасада с цифрой 1786 — года постройки, — да обступили его новые здания. На уровне окон второго этажа прикреплена мемориальная доска с надписью по-немецки: «Здесь 25 сентября 1799 года находилась ставка генералиссимуса Суворова».

Исторической точности ради заметим, что в этот дом Александр Васильевич вошел еще фельдмаршалом: звание генералиссимуса он получил за Швейцарский поход 28 октября 1799 года.

Интересно, кто живет сейчас в суворовских комнатах, как они выглядят? Звоним — никто не отвечает. Поднимаемся по обветшалой лестнице, стучим в низкую дубовую дверь.

— Чего вы снизу звоните, входите! — говорит, улыбаясь, невысокого роста человек.

Черные волосы, быстрая певучая речь и стремительные движения выдают в нем итальянца. Живет Микеле Паппада в этом швейцарском горном селении восьмой год, работает на строительстве до-рог по десять часов в сутки с тя-

желым отбойным молотком. Сюда пригнала его беспросветная нужда: он один из сотен тысяч иностранных рабочих, которые в поисках куска хлеба поехали на чужбину.

— Знаете ли вы, чем знаменит ваш дом?

— Конечно, все здесь знают. Напишите на конверте адрес: «Андерматт, дом Суворова». Дойдет!

Оглядываем низкие деревянные потолки, небольшие окна, на которых пламенеет герань, старинную раскрашенную гравюру, изображающую какое-то сражение. Дом внутри здорово обветшал, но о ремонте, как нам объясняет Микеле, скаредный хозяин и не помышляет: ведь он же сдал квартиру рабочему-иностранцу, не нравится — пусть проваливается.

Паппада показывает квадратное отверстие в полу, прикрытое плиткой старого, растрескавшегося паркета. Такие отверстия делались в старых домах, чтобы переговариваться с кем-нибудь внизу. Может быть, и Суворову оно пригодилось? Этажом ниже располагались его дежурные адъютанты.

— Хорошо было бы повесить здесь портрет Суворова, — говорим мы.

— Конечно, — живо откликается Микеле, — ведь он пришел в Андерматт как освободитель!

Гостеприимный Микеле долго не хочет нас отпускать, угощает итальянским красным вином. Со скрежетом открыв ящик старинного комода — уж не стоял ли он в комнате при Суворове? — Микеле с гордостью показывает свою коллекцию марок, в которой есть два десятка советских. Прощаясь, Микеле сжимает своей сильной рукой наши ладони.

В последний раз оглядываем старинный дом № 253, мемориальную доску. «Он пришел как освободитель...» Да, русская армия действительно вступила в 1799 году в Швейцарию как армия-освободительница, ставившая целью вытеснить из страны расположившиеся там практически на правах оккупантов французские войска. Недаром, как пишет известный историк, профессор Лозаннского университета Ш. Жильяр, «швейцарское население с восторгом встречало армии, под ударами которых отступали французы».

Одно из кульминационных событий Швейцарского похода — сражение у Тейфельсбрюкке — Чертова моста. Это место в нескольких километрах от Андерматта. С высоченной кручи открывается вид на бешено бурлящий и пенящийся поток. Стеной уходят вверх мрачные горы. Невольно делаешь шаг назад от страшной ревущей бездны. А ведь по этим кручам и обледенелым скалам шли в полной амуниции солдаты Суворова. Шли с боями, сбивая французские заслоны вокруг Чертова моста — узкой каменной горбатой арки через Рейс, моста, который с 14 сентября 1799 года вошел навсегда в историю.

Тот, старый, Чертов мост рухнул в 1888 году, вместо него был построен другой, но сейчас и он заброшен: лет двадцать назад через ущелье шагнул третий по счету Чертов мост — широкий, удобный, по которому проходит автомобильное шоссе с Сен-Готарда в центральную Швейцарию и дальше на Цюрих и Базель.

Мы подошли к руинам первого Чертова моста в густом тумане, холодный ветер пронизывал нас сквозь. А каково же было им тогда? Но «там, где не пройдет олень, пройдет русский солдат». На другой день после кровопролитного сражения за Сен-Готард взят был штурмом и этот альпийский бастион. Противник разрушил наполовину мост, стремясь задержать продвижение русской армии.

«Но сие, — читаем в реляции Суворова о Швейцарском походе, — не останавливает победителей, доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершин в бездны и, достигая врага, поражают его всюду... Утопая в скользкой грязи, должно было подыматься против водопада, низрывававшего с яростью страшные камни и снежные и земляные глыбы, на которых много людей с лошадыми летели в преисподние пучины...»

Туман разошелся, и мы увидели kloкочущий среди гранитных глыб Рейс. По этим неприступным скалам суворовские солдаты обошли французов и, перейдя вброд ледяной проток, ударили по врагу с тыла. Чертов мост был взят стремительным натиском и

смелым обходным маневром, путь в северную Швейцарию открыт!

В память о беспримерном подвиге русских солдат в сотую годовщину сражения у Чертова моста был сооружен памятник. В отвесной скале, в изломах каменных пластов — контур арки, в ней распластался 12-метровый крест. Под ним огромными бронзовыми буквами по-русски: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова-Рымнического, князя Итальянского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году». И рядом бронзовый меч с лавровым венком.

Здесь, у монумента русской славы, на память приходили описания битвы у Чертова моста, с детства известные картины Сурикова, Виланда, Верейского, запечатлевшие Швейцарский поход, виденные в Ленинграде экспонаты Суворовского музея, созданного, как известно, на народные деньги, а в ушах слышался шум боя, возглас смертельно раненного на Чертовом мосту смельчака князя Мещерского: «Друзья, не забудьте меня в реляции...», и раскатистое «ура!» русских солдат, штыками сбивавших французских grenadiers с их, казалось, неприступных позиций.

Небольшой двухэтажный дом под коричневой черепичной крышей — придорожная таверна «Тейфельсбрюкке» — стоит у самого обрыва, как раз напротив опор первого моста. На стене полутемной комнаты, где сейчас греются горячим кофе и дымят сигаретами шоферы грузовиков и дорожные рабочие, висит большой портрет Суворова — его подарил советское посольство в Швейцарии, — еще портрет, поменьше, три-четыре гравюры с изображением Чертова моста в разные времена и олеографии, где неизвестный художник запечатлел различные эпизоды баталии.

Видя, что мы рассматриваем их и записываем что-то в блокноты, подошла хозяйка фрау Лоретан:

— Вы, верно, из СССР? Многие ваши соотечественники бывают здесь, у Чертова моста. Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Она открыла дверь в соседнюю просторную и очень холодную комнату (здесь, на высоте почти две тысячи метров, топливо достается дорого), где были развешаны заржавевшие длинноствольные ружья, выщербленные временем сабли, пики и секиры.

— Да у вас прямо музей!

— Да и как иначе? — откликнулась хозяйка. — Рядом Чертов мост, памятник солдатам Суворова. Как стала за стойку «Тейфельсбрюкке», начала покупать эти

ружья и сабли. Некоторые были найдены когда-то здесь среди камней и в Рейссе, кое-что крестьяне принесли из соседних деревень. Как и собралось — сама не знаю.

Это маленькое собрание оружия, олеографии на стенах, сувенирные почтовые открытки с видом памятника и Чертова моста, да и таверна фрау Лоретан не числятся в сверкающих лаком путеводителях и гастрономическом справочнике «Лучшая кухня

Сейчас сюда шагнула на стометровых ажурных бетонных опорах через горные ущелья и долины автострада. Мы и не заметили, как оказались в Альтдорфе. Здесь по преданию восемь веков назад борца за честь и свободу швейцарского народа Вильгельм Телль бросил вызов тирану — австрийскому наместнику Гесслеру, отказавшись кланяться его шляпе, водруженной на шест. Тут, на главной площади, Телль силой был принужден стрелять в яблоко, поставленное на голову его маленького сына. А вот и сам стрелок с сыном на каменном пьедестале. Сильная бронзовая рука сжимает арбалет, принесший гибель тирану.

От Альтдорфа и окрестных земель по берегам Фирвальдштетского озера пошло создание Швейцарской конфедерации.

Швейцарии»; здесь не останавливаются огромные разноцветные всепроникающие автобусы с зеркальными стеклами. Пожалуй, к счастью, не нарушает обыденная туристская суета память о подвиге... И почти два века живет в ней тот единственный день середины сентября 1799 года...

А на следующие сутки, 15 сентября, русский полководец привел свою армию в Альтдорф.

Сначала объединились 3 кантона, потом — 13, в начале XIX века — 22, а два года назад стало 23.

От Альтдорфа, как уверяли Суворова союзники-австрийцы, было всего несколько переходов до Цюриха, где корпус Римского-Корсакова стоял лицом к лицу с вдвое превосходящей его армией французов. Соединившись, две русские армии могли бы осуществить цель всей кампании — вы-

бить противника из Швейцарии. Но в Альтдорфе русский полководец узнал, что никакой дороги вдоль озера в направлении Цюриха не было. Дикий горный хребет Росшток упирался в озеро отвесными, почти непроходимыми скалами. В ранцах солдат, измученных тяжелым переходом через Сен-Готард, оставалось лишь немного муки и по нескольку сухарей: мулы с вьюками отстали или погибли в пути, к реквизициям у бедных горцев-пастухов и лесору-

камням, рыхлому снегу, окликая друг друга в тумане. А сзади и с флангов то и дело наседали французы — они получали свежее подкрепление и к тому же давно освоили этот театр военных действий. Когда тяжкий спуск в небольшую Муотенскую долину был позади, пришло трагическое известие: Римский-Корсаков разбит. Идти к Цюриху бессмысленно...

18 сентября Суворов созвал военный совет: нужно было решить, куда вести дальше армию.

ке. Низкий дубовый потолок, не большие окна, выходящие в монастырский дворик. Изразцовая печь, медная посуда в старинном резном шкафу. Ненарушаемая тишина, и лишь календарь на столе напоминает, что сейчас год 1979-й...

Настоятельница, фрау муттер Моника Квебер — невысокая, седая, энергичная женщина, — приветливо встречает нас, усаживает за свой письменный стол и приносит толстую книгу в истертом кожаном переплете.

— Это дневник, который тогда вела фрау муттер Вали Бургомль, — говорит она, листая книгу. — Здесь записи о монастырских делах, о расходах-доходах. Вот о пострижении новой монахини. Вот и приходе в Муотаталь французов. А это, — смотрите, — о Суворове, о военном совете.

Тут описывается каждый день пребывания русской армии в Муотатале. Французские солдаты требовали продукты и не платили за них. На первом этаже монастыря устроили конюшню.

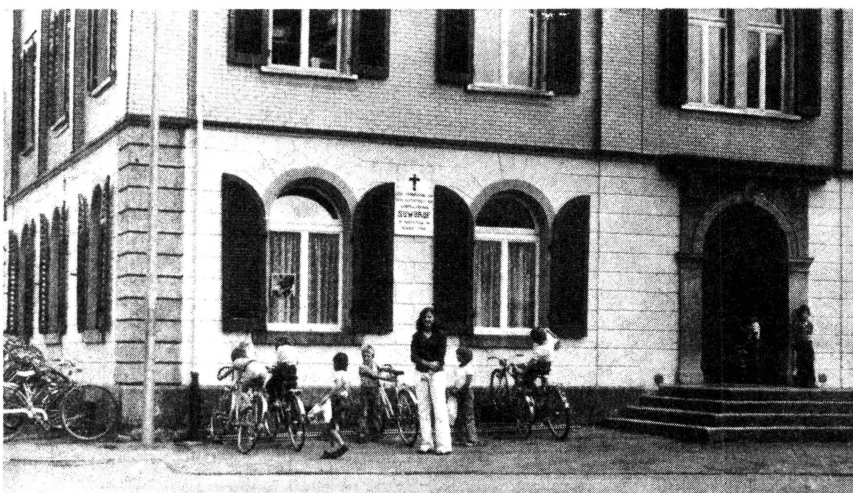
А русские за все платили — и монастырю, и местным жителям. Фрау муттер описывает их благородство. Они пришли как освободители. Когда Суворов выступил из Муотатала на восток, он был вынужден оставить здесь тяжелораненых. В монастыре ухаживали за ними около трех недель, пока их не вывезли...

Из переписки Суворова с царским двором известно, что он ни на день не забывал об оставленных в Швейцарии тяжелораненых, о русских пленных, что настойчиво просил принять меры для их возвращения в Россию.

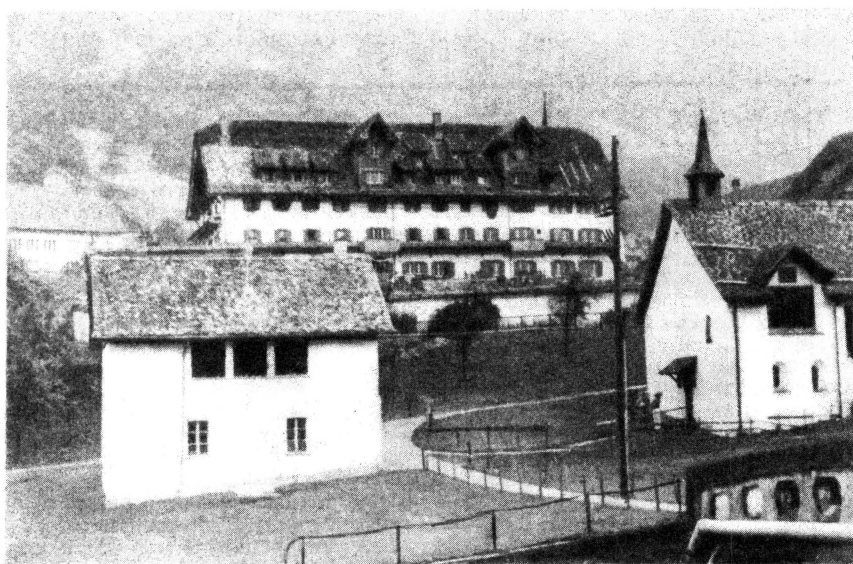
Из приемной настоятельница ведет нас по скрипучим ступеням на верхний этаж в небольшую комнату, где останавливался великий полководец. Сейчас это обычная монастырская спальня. Мебель с тех пор не сохранилась, хотя та, что здесь стоит, «отметила» свое столетие.

Фрау муттер Моника Квебер рассказывает, что два моста недалеко от селения местные жители до сих пор называют суворовскими, что в Муотатале две мемориальные доски. Одна на здании монастыря, другая на фасаде местной школы — там раньше был дом, где, как рассказывали старики, располагались штабы русских полков.

Еще в Москве и Ленинграде, знакомясь с материалами, связанными со Швейцарским походом, мы обратили внимание на старинную карту, вычерченную «свиты его императорского величества по

В Андерматте и у Чертова моста, в Альтдорфе и Муотатале хранят простые швейцарцы память о русских солдатах-освободителях...

бов Суворов, верный своим принципам, не прибегал.

16 сентября авангард Багратиона начал штурмовать хребет Росшток, чтобы пробиться в северную Швейцарию. Солдаты шли гуськом по скользким мокрым

В самой просторной комнате Муотатальского женского монастыря собрались военачальники. Решили пробиваться на восток, к Гларису, где стояли союзные австрийские войска.

...Монастырь основан в XIII ве-

квартирмейстерской части подполковником Залимовым, майором Энгельманом и капитаном Толем», на которой показано сражение на реке Мутта (так называли в России Муоту) 20 сентября 1799 года. Превосходящие вдвое силы французов атаковали наши войска. Но, отразив наступление неприятеля, поредевшие полки Ребиндера, Милорадовича, Мансурова, Кашкина погнались и взяли в плен, как сказано в описании сражения на полях этой карты, «свыше 1100 солдат и офицеров, да захватили пять пушек». Но и после этой победы русской армии все же пришлось, одолевая горные кручи, пробиваться на Гларис.

...Дальше по Муотаталю вела нас дочь мэра городка восемнадцатилетняя Анна-Мария. Мы сидели в машине, собираясь отправиться в Гларис по шоссе.

— Но русские солдаты пошли другой дорогой! — уверенно сказала Анна-Мария. — Сейчас это почти заброшенная тропа. Едем, я покажу.

Дорогой действительно мало пользовались — мы лишь раз встретили автомашину. Но как же трудно было с ней разминуться! Мы продвигались чуть ли не по сантиметру, вжимаясь в нависавшую справа скалу, а встречная машина почти зависла колесами над головокружительным обрывом.

Теснились толстые стволы сосен, низвергался водопад, грохоча и увлекая за собой палки и мелкие камни. Исчезли в долине шале — домики с ярко раскрашенными ставнями и наличника-

ми, лишь изредка на крутом склоне — и как туда только забираться! — чернели угрюмые дома горцев, сложенные из толстых бревен, опирающихся на неотесанные глыбы. Высились поленицы дров. А дорога крутыми витками врезалась в угрюмый пейзаж нетуристической Швейцарии.

— Говорят, тут был привал у солдат, — вдруг сказала Анна-Мария. — Вон доска...

Она была привинчена прямо к бугристой желто-коричневой скале

«В память о переходе русских войск под руководством генералиссимуса Суворова в сентябре 1799 года».

И снова в горной тиши представили мы армейский бивуак, голоса командиров, лязг составляемых в козла ружей... У самой мемориальной доски росла высокая, крепкая, вцепившаяся корнями в каменистый грунт рябина. Казалось, кто-то специально привез рябинку сюда как напоминание о родных русских лесах...

В Гларисе австрийцев уже не было: не заботясь о своих союзнических обязательствах, они ушли из Швейцарии, оставив русских один на один с неприятелем. Весь путь армии Суворова на Гларис, потом на юго-восток, на перевал Паникс, сопровождался почти непрерывными боями с французами, силы которых превосходили русские во много раз. Паникс был последним, но, может быть, наиболее тяжелым испытанием для измученных тяжелым альпийским походом суворовских солдат. На

перевале снежный покров достигал полутора метров, идти можно было только гуськом по узкой, вьющейся по кручам тропинке, иногда и она исчезала, ветер валил с ног солдат в разбитых о камни сапогах, истрепанном обмундировании. Развести костры было невозможно, вокруг ни одной сухой ветки.

«Так мы шли, — вспоминал П. Багратион, — почти босые, через высочайшие скалистые горы, без дорог... через быстротокки, переходя их по колено и выше в воде. И одна лишь сила воли русского человека с любовью к отечеству и Александру Васильевичу мгла перенести всю эту пагубную пропасть».

Только 27 сентября (8 октября по новому стилю) армия спустилась в долину Рейна, откуда отошла на север, в Австрию, на зимние квартиры.

Беспримерный по мужеству Швейцарский поход был окончен.

«Самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов» назвал Швейцарский поход Суворова Ф. Энгельс.

Весь боевой путь русской армии через Альпы — от штурма Сен-Готарда до спуска с Паникса — продолжался около двух недель. Но память об этом подвиге вот уже почти два века передается от одного поколения швейцарцев к другому. Бережно сохраняется памятник у Чертова моста, мемориальные доски, все, что связано с пребыванием русских солдат на земле альпийской республики.

«РЕЗВЕЙШЕМОУ ИЗ РЕЗВЫХ»

Никто не знает, сколько скульптурных памятников различным животным и зверям насчитывается в Индии. В камне и дереве, бронзе и глине еще в старину были увековечены слоны и обезьяны, львы и олени, буйволы и крокодилы. Однако есть среди этих памятников и сравнительно молодые. Один из них находится в штате Мадхья Прадеш, причем история его весьма необычна.

Когда едешь из главного города штата Бхопала в Лалитпур, то неподалеку от небольшого городка Тикамгарха еще издали видишь огромное дерево. Под ним — каменная статуя скакуна с гордо вскинутой головой и стройными точеными ногами. Стоит недалеко задержаться возле этого памятника, и обязательно станешь свидетелем такой сцены. Каждый из проезжающих по дороге всадников обязательно спешится, поравнявшись с деревом. Потом, ведя коня в пово-

ду, подойдет к каменному скакуну и молча постоит минуту-другую.

Эта традиция не только дань уважения некогда жившему коню. По местному поверью каждый раз он передает часть своих непревзойденных качеств ныне здравствующим собратьям. А кому не хочется, чтобы его конь был самым быстрым, статным и сильным? Для этого можно даже сделать крюк, чтобы лишний раз побывать у памятника.

Родилась традиция одновременно с установкой памятника. Было это в период английского владычества, когда в Индии начали строить первые железные дороги. Земли Тикамгарха принадлежали магарадже Пратапу Сингху, который не любил новшества и не верил в их пользу. Поэтому, когда агент железнодорожной компании приехал к нему и предложил провести через владения железную дорогу, Пратап Сингх наотрез отказался, заявив, что его вполне устраи-

вает конь. Чтобы уговорить упрямого магараджу, агент выложил главный козырь, сказав, что паровоз куда быстрее самого резвого скакуна. Однако магараджа ответил, что ни за что не поверит в это. Разгорелся спор, в результате которого стороны пришли к такому соглашению: если конь проиграет гонку на участке в 43 километра от Лалитпура до Коронды, где уже была железная дорога, то англичане прокладывают линию через Тикамгарх; если же выиграет магараджа, то все близлежащие деревни переходят в его владения.

В этом состязании английский паровоз потерпел полное поражение: он покрыл только 26 километров, а конь уже промчался всю дистанцию. Правда, на обратном пути загнанный скакун пал бездыханным, но победа тем не менее была одержана, и благодарный магараджа приказал установить на месте гибели коня памятник с надписью: «Резвейшему из резвых».

ЕВГ. БУЗНИ

Над холмом лился наигрыш, похожий на пение скворца: фью-у-у, фью-у-у... Это играл на самодельной свирели-алгайте пастушок, сидевший на сером валу-не на вершине холма. Он упоенно раскачивался в такт сочиненной, видимо, им самим нехитрой мелодии. Со всех сторон холм окружала широкая полоса саванны с островками колючего кустарника и одинокими цветущими акациями, похожими на огромные букеты ярко-красных гвоздик. От подошвы холма к недалекой границе буша разбрелись в густой траве большешерные степенные зебу и непоседливые козы.

Чего бы проще, без всяких выкрутасов подойти к пастушку. Но я решил незаметно подкрасться сзади, как охотник к распеваящему во время весеннего тока тетереву. Вспомнить охотничьи навыки вынудили предыдущие встречи с нигерийскими пастухами: едва завидев меня, пастухи пряталась в буш или убегали в саванну, увлекая за собой стадо. После нескольких безуспешных по-

ЮРИЙ ДОЛЕТОВ

ТАЙНА «МАРОККАНСКОЙ КОЖИ»

пыток я догадался, что отшельники скотоводы боятся не лично меня, по виду обычного белого туриста, а вообще пришлого человека.

А встреча была крайне необходима, иначе моя поездка могла оказаться напрасной...

Несколькими месяцами ранее я побывал в соседнем Того. Там, на городском рынке в Ломе, меня заманил в свою лавчонку вертлявый торговец, одетый в дешевой европейский костюм.

— О, мой друг! Есть очень подходящая вещь! Специально для тебя придержал, — таинственным полупешотом убеждал он.

В полутемной лавчонке, сделанной из кузова старого автофургона, «купец» выудил из-под прилавка красную сафьяновую обложку для книги средних размеров. Мягкая кожа блестела как лакированная, а на ощупь была бархатистой.

— Марокэн! — пояснил торговец и принялся на все лады расхваливать свой товар.

Такую же обложку, правда, потускневшую от времени, мне уже довелось видеть в одном из этнографических музеев. Пояснительная табличка гласила: изделие из Марокко, выполнено неизвестным ремесленником в XVI веке. Кстати, по названию этой африканской страны стал именоваться сафьян самого лучшего качества — по-английски «мэрокоу».

Далеко за пределами Нигерии можно встретить разнообразные изделия из сафьяна, получившего название «марокканской кожи».

Наиболее трудная и ответственная работа у боророджи — забота о стаде возложена на подростков.

В Нигерии я не встречал «мэрокоу». Поэтому, возвратившись в Лагос, не без гордости показал своим нигерийским коллегам — журналистам попкуку. К моему удивлению, никто из них не проявил особого интереса к обложке, вернее, материалу, из которого она была сделана.

— А ты уверен, что «марокканская кожа» поступает именно из Марокко? — охладил мой восторг Реми Илори, круглолицый крепыш, пользующийся в местных журналистских кругах репутацией эрудита.

Конечно, я был уверен в этом. Марокканский сафьян издавна считается лучшим в мире. Подтверждение я читал у известного писателя Мельникова-Печерского, признанного знатока народных ремесел. Поэтому ответил, что готов биться об заклад.

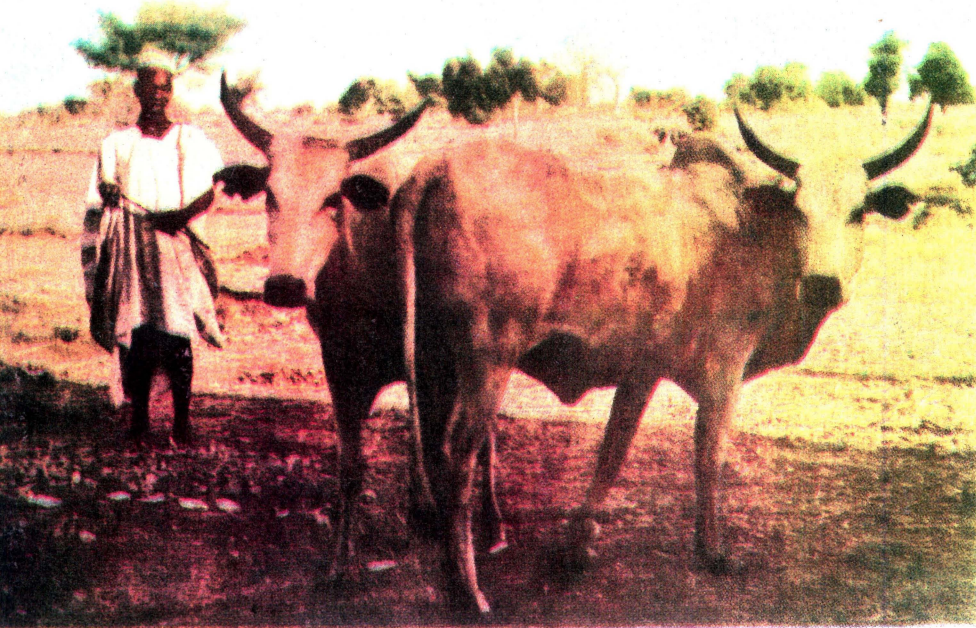
— Считай, что проспорил. «Марокканская кожа» изготавливается не в Марокко, а у нас в Нигерии. Я бы мог рассказать об этом подробнее, но раз ты упорствуешь... Ниши сам! Хотя... для начала при-

случае надеяться в наш северный штат Сокото.

Он говорил загадками, а они всегда будоражат воображение, толкают на поиски...

Но прошел не один месяц, пока я собрался поехать в Сокото. Дело в том, что скот в Нигерии разводят преимущественно в северной ее части, где огромные пространства занимает саванна. Именно там и следовало искать людей, имеющих прямое отношение к выделке кожи и поделкам из нее: пастухов, кожевников и торговцев. Я рассчитывал быстро пройти по этой цепочке и разгадать загадку Илори. Однако возникло непредвиденное препятствие: упорное нежелание пастухов встретиться со мной. Поэтому-то и крадся я столь осторожно через травяные джунгли к пастушку на холме в надежде, что на сей раз удастся взять у него интервью.

Для праздника «гаута увасан» отбирают самых сильных и красивых быков зебу.

...Неожиданно «музыкант» резко повернулся в мою сторону. Плавная мелодия прервалась, и пастушок взял пронзительно-резкую ноту, похожую на разбойничий свист. Тут же зебу и козы с необыкновенной прытью — словно их разом хлестнули бичом — бросились в бущ.

— Санну да рана! — Добрый день! — приветствовал я пастушка.

— Санна да рана!

— Кауво ми ни рауво? — Вода у тебя есть? — Я улыбнулся, демонстративно облизнув губы. Впрочем, меня действительно мучила жажда: термос, наполненный утром в природной ночлежке, был уже давно пуст.

Пастушок настороженно молчал.

На первый взгляд я бы дал ему лет пятнадцать, хотя на самом деле,

судя по тонкой, стройной фигурке, он наверняка был моложе года на три-четыре. Его взрослили мужественность осанки и суровое выражение продолговатого лица, опаленная солнцем кожа которого, казалось, впитала цвет местной красновато-бурой земли. Тонкий нос и губы; у глаз сетка не по годам ранних морщин от постоянного пастушеского прищуря; из-под плоской вязаной шапочки курчавились волосы, не знавшие гребешка. Гибкое, жилистое тело прикрывала до колен коричневая «рига» — свободная одежда, представляющая симбиоз рубашки и

туру. Правда, ассимилировались в основном фульбе, осевшие в городах. А борорджи — кочевники-скотоводы — во многом сохранили патриархальный уклад и все еще придерживаются обычаев и традиций, унаследованных от предков.

...Возвратился пастушок с глиняным кувшином и подал мне: — Гашш!¹

Я напился живительной родниковой воды, опустошив кувшин почти наполовину. Слово за слово, мы разговорились, благо мой новый знакомый Шеху Тамид довольно прилично — для такой «глубинки» — знал английский. Намолчавшись в одиночестве, он стал охотно посвящать меня во все детали пастушеской жизни. До этого я уже много читал о быте, традициях и социальном укладе борорджи. И все-таки немало в рассказе подростка оказалось для меня новым.

У фульбе, как и у других африканских народностей, занимающихся скотоводством, существует пословица, смысл которой можно выразить так: кроме семи кругов ада, есть еще и восьмой, страшнее всех остальных. Этот круг — кочевье, и проходить его вынуждает суровая повседневная необходимость.

Благополучие каждой семьи полностью зависит от в общем-то небольшого стада (десять-пятнадцать зебу и несколько десятков овец и коз). Оно единственный источник существования многочисленной семьи, в которую входят представители двух-трех поколений. Но скоту нужны корм и вода. Поиски их — дело непростое, если учесть, что только в Нигерии насчитывается несколько сот тысяч борорджи.

Кочуют они семьей или небольшими родственными кланами, используя для выпаса скота только те пастбища, по которым ходили со своими стадами их деды и прадеды. Да и живут эти потомственные скотоводы так же, как жили их предки. Например, прежде чем разбить «ругу» — временный лагерь, они разводят костер и наблюдают за дымом: если он клубится или по земле стелется, можно без опаски располагаться на новом месте; если же дым столбом уходит в небо, значит, тут обитает «бори» — злой дух, и надо перебраться отсюда подальше.

На каждой руге кочевники ставят хижины-временки. Для этого на земле пастушеским посохом очерчивается круг диаметром в пять-шесть метров и по нему через равные промежутки втыкают длинные тонкие жерди. Концы их, став на спину зебу, связывают в пучок веревкой или жгутом из травы, и каркас хижины готов. Стены ладят из тростника, стеблей сорго, а то и просто травы — что есть под рукой; землю внутри хижин устилают шкурами, затем циновками, и дом построен.

В семье испокон веков существует твердое распределение обязанностей. Ее глава — старший по возрасту мужчина — занимается, так сказать, «интеллектуальной работой» — определяет маршруты перегонов скота; высягает у окрестных жителей, где находится места, не пораженные «аурой» — мухой цеце; решает, как долго оставаться на одном пастбище. Женщины ведут хозяйство, готовят пищу. Особых кулинарных навыков от них не требуется, ибо меню однообразно. Из «мадары» — молока зебу — борорджи готовят «ноно» — творог и «мэй» — сыр. Эти же продукты наряду с мясом — сами фульбе едят его мало, разве что в дни

халата. Передо мной, несомненно, был фульбе — представитель одной из больших народностей, обитающей в северной части Нигерии и за ее пределами.

Я повторил просьбу.

Пастушок кивнул в знак согласия и, не выпуская из правой руки алгайту, зашагал к островку яркой травы у подножия холма, где, видимо, бил родник...

Непохожесть фульбе на другие негроидные народы вызвала в свое время немало споров об их происхождении. Некоторые антропологи считали фульбе весьма таинственной расой, чуть ли не космическими пришельцами. Другие исследователи принимали этих людей за изгнанных Тамерланом потомков цыган, осевших в Африке предков римских легионеров, басков и даже выходцев с Малайского полуострова. Теперь уже доказано типично африканское происхождение «таинственной расы»: эта народность относится к особой этнической группе, родственной эфиопской расе.

На территории, которую занимает нынешняя Нигерия, фульбе проникли в XIII веке, перемешались с живущими здесь хаусанцами, переняв их язык, куль-

¹ Держи! (хауса).

ритуальных праздников, — а также шерсть, шкуры отвозят на ближайший к руге рынок и покупают на вырученные за них деньги соль, зерно, овощи. А вот наиболее трудная и ответственная работа — забота о стаде — возложена на сыновей, и только в семьях, где их нет, этим занимаются отцы.

В пастухи, точнее в подпаски, Шеху определили семи лет — у боророджи принято приобщать детей к труду сызмала. Правда, первое время он ходил за стадом вместе с отцом, который обучал его секретам этой нелегкой профессии. Ведь пастух обязан разбираться во всевозможных травах, знать болезни скота и уметь лечить их. Он должен обладать выносливостью марафонца и навыками следопыта: по едва уловимым ориентирам — складкам местности, разрозненным купам деревьев, а то и просто по солнцу — безошибочно выводить зебу и коз к водопою и хорошему выпасу.

Боророджи не делают загоны для скота: ведь стадо все время в движении, все время на ходу. Уследить за каждым животным тоже невозможно. Единственный выход — установить со стадом с помощью жестов и звуковых сигналов незримую связь, подчинить, где лаской, где и бичом, зебу и коз своей воле. Целые месяцы длится эта своеобразная дрессировка животных. Случается, пастух уводит стадо подальше от колодца или реки, а потом, зазывая его игрой на алгайте, ведет к водопою. Едва дав смочить губы, снова гонит в саванну, оттуда — опять к воде. И так бесцелное число раз. Бывает и по-другому: пастух целый день перегоняет зебу и коз с места на место, пока они едва не валятся с ног. Потом приносит обессиленным животным охапки травы, кормит, ласково разговаривает, причуя к пониманию своей речи. Жестко. Но эта жестокость, считают боророджи, оправдана всем укладом их суровой жизни.

Права на вождение автомобиля можно получить после шестимесячного обучения на курсах шоферов. Постигание пастушеских секретов длится гораздо дольше. Лишь через два года пребывания в подпасках отец вручил Шеху отполированный посох — своеобразный сертификат, дающий право быть пастухом.

Выбрав момент, когда Шеху приумолк, я показал ему захваченную с собой сафьяновую обложку.

Подросток раскрыл ее, как книгу. — Видел такие! Наши маджемии¹ делают.

— Ошибаешься! Марокканского ремесленника работа, есть такая страна Марокко. Потому и кожа так называется — «мэрокоу», — возразил я.

— Мне-то уж не говорите. У любого маджемии в том же Сокото — город тут неподалеку — этого «мэрокоу» сколько угодно увидите (сам

того не ведая, пастух подсказал мне очередное место поисков). И знаете, из чего ее делают? Кумба! Дадо! — позвал Шеху.

К нам подбежали две козочки с усеянной колючками короткой шерстью, жалобно заблеяли, явно выпрашивая подачку.

— Вот она, «марокканская кожа»! — горделиво произнес Шеху.

В отличие от наших коз средней полосы — белых, черно-пестрых — шерсть у них была бурой, словно их прополоскали в чае с отваром из луковичной шелухи.

— Эти замарашки? Да у них когти, того и гляди, кожу протрут.

— Нет, — всерьез воспринял мои слова пастушок, — кожа у наших коз не хуже, чем у носорога: хоть и тонкая, но прочная. Хороший козел стоит дороже большого биджми¹. Козы этой породы называются... — Неожиданно Шеху умолк, вслушиваясь во что-то, затем взял в руки алгайт.

Саванна по-прежнему стрекотала, навистывала, шелестела. В этой разноголосице звуков я не уловил ничего тревожного. Однако Шеху еще больше насторожился, вытягивая, как кобра, худую шею.

И тут из-за гребня холма вышли подросток с посохом, свирелью, в такой же, как у Шеху, одежде и следом за ним худощавый молодой африканец в потертом европейском костюме, с небольшой кожаной сумкой в правой руке.

— Сосед пожаловал! — радостно заулыбался Шеху, опустив алгайт, которую держал наготове у губ.

Сосед Шеху — Дико, как я и предположил, тоже был пастухом. А его спутник Ангулу Фари оказался важным по местным меркам лицом — разъездным ветеринаром. Ангулу Фари нет еще и тридцати. Он окончил факультет животноводства университета в городе Зариа, год проработал в министерстве сельского хозяйства штата Сокото. Но дал о себе знать «зов крови» (предки Ангулу Фари были боророджи, а родители перебрались в город), и теперь он помогал кочевникам уберегать скот от болезней, неделями отмеряя десятки миль по саванне.

Из Шеху, видимо, получился хороший пастух: осмотр стада закончился быстро, а его результатами, судя по разговору, остались довольны и хозяин и ветеринар. Нигерийцы подошли к валуну, где я расположился. Ангулу Фари присел рядом.

— Ты так и не сказал, как называются ваши козы, — напомнил я Шеху.

— Козы этой породы называются «красный сокото», — ответил за него Фари. Видимо, пастушок уже передал ему содержание нашего разговора. — Откуда они взялись, пока

неизвестно. Предполагают, что привели с собой фульбе. Важно другое. Порода эта прижилась в основном тут, в Северо-Западной Нигерии. Люди издавна подметили, что только выделанная кожа коз «красных сокото» и только из этих мест получается самого высшего качества. Пробовали «красных сокото» разводить и в других районах Нигерии и даже в других странах, где климат помягче: нет пятидесятиградусной жары, харматана, пыльных бурь, где в достатке трава, вода.

Козы прижились хорошо, расплодилось, но вот кожа у них не та, с местной не сравнить. Наверное, все дело в здешних условиях — сухой, в общем-то, климат, своеобразный травостой, наличие в траве и воде определенных микроэлементов...

Выяснив, что мне надо попасть в Сокото, Ангулу Фари напросился в попутчики: ему необходимо было побывать в министерстве. Я охотно согласился: уж ветеринар-то должен знать тайну «марокканской кожи».

Увы, на спидометре пошел третий десяток миль, а Ангулу Фари упорно молчал.

— Много у вас в Нигерии «красных сокото»? — спросил я, чтобы завязать разговор.

— Порядочно! В одном только штате Сокото миллиона два, все на посечении подростков.

— Нелегкая ноша на слабых юношеских плечах, — согласился я, вспоминая Шеху и его соседа-пастушка.

— Слабых? Видели бы вы, как эти подростки, отнюдь не могучего сложения, с биджми управляют...

Раз в год, перед началом сухого сезона, прежде чем откочевать в долины рек, боророджи собираются родовыми кланами на свой праздник — «гаута увасан». Все от мала до велика наряжаются в традиционные одежды. Каждая семья не скупились — готовит мясное блюдо. С утра до вечера в руге звучит музыка, не прекращаются танцы, на которых парни выбирают себе невест (у кочевников-скотоводов браки разрешены только внутри одного клана). И все же главное событие — игры молодежи, называемые, как и праздник, «гаута увасан» и чем-то напоминающие родео, во время которых юноши показывают свою силу и ловкость.

«Гаута увасан» устраиваются на небольшой площадке, размером с волейбольную, ничем не огороженной. На нее выводят матерего быка зебу с крутыми рогами, спутывают ему веревками передние и задние ноги. Концы веревок метрах в пяти-шести от зебу крепко держат мужчины, не давая ему сдвинуться с места. Затем на площадку выходит старый пастух и предлагает подросткам вступить в единоборство с быком. Смелчак, как правило, находится. Он ста-

¹ Дубильщик (хауса).

¹ Бык (хауса).

новится перед зебу на колени в пределах досягаемости грозных рогов и начинает дразнить его щипками за ноздри. Бык, не привыкший к такому обхождению, естественно, приходит в ярость и пытается поддеть обидчика на рога. Но это не удается: пастушок, изгибая туловище во все стороны, ловко увертывается, да и мужчины начеку — не позволяют животному передвигаться. Доведя зебу до белого каления, подросток забегает сбоку, вскакивает ему на шею, хватается за рога. Разом отпускаются веревки, и тут-то начинается захватывающее дух зрелище.

Бык бросается из стороны в сторону, кружится, брыкается, яростно

Зрители расступаются, а зебу, вскочив, тяжело трусит в саванну. На площадку выводят свежего быка, и в противоборство вступает новый пастушок. Ну а победителем считается тот, кто быстрее других уложит быка «на лопатки».

...Сокото поразил меня обилием деревьев. Купами и в одиночку, они были всюду — на улицах, площадях, во дворах. Впрочем, как вскоре выяснилось, необычного тут ничего нет: своей северной окраиной Сокото упирается в полноводную реку.

Сокото, основанный каким-то аборигеном и унаследовавший его имя, ведет свое летосчисление с XII века. В скромной деревеньке, открытой ветрам, долгое время было десятка два круглых хижин, куда изредка наведывались кочевники для

лов Сокото. Справа тянулась глухая глинобитная ограда высотой примерно в два человеческих роста, и на первый взгляд могло показаться, что это стена одного большого жилища. Однако «закнвайе» — тонкие, похуже на прямые слоновые бивни выступы на плоских крышах, разделяющие «сороры»¹, как межевые столбы, — и двери говорили о том, что перед нами отдельные дома, сомкнувшиеся друг с другом своими наружными без окон стенами.

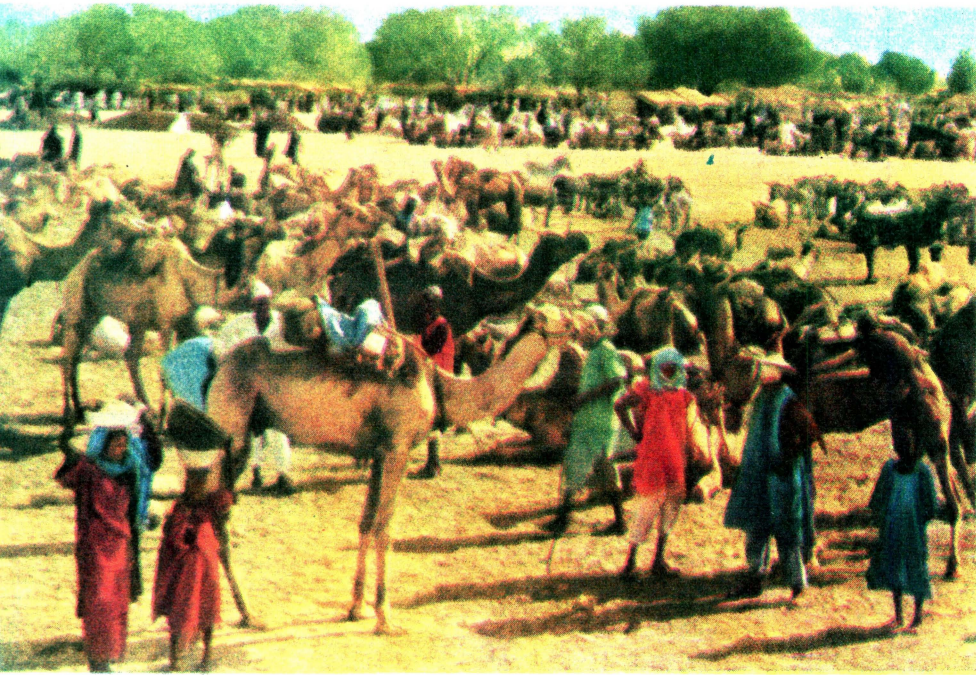
Пригнув голову, вслед за Фари я шагнул в проход в стене, из-за которой доносился ритмичный звук, словно кто-то тер белье на стиральной доске. Мы оказались в «зауре» — небольшой комнате, нечто вроде проходной или прихожей. Как объяснил мой спутник, отсюда можно пройти в соро только с разрешения хозяев.

Ангулу Фари громко кашлянул. Стало тихо, и к нам вышел невысокий хаусанец в кожаном фартуке, надетом прямо на обнаженное по пояс тело. Тыльной стороной правой ладони он смахнул пот, обильно покрывавший высокий лоб, и только после этого церемонно поздоровался. Когда Ангулу Фари представил меня и объяснил, что я специально приехал в Сокото из далекой страны, чтобы познакомиться с искусством здешних кожевников, маджеди, немного поколебавшись, пригласил нас пройти в дом.

Слева от зауре во дворе находилась мастерская по выделке кож. Вдоль стены на веревке, как белье, сохли на солнце шкуры. Неподалеку стояли две железные бочки с водой. Тут же была прилажена широкая наклонная доска — главный «станок» в дубильне Умару Суле. Один ее конец лежал на чурбаке высотой со стол, другой — у самой земли упирался в колышек. На доске расплалась козья шкура, а к чурбаку был прислонен железный скребок с двумя деревянными рукоятками. Рядом в двух круглых ямах мокли, вспучившись, словно бока бегемотиков, заготовки. В четырех бачках, каждый ведр на пять, хранились «специи».

От зауре утоптанная дорожка велась через двор к самому дому — трем глиняным коробкам: в центре стояло жилище хозяина (по хаусанским обычаям он располагается отдельно от семьи); справа — жены и детей; слева — хранилище для кож. Умару Суле не пригласил нас в свою «комнату», видно, стыдился ее бедного убранства, а предложил устроиться на стоявших в тени у стены чурбаках, заменявших стулья, и стал подробно рассказывать о секретах своей профессии.

Умару Суле — потомственный маджеми. Правда, его дед жил в городе Кано, потом перебрался в Сокото,

Здесь, на рынок Курми в Кано, свозят свою «продукцию» маджеми и бадуку.

мотает головой, стараясь сбросить седока. Так проходит минут десять-двадцать, и все это время пастушка, точно кузнечика на самом верху быллинки, раскачиваемой сильным ветром, немилосердно трясет и швыряет.

Постепенно силы покидают биджими. Почувствовав слабость зебу, подросток, используя рога, как рычаги, начинает крутить ему шею. Видно, в это время у зебу наступает удушье или же он теряет ориентировку. Во всяком случае, движения быка слабеют, и наконец под восторженные крики болельщиков он, словно обессилевший путник, нехотя опускается на землю.

обмена своих продуктов на продукты земледелия. Ныне Сокото — столица штата с таким же названием. Его население перевалило за сто тысяч (в Африке такой город считается довольно крупным). Здесь есть цементный завод, кожевенная и ткацкая фабрики, построены школы, больницы, кинотеатры, открыты магазины. Вечером на улицах и площадях вспыхивают гирлянды электрических огней, до сих пор вызывая восхищение стариков, помнящих времена, когда Сокото жил при копилках и свечах.

Город нехотя приходил в себя после полуденного оцепенения. Раскаленные улицы были еще сонны, лишь изредка на них появлялись прохожие да проскакивали автомашины. Мы остановились под тенистым деревом.

— Вот мы и приехали! — Ангулу Фари распахнул дверцу.

Если бы не стоявший в воздухе резкий, тошнотворный запах гниющих кож, квартал маджеми ничем не отличался бы от других кварта-

¹ Дом (хауса).

куда боророджи свозят шкуры для продажи. Сейчас в Нигерии есть и кожевенные фабрики, причем их продукция дает немалую толику в валютных поступлениях. Но по-прежнему большим спросом пользуются изделия ремесленников. Как и в прошлом, выделка кож остается предельно простой. Однако эта простота, предупредил Умару Суле, обманчива: стоит передержать шкуры на солнце или в яме с водой, снять скребком лишний слой — и все пойдет насмарку. Кожа потеряет свой естественный рисунок, станет ломкой, как солома.

У маджми веками отработан, если можно так сказать о его примитивной мастерской, законченный цикл. Сначала развешиваются на веревке сырые шкуры прожариваются на солнце. Затем, как это ни странно, их закладывают на ночь в бочку с водой. Утром мокрые заготовки натирают с обеих сторон порошкообразной смесью из древесной золы и «катси»¹ и выдерживают в течение двух дней. Потом Умару Суле снимает скребком на доске ставший податливым шерстяной порок (чем он и занимался, когда мы подъехали к его дому) и тщательно промывает шкуры. На этом первичная обработка заканчивается.

Шкуры затем закладывают на сутки для дубления в яму, наполненную водным раствором стручков местной акации. Только после этого производится чистовая обработка скребком, и снова шкуры погружают в ту же яму еще на сутки. Потом следует еще полдюжины операций: поскокание, сушка на солнце, натирка арахисовым маслом, многократное прополаскивание в бочке с водой, заключительное дубление, которое обычно затягивается дней на десять. Теперь остается придать коже нужную окраску. По традиции нигерийцы предпочитают красные, желтые, зеленые цвета, причем краску Умару Суле готовит сам. В деревянную ступу насыпает кору от початков манса, добавляет туда стебли растения, называемого «баба»², золу, толчет все тяжелым пестом до превращения в мельчайший порошок, который засыпает в ту же яму с водой. Туда закладывают затем кожи, которые через два-три дня обретают красный цвет. Убедившись, что они достаточно впитали краску, Умару Суле промывает их, поочередно натягивая на доску и равномерно постукивает деревянной колодушкой, делая тем самым кожи мягкими, эластичными. После этого сушит их в тени.

Желтую краску маджми получает из корней кустарника «куруди» и хлопкового семени. Зеленую — фабричного производства — обычно покупает в магазине, одна-ко добавляет в нее растертые хлопковые семена.

Рассказав о процессе дубления и окраски, Умару Суле подвел нас к хранилищу, предложил заглянуть внутрь: в полутемной кладовке «дозревали» на веревках, натянутых от стены к стене, выделанные кожи.

— Отвисятся, сколько надо, и на рынок? — спросил я.

— Э-э, нет! Это еще не товар. За них много не возьмешь. — Умару Суле вошел в хранилище и вынес охапку кожевенных изделий, которые бережно разложил на землю. Чего тут только не было! Красные, зеленые, желтые сумки, расшитые причудливыми орнаментами, подушки,

пояса, обложки для книг, кошельки.

Умару Суле не изучал политэкономии, но до ее азов — готовый товар имеет большую цену, нежели сырье, — дошел собственным разумением. Научился еще и ремеслу «бадуку»¹ (здесь он пошел дальше отца и деда, которые были только маджми) и с помощью лишь остерого ножа, иглы да набора ниток разных цветов выпускает разнообразную продукцию высшего качества. Причем, накопив партию товара, сам везет его на рынок...

— Не один я теперь так делаю, а все наши ремесленники. — Умару Суле собрал свои изделия, отнес их в кладовку. Возвратился с обрезками сафьяна, размером с носовой платок.

— Это вам! Возьмите на память. Первый раз у меня батуре² в гостях. Сафьян был свеж, как обмытый дождем лист. Под зернистой отполированной поверхностью причудливыми узорами разбегались белые паутинные прожилки.

— Мэрокоу! — в голосе Умару Суле прозвучали горделивые нотки.

— Как же так: козы нигерийские, маджми тоже нигерийские, а кожа марокканская?

— Долго рассказывать, а работа стоит. Если хотите узнать досконально, езжайте в Кано. Оттуда все пошло...

Я не буду описывать Кано, хотя этот древний город стоит того, чтобы рассказать о нем при случае подробнее. После недолгих распросов и поисков я выбрался к западной окраине местного рынка Курми. На автомобильной стоянке притихли грузовики, автофургоны, легковые автомашины. Рядом с этим колесным транспортом на вытоптанной, без единой травинки площадке расположились погонщики со своими поджарыми дромадерами — одnogорбыми верблюдами. Около них лежали набитые товаром кожаные мешки. Погонщики — молодые и седовласые хаусанцы в белых и синих халатах — не торопились нести свою поклажу на рынок, кого-то поджидали. Люди они оказались приветливые, словоохотливые. Как и у ремесленников, профессия у них наследственная. Сидя по-турецки на земле, они с сожалением говорили о том, что надобность в погонщиках и верблюжьем транспорте отпадает и что им уже не оказывают тот почет и уважение, каким пользовались их деды...

Кано на роду было написано стать торговым центром. Кузнецы, оружейники, ткачи, красильщики тканей, портные, освещенные в самом городе и ближайших окрестностях, образовали мощный клан ремесленников, за многие поколения отточивших свое мастерство до совершенства. Артистически сработанные ими вещи превосходили изделия ремесленников других нигерийских городов, а рынок Курми превра-

тился в притягательный центр и для обычных покупателей, и для оптовых торговцев. Со временем на рынке стал ощущаться избыток товаров, и местные предпринимчивые купцы начали торить дороги в другие края и земли. Единственный путь в средиземноморские города лежал через знойную Сахару. Первый караван из Кано пробился туда через пески в начале XIII века. Некоторое время торговля с арабскими государствами велась эпизодически. Но уже в XV столетии король Мухаммаду Рамафа, сознававший важность для хаусанцев общения с другими народами, наладил регулярные торговые контакты с арабами.

Мои собеседники набрали палочек, камешков, построили на земле карту.

— Вот это Кано, — указал на кругляш один из погонщиков. — Севернее — Агадес, влево от него и выше — Инсалах. От этого города прямой путь в марокканские оазисы Дра и Тафиалет. От Агадеса, если пойти вправо, тропа ведет в Чат, далее в Музук, потом в Триполи.

Погонщики не бравировали. Караванные тропы через Сахару, судя по их рассказу, были им так же хорошо знакомы, как москвичам Арбат, а ленинградцам Невский проспект.

— Долго, очень долго — по шесть-семь месяцев — шли караваны по зыбучим пескам Сахары. Нестерпимый зной, постоянная жажда, пыльные ураганы, отсутствие каких-либо ориентиров делали каждое путешествие неизмеримо тяжелым, опасным. С трудом добирался хаусанские купцы до Тафиалета или Дра, где их перехватывали местные перекупщики. Обесиленные, изнуренные долгой дорогой, хаусанцы не особо торговались, хотя и знали, что свой товар, особенно изделия из сафьяна, они могли бы продать с большей выгодой в Фесе или Маракеше. Перекупщикам это было на руку. Из Тафиалета и Дра они везли нигерийский сафьян к морю — в портовые города, откуда он расходился по всему свету, но уже под другим названием — «марокэн»...

— Сейчас бы дошли до Марокко? — спросил я.

— Чего тут особенного? Сходили бы! — твердо ответил пожилой хаусанец. — Да не стоит. Конкурентов у нас много...

К погонщикам подъехал крытый грузовик. Они прервали разговор, засуетились, развязывая мешки. Из кабины выбрался холеный хаусанец, поправил добротный серый костюм. Закурил, щелкнув золотой зажигалкой. Это был местный бизнесмен крупного ранга.

Погонщики стали наперебой предлагать привезенные ими от маджми изделия из «марокканской кожи»...

Вернувшись в Лагос, я встретился с Реми Илори.

— Ты вроде собирался спорить, — сказал он прищурившись.

Я молча показал Реми Илори сувенир — кусок «мэрокоу», тот, что дал мне в Сокото маджми Умару Суле.

¹ Индигоносное триничское растение (*хауса*).

² Индиго (*хауса*).

¹ Кожевник (*хауса*).

² Белый человек (*хауса*).

...Во второй половине дня пошел долгий проливной дождь, и огромный хутор лесника погрузился в шелестящую тишину. Запахло скотным двором, землей, закрубилась в тумане рыжеватая грунтовая дорога, уходящая от хутора ровным лучом посреди леса в иной, внешний мир. Притихли и скрылись с глаз псы, петухи, и только коровы глухо и мерно ощипывали траву на отведенном им пастбище у кромки леса.

Лесник Витас Сташкявичюс сидел у настезь открытой двери, косые струи дождя били по его башмакам, заливали красный пол, пузыри бегали у самого порога. Серые глаза хозяина посветлели, стали холодными, а на спокойном лице застыло ожидание. Он сидел, будто слушал непрерывный звук далекого камертона, вернувший ему дожди из детства. И эта дорога, уходящая в туманную пелену, была вечно, и он знал ее всегда, однажды уже сидел так же, ждал что-то, кого-то или, может быть, то, что задумал, и непременно хотел дожидаться. Ждал, словно шел и шел...

Я же отчасти был рад, что дождь загнал лесника в дом, и уже подумывал было начать наконец с ним знакомство, как вдруг он встал и, сутулясь, побрел к соседнему строению. Казалось, он учуял мое желание вторгнуться в его жизнь и, как чуткий зверь, ушел от опасности...

Случилось так, что, находясь в доме лесника, я толком и не видел хозяина. В день моего приезда мы успели обмолвиться несколькими, ничего не значащими словами, а на завтра... Два дня кряду с раннего утра он собирался и уходил в районный центр Расейняй устраивать сына Гюнтаса в ПТУ. Доставался темный в полоску костюм, будто купленный специально к случаю, когда Гюнтас окончит восьмой класс и лесник отвезет его документы в училище, самолично обсудит с директором будущее сына... Жена то поправляла воротничок новой, еще с магазинными складками, сорочки, то закладывала в нагрудный карман пиджака белый платок. От непривычной парадности лесник прятал глаза, сердился неизвестно на кого и на

НАДИР САФИЕВ

КУВШИН БЕРЕЗОВОЙ ВОДЫ

что, торопил жену с бумагами сына, а она все пыталась отобрать у мужа форменную фуражку и взамен просила надеть фетровую, как броня, шляпу. Но ей это не удавалось, и она, неся шляпу в руке, выходила провожать: долго еще, стоя у забора, смотрела мужу вслед...

Возвращался лесник Витас из райцентра к обеду, переодевался и тут же уходил косить траву. А я снова — в ожидании хозяина — копался с Гюнтасом в мотоцикле или бродил с ним по округе.

Гюнтасу, худому, еще не окрепшему парнишке, не было и шестнадцати. О чем бы я у него ни спрашивал, он улыбался. Видимо, ему было в диновинку то, что я интересуюсь вещами естественными, само собой разумеющимися. Разглядываю павлинов, удивляюсь вспаханному им, Гюнтасом, на отцовском тракторе клочку земли, спрашиваю, зачем это в таком небольшом хозяйстве засеяли овес, будто не видел во дворе лошадь, или к чему у огородов собаки на цепи, когда кругом леса и не от кого сторожить... Сознаюсь, я не сразу сообразил: псы охраняли огороды от кабанов, которые ночами выходят из леса, опустошают уголья, превращают их во вспаханное поле... Единственное из всего, что я видел в хозяйстве лесника и что могло еще удивлять самого Гюнтаса, так это огромный десятитонный камень, стоящий у водоема. Его приволок лесник бог весть откуда, как говорили, двумя-тремя бульдозерами. Многим это казалось чудачеством, так могло показаться и Гюнтасу... Но то, что одомашненная кабаниха имеет белого поросенка, легко укладывалось в разумение Гюнтаса...

Уйдя далеко от хозяйства лесника, мы вышли в поле, и на его окраине я увидел соседний хутор.

— Чье это хозяйство? — спросил я.

— Человека, — ответил он.

Опять Гюнтас не скрывал своего удивления — мол, кто еще может жить там?

— А чем он занимается?

— Работает, — односложно ответил Гюнтас.

Но по моему лицу понял: ответ не удовлетворил меня. Некоторое время спустя добавил:

— Строит дом...

Конечно же, нетрудно было понять Гюнтаса. Он рос в добром доме, где умеют и любят работать; родился на природе, а когда стал догадываться, что мир огромен, представлял его таким, каким видел и воспринимал эти места: мир из отдельных островков жизни посреди леса, со скотными дворами, павлинами, кабанями, угольями и птичьими домами, повешанными

на всех деревьях и телеграфных столбах мира.

Глядя на Гюнтаса, я вспомнил слова моего знакомого биолога-охотоведа из Вильнюса, Альфонсаса Матузевичуса. Он говорил: «...Если человек с детства соприкасается, например, с утками, он без них больше не может жить и делает все, чтобы утки были, как в детстве. И для этого он будет стараться...» И еще: именно человек природы призван защитить зверя, лес, охранять свое окружение. «Представьте, — рассуждал он, — если в поле много фазанов, то это не в диновинку, но если же фазан в единственном числе, то каждый захочет поймать его, принести домой... Все остается в человеке с детства... Я подхожу к гнезду и закрываю рот, чтобы не дыхнуть, — меня так учили, учили не трогать гнездо...»

— Гюнтас, — поинтересовался я, — ты знаешь, сколько птичьих домиков здесь?

— Четыреста будет... — ответил он не задумываясь.

Дождь не собирался утихать. Лесник вскоре пришел с двумя парами болотных сапог, бросил их тут же на пол и, выдав из себя что-то похуже на улыбку, сказал: — Без отца разговора о себе не получится...

Это прозвучало у него как нарушение обета молчания — с момента возвращения из райцентра он не проронил ни слова.

Скинув ботинки, он стал наматывать портянки и жестом пригласил меня сделать то же самое.

— Пойдемте в лес... Я скажу вам об отце. — Он вяло посмотрел на мои руки, как я обхожусь с портянками, но промолчал. Не высказал своего неодобрения.

— У отца было две дочери, а он хотел и сына, поэтому родился я.

Лесник встал, походил, а я, обувая не в меру великие сапоги, подумывал уже: Витас как человек, смилившийся с неизбежностью беседы со мной, предлагает свою манеру разговора...

Он надел черную прорезиненную куртку, а мне протянул военный плащ с капюшоном. Надел форменную фуражку — кажется, она заменяла ему всю экипировку лесника. Вчера я осторожно спрашивал у Гюнтаса, почему отец его не носит фуражку, и понял: Витас надевает ее только тогда, когда уходит на обход или когда завершены дела по хозяйству и лето позади, в лесу наведен порядок: вырублено гнилье — чтобы больше солнца получали хорошие стволы; заготовлен корм на зиму для зверей, очищены кормушки; приближается по-

ра основной охоты. Тогда, осенью, начинают заезжать к леснику гости, в день начала охоты отец Гюнтаса как хозяин леса должен выделяться среди охотников и гостей особой строгостью облика... Конечно, и в этом был виден уклад жизни на хуторе. Она текла медленно, ровно, по законам, предложенным нерасторопностью окружающей природы. И потому-то эти сдержанные в своих чувствах люди жили в обыденности обыденно, а в особые дни — откровенно торжественно, важно...

Но сейчас мне не совсем был понятен неожиданный порыв лесника. Чего это он задумал идти в такую погоду в лес? Хотя от скотного двора до леса было рукой подать, он вывел меня к задворкам хутора и повел по дороге, ведущей в открытое поле. Сразу же за калиткой, у огородов, он потрепал одичавшего под дождем пса, вытаскил его будочку из лужи на бугорке, и мы двинулись дальше.

Ветер меж двумя стенами леса бросал в наши лица лавины дождя, да так, что моя защитного цвета парусина вмиг отяжелела. Витас о чем-то говорил, но до меня доходили лишь обрывки слов. Повернули к полю клевера — Витас совсем заторопился.

— Зачем так быстро? — крикнул я.

Он остановился. Подождал.

— Говорю, как родился, сорок шесть лет живу здесь. Лишь научился ходить, ступил в эти леса. — Он снова остановился, оглядел поле и зашагал. — С шести-семи лет пас коров. Зимой учился, летом ходил с кнутом. Только раз уходил из дома. В армию. А после службы хотел поехать в Сибирь, в тайгу. Служил в Белоруссии. Приехали вербовщики, предлагали любую стройку, кто хотел — мог и на промысел... Написал отцу, что хочу на два года отправиться за соболями. Это было в пятьдесят шестом году. Отец ответил: езжай домой, хватает и у нас всякого зверя. Будешь, мол, лесником. Вернулся, всю зиму помогал отцу, а двадцать восьмого мая, как сейчас помню, занял его место... Вот так потянулась цепочка: дед передал лес отцу моему, а отец — мне.

Он снова заторопился, но, видимо, вспомнив, что не успеваю за ним, убавил шаг.

— Привычка... По полю хожу — всегда спешу; в лесу же хожу тихо, спокойно, как дома. — Он оглядел меня. — Возвращаться бессмысленно, — сказал он, — все равно промокли...

В его словах засквозили едва уловимые нотки заботы. Так обычно бывает, когда замкнутый человек вдруг проткрывает себя другому, и после этого тот становится

ему как-то ближе... Он снял фуражку, стяхнул, но больше не наддел. Его светлые волосы тут же взмокли, стали жиденькими. Глядя на него, я тоже скинул капюшон и сразу почувствовал облегчение... Так мы шли молча, прошли поле и снова оказались в просеке между ровными кромками более густого и спелого леса.

Я думал о том, куда же все-таки ведет меня лесник и долго ли еще идти нам, и меня осенила странная догадка: может, весь секрет нашей прогулки в лес кроется в дожде? Жизнь на природе наделяет таких людей, как Витас, особым пониманием смысла своих поступков. И в то же время, прикидывая я, он ведь не сразу предложил мне сходиться в лес... Как ни крутил я, выходило, что именно этот дождливый день напомнил ему то, о чем он собирался поведать мне. «Он — мечтатель!» — чуть было не крикнул я и снова вспомнил Альфонсаса Матузявичуса, его слова, когда он заочно знакомил меня с Витасом Сташкявичюсом. Альфонсас говорил, что лесник, вырвав недалеко от своего дома водоем для зверей, оставил островок, посадил на нем черемуху, построил причальник, а раз так, то и лодку сшил, хотя она для такого маленького озера ни к чему. Налустил в водоем карпов, а на островке расставил пенечки для гостей своих. И даже песок доставил, улыбался Матузявичус, мол, и пляж есть...

Он же мне рассказал, как лесник Витас приручил дикого кабана, отвез ненадолго в колхозный свинарник, и через сто десять дней, в апреле этого года, кабаниха родила светлого поросенка.

Слушая его, я сначала с трудом улавливал, с иронией говорил он или с уважением. Но как ни вслушивался в его речь, получалось: за доброй иронией скрывалось желание говорить о стиле жизни человека, о том, что склонность к мечте находится в близком соседстве с обыденным, повседневным. И еще... Витас однажды огляделся вокруг и понял, что, для того чтобы брать от природы, надо человеку отдавать ей неизмеримо больше... А касаясь нашей светлой городской жизни, Матузявичус проводил грань между нами и лесником, но предпочтение отдавал стилю жизни Витаса Сташкявичюса...

По лицу лесника струилась вода, а он шел, высоко подняв голову, изредка щурил глаза, и тогда его сухое холодное лицо казалось вдохновенным и строгим.

— Витас, — спросил я его прямо, — вы собираетесь что-то показать в лесу?

Он уставился на меня колючими глазами.

— Вы торопитесь. Я думаю, как это случилось... — А еще через несколько шагов, когда мы уже входили в лес, сказал:

— Мне тогда, в сорок третьем году, было девять лет...

Ступили в лес и сразу оказались по колено в воде, а сверху, в сумрачном свете дождя давил сплошной стеной — стояло дотропнуться или задеть ветку, как поток воды удваивался.

— Здесь, недалеко в лесу, у нас было около половины гектара земли, — говорил спокойно Витас, — сажали мы там картошку, сеяли рожь... Помню, мы с отцом свозили туда навоз и возвращались домой. Мать встретила у калитки, сказала, что у нас в доме какие-то люди... Когда мы вошли, все встали, поздоровались. «Вы лесник?» — спросил один из них. — Будем знакомы, меня зовут Женья». Остальные тоже назвали: Вася, Сережа... теперь уже всех не помню. Восемь человек насчитал я тогда, все в плащпалатках с нарисованными на них листьями. Женья оказалась капитаном Руденко — это потом я узнал. «Мы русские партизаны, — сказал он, — будем на вашем участке...» — Витас приумолк и добавил: — Думаю, они были военными, и забросили их со стороны Белоруссии...

Лесник вел меня прямо, не выбирая дороги, как если бы прогулка в лес была только наслаждением: надо вроде бы обойти болотце, уйти в сторону, но нет, идет, не глядя под ноги, прямо через воду. То стоял по колено в воде — ждал, пока я вырву сапог из трясины, а то сам, ступив на вязкий грунт, останавливался. Он старался не прерывать свой рассказ и говорил так, чтобы сквозь барабанную дробь дождя я слышал его.

— Так вот, попросили отца ходить в форме лесника — это чтобы не перепутать его с кем. Назначили место для встреч... Два раза в неделю виделись с отцом. Иногда исчезали надолго, уходили в другие леса... Видимо, получали задание. Пробыли в лесу до сорок четвертого и встретились с нашими войсками недалеко отсюда, у реки Шушве... Мы пришли, — неожиданно заключил Витас и остановился, — вот у этого дуба они и встречались с отцом.

Дуб стоял на возвышенности, и ствол его в четыре-пять обхватов ровной колонной уходил вверх, и только там, очень высоко над лесом, одиноко зеленели его ветки в сером небе.

— Отец нам обычно ничего не говорил об этом, только тихо с матерью шептался. Иногда, бывало, приходил с ними ночью или уходил к ним сам. Не знаю поче-

му, но я догадывался, что он идет к этому огромному дубу... — Витас прислонился всей спиной к стволу дуба — дал телу расслабиться — и некоторое время молчал, а когда заговорил, голос его зазвучал так, словно он удивляется самому себе, тому, что только сегодня впервые вспомнил все это влужу.

— Случилось осенью... Шел дождь, очень похожий вот на этот. Но шел уже несколько дней подряд. Когда стемнело, вдруг они появились и попросились на ночлег. В доме спать не захотели. Ушли в сарай. Мать собрала их портянки, сапоги и всю ночь сушила. И надо же было, пришли немцы. Сначала собаки залаяли во всю глотку. Мать быстро окунула простыню в ведро и занавесила печку — будто сушит. Как зашли немцы, спросили: «Никого нет чужих?» Они кого-то искали, делали обход. Оказалось, один из них потерял магазин от автомата. Пришли взять у нас керосиновую лампу, хотели поискать... Как только они ушли в лес, отец попросил старшую сестру, чтобы та пошла к русским и сказала о случившемся. Они потом всю ночь не спали, ждали утра с оружием... Немцы нашли свой магазин. Вошел в дом только один, принес лампу, другие во дворе остались, мы слышали их голоса. Принес и говорит, чтобы мы тушили свет и ложились спать, не выходили. А утром русские по одному пришли в дом, оделись, быстро позавтракали, отец дал им с собой сала, хлеба, потом осмотрел лес вокруг, и только тогда они ушли... Как сейчас помню: у капитана Руденко был немецкий автомат без приклада. Обычно где-нибудь на поляне я пас коров. Бывало, свистнет капитан из укрытия: «Витюкас, никого нет? Мы посмотрим за твоими коровами, а ты гляди, где немцы, не стоят ли машины?» Или он просил, чтобы сестра приготовила картофельный суп — у нас называют его «бульбене». Сестра варила, собирала тарелки и относила в лес, прятала в канавке. Сестра говорила, что они сами мыли посуду, аккуратно складывали на месте и всякий раз в тарелку клали орехи. Они ходили по лесу, собирали их, маленькие орехи. И мне не раз высыпали в горсть. А отец еще заготавливал для них табак — и почему-то с вишневыми листьями...

Витас умолк. По тому, как он посмотрел на небо, на крону дуба, до меня дошло, что мы даже не заметили, когда прекратился дождь...

— Витас, а как звали ваших родителей?

— Отца — Альфонсас. Мать — Казимира.

Знакомя меня с отцом и матерью, Витас вспомнил самое высокое мгновение их жизни. Высокое в нравственном отношении. «Значит, такими они и живут в нем сейчас...» — думал я.

— Витас, как же потом было? — спросил я. — Кончилась война, и после, когда вы стали хозяином отцовского дома, слышали ли о Руденко или о ком-нибудь из его ребят?

— Руденко писал... кажется, в году семьдесят пятом. Надо найти это письмо. Сначала не мне, а Бартусевичусу прислал письмо — был здесь такой литовец, последний раз капитан со своими ходил с ним... Куда? Не знаю. Может, на какую операцию — боюсь сказать... Я взял адрес и тоже написал Руденко, родителей уже не было в живых — отец умер в шестьдесят втором, а мать в семьдесят первом, — о них и написал я. Он ответил. Из города Тулы. В письме вспоминал всех нас, говорил, что помнит, хочет приехать, походить по знакомым лесам, посмотреть на этот дуб. Но больше не писал...

Обратно пошли сплошным лесом, оставили в стороне поле с клевером. Как мне показалось сначала, мы торопимся скорее в дом, к огню. Хотя могло казаться странным в летнее время думать о печке, но в условиях хутора, посреди леса, это было естественным. Витас шел слишком упрямо, и теперь, немного привыкнув к нему, я догадывался, что прогулка наша продолжается: хозяин леса собрался показать мне еще что-то. И не ошибся.

— Смотрите, — сказал Витас, показывая на ровный и молодой лес из пихт и елей, — здесь когда-то была просека. В оккупацию немцы пригнали сюда народ и вырубил много деревьев. А то, что вы видите, мы после войны сами сажали: отец, старшая сестра и я... Пошли дальше, — кивнул он, и снова передо мной замелькала его спина.

Мне уже казалось, что мы удаляемся все глубже и глубже в чащу, и хутор остался где-то справа позади, как вдруг сквозь тонкоствольные березы увидел зеленую поляну. Мы вышли к водоему, от чаши которого будто ударил в лицо свет. Но поскольку к хутору мы могли свернуть раньше, я не выдержал:

— Куда же вы теперь меня ведете?

И тут я увидел нечто удивительное. Поначалу это можно было принять за хорошо стриженное поле газона, но перед нами светилась каким-то особым искрящимся блеском сырая зелень.

— Что это? — спросил я, хотя ясно видел бесчисленное количе-

ство малюсеньких елочек в странных полиэтиленовых горшочках, перевязанных проволокой.

— Сначала семена мы посеяли в землю, — принялся объяснять лесник, он сиял и любовно прощупывал глазами росточки елей, — через два года выкопали и пересадили в рулон... Постелили целлофан, насыпали слой черной земли с торфом и через каждые пять сантиметров клали по елочке; свернули, в двух местах, как видите, прихватили проволокой, получился рулон... За два года они вырастут до тридцати сантиметров, окрепнут, и, когда мы их снова пересадим в землю, елочки не будут бояться травы. Будут крепче травы... Ну а теперь пойдем домой, — заключил он. Когда мы вышли на грунтовую дорогу, спросил: — Как вы думаете, сколько на этом поле может быть елок?

— Несколько тысяч, — ответил я, думая, что перехватил.

— В каждом рулоне пятьдесят штук. А всего восемьдесят тысяч, — сказал он, посмотрел на чистое от туч небо и теперь только надел форменную фуражку...

В доме нас ждали натопленная печь, накрытый стол: копченая свинина, лепешка свежайшего домашнего сыра, горячая булка ржаного хлеба и гора отварных яиц. Пока мы передевались и умывались, стемнело, и хозяйка зажгла над всем этим великолепием стовсвечовую лампу без абажура, стала разливать в тарелки тот самый памятный теперь для меня суп — бульене. Но прежде чем приняться за еду, Витас принес портрет отца. С большой фотографией в бумажной самодельной рамке глядел молодой человек из тридцатых годов с холодными спокойными глазами Витаса, в форме лесника: в петлице кителя цифра 15 — номер обхода, погоны с плетеным орнаментом, портупея...

— На боку он носил маузер, — сказал Витас и убрал фотографию.

Пока я разглядывал портрет, на столе появился глиняный древний кувшин, из которого хозяин по кругу стал наливать в бокалы розоватый напиток.

— Пожалуйста... Березовая вода. — Лесник углубился в еду.

— Он сам готовит ее, по своему рецепту. — Жена указала на мужа и продолжила: — В марте — апреле набирает бочку березового сока, бочка должна быть дубовая... в нее загружает ветки смородины — пучками — и ставит в холодное место.

Витас одобрительно кивнул.

Он подождал, пока я доью мягкую, с нежной кислинкой воду:

— Вообще-то готовил эту воду отец. Он, видимо, подсмотрел ее у деда. Выходит, это и моя вода...

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

По данным джакартского Управления охраны природы, целому ряду эндемичных представителей индонезийской фауны грозит полное исчезновение, если не будут приняты срочные меры для их охраны. Так, например, в заповеднике Гунунг Лейзер осталось всего 40—50 экземпляров суматранского носорога. Из-за интенсивных лесоразработок на острове Бавеан в Яванском море значительно сократилось поголовье бавеанских оленей, которые не встречаются больше нигде в мире. Еще плачевнее участь яванского тигра. Согласно последней оценке в заповеднике Мету Бетири обитает всего четыре или пять этих хищников. Причем, как считают зоологи, весьма проблематично, удастся ли сохранить этот подвид от гибели, даже если отловить оставшихся тигров и поместить в специальный резерват.

Главная причина нынешнего катастрофического положения в том, что, несмотря на все запреты, во многих районах Индонезии продолжает расти браконьерство. «В Америке и Европе слишком много богачей, которые готовы выложить баснословные деньги за редких, экзотических животных, особенно за внесенных в Красную книгу, — полагает видный индонезийский зоолог Тити Дарсоно. — Пресыщенные деньгами, они не довольствуются роскошными яхтами и «кадиллаками». Для поддержания престижа им нужны чучела, шкуры и перья редкостных зверей и птиц. И хотя они считаются культурными людьми, на самом деле это — безжалостные варвары».

Поскольку на международных рынках существует большой спрос на представителей индонезийской фауны, находится немало алчных дельцов, которые толкают местных жителей на браконьерство и наживаются на истреблении редких животных. Так, на Западном Ириане китайские торговцы нелегально скупают райских птиц по 10 фунтов стерлингов за штуку и контрабандой переправляют в Японию, где их чучела стоят в 13 раз дороже! А порошок из сушеного рога носорога, якобы обладающий уникальными целебными свойствами, продается на азиатских рынках дороже золота. Если этой незаконной торговле не будет положен конец, под угрозой истребления могут оказаться и многие другие представители животного мира Индонезии.

ГЮРЗА

Рассказ

Рисунок П. ПАВЛИНОВА

Первое воспоминание, которое хранила тусклая змеиная память, был страх — сухой, горячий, звенящий опасностью. Он взялся неизвестно откуда. Маленькая гюрза, едва выбравшись из хрупкого пространства уютного ящичка, бросилась в ошеломившую ее ночь. Извиваясь изо всех сил между разогретых за день камней, счищая прилипшие остатки скорлупы с крохотного, но уже не беспомощного тела, она забилась в первую попавшуюся расщелину, молниеносно обернулась и, разинув изящную пасть, зашипела. Появлялся и прятался, осезая теплый вибрирующий воздух, микроскопический раздвоенный язычок.

Кругом было тихо, однако страх не проходил. Опасность таилась где-то совсем близко. Гюрза не знала, что страх порожден инстинктом, что ее мать уже несколько дней поджидала появления выводка, чтобы наброситься на нежные, еще не пропитанные ядом тела собственных детенышей...

Прошло немало времени, прежде чем гюрза немного успокоилась. До ее возбужденного сознания донесли первые звуки. Невидимые деревья шумели на склонах гор, осыпались песчинки, потревоженные ветром, и где-то совсем рядом едва слышно звенела тончайшими крылышками мошкара. И этот едва уловимый звон вызывал в гюрзе чувство голода.

Забыв об опасности, она осторожно приподнялась над расщелиной, молниеносно метнулась в невидимую стайку жужжащей мошкары, тут же подалась назад и жадно проглотила прилипшую к язычку мошку. Насытилась она скоро, и мир вокруг показался ей не таким ужасным, каким она ощутила его вначале.

Потревоженная внезапным и непрошеным вторжением, мошкара улетела. Гюрза удовлетворенно вытянулась, потерлась о шероховатую поверхность почвы, счищая с кожи колкие песчинки.

...Ночь прошла быстро и незаметно. Под утро остывшие камни сделали гюрзу ленивой и неподвижной. Она изредка открывала глаза, смотрела сквозь полусон на сереющий рассвет, на розовеющие на востоке облака, пока первые лучи солнца щедро и радостно не брызнули на влажные скалы. Стали видны редкие травинки, тень от которых упала на гюрзу. Солнце бы-

стро согрело камни, выпарило из трещин накопившуюся за ночь влагу, разгладило на искривленных ветках деревьев сморщенную листву, заблестевшую сочно и глянцевито. Юная змея почувствовала в себе незнакомую энергию: под кожей волнообразно сократились маленькие, но упругие мускулы.

Вместе с солнцем вокруг пробуждалась и жизнь. На ветку близрастущего дерева села большая пестрая птица, молча повертела длинным черным клювом и вдруг запела чисто и протяжно. Пение ее разнеслось над скалами, угасая в голубых волнах дрожащего утреннего воздуха. Льющаяся мелодия заворожила маленькую гюрзу, заставила ее, забыв о ночном страхе, выбраться на свободное пространство, мягко приблизиться к кривым корневищам, цепко впившись в сухую обветренную землю.

Птица тревожно вскрикнула, вспорхнула с ветки и полетела, оглашая утро резкими, пронзительными воплями. Гюрза растерянно закачала головой. Увидев ползущего по перекрученному корню муравья, хотела машинально слизнуть его, но резкий запах муравьиной кислоты, исходивший от суетливого насекомого, остановил ее.

Лежа меж корней расслабленно и лениво, она с надеждой поглядывала вверх, но там только покачивались от ветра покрытые редкой листвой ветки, а еще выше было синее небо, по которому неслись пушистые облака. Гюрзе было не по себе. Она ждала, что вернется птица и допоеет свою печальную песню.

Неожиданно на залитое солнечным светом пространство выбежала мышь. Озираясь вокруг пугливыми бусинками глаз, она пробежала несколько шажков, подрагивая, остановилась, присела на задние лапки. При виде мягкого гладкого комочка гюрза почувствовала неукротимое возбуждение, подалась было вперед, но, напрягшись, остановилась, осознав с неожиданной и яростной горечью, что пока не в силах состязаться с быстроногим животным. Мышь, заметив движение змеи, вздрогнула всем телом. Пискнув, она бросилась наутек, отчаянно скидывая маленькие розовые лапки. Мускулы гюрзы заняли от страшного напряжения, к горлу подкатила незнакомая алчность, рот наполнился липкой тягучей слюной. Возбуждение не спадало долго. Все еще дрожащая гюрза

покинула свое укрытие, скользя, подалась по камням навстречу звонущим запахам сырости и неизвестных ей растений. Вскоре путь ей преградил небольшой горный ручеек. Гюрза увидела отраженные в воде облака, услышала аппетитное жужжание мошкары, отточенным движением схватила пролетающую мимо мошку. Насытившись, она заползла под мшистый камень, прижалась к его пушистому боку и вдруг почувствовала, что впечатления сегодняшнего дня навалились внезапной усталостью. Сонно кружились и расплывались предметы и существа первого утра ее жизни. Эти образы не пугали гюрзу, они возникали рядом с засыпающим сознанием, ускользали в пористую землю... Гюрзе показалось, будто она снова в уютной тесноте скорлупы, и ощущение это было таким знакомым, таким безмятежным. Но вот пушистый туман укутал гюрзу и все, что было вокруг, ласковым прохладным одеялом. Гюрза уснула.

...Разбудил ее шорох. Она молниеносно выбросила из-под камня юркую голову и встретила взглядом со странным зеленым существом, лягушонком. При виде своего злейшего врага тот задрожал, вытянулся на всех своих четырех лапках и тяжело задыхался, отчего мешочки за его ушами поднимались и падали, приликая к тонкой, слабой шейке. С трудом оторвавшись от гипнотизирующего взгляда гюрзы, лягушонок наконец высоко подпрыгнул, растопырив в стороны трясущиеся мелкой дрожью лапки, шлепнулся о землю и со всех ног бросился прочь. Еще не понимая, что делает, гюрза, в которой все клокотало от дикой ярости, бросилась следом. Извиваясь, она быстро ползала по мелкой жесткой траве, эластично огибала попадавшиеся на пути камни. Расстояние быстро сокращалось. Отчаявшийся лягушонок неловко плюхнулся в воду и быстро поплыл к другому берегу. Не раздумывая и даже не замечая нового ощущения, гюрза бросилась за ним, держа над поверхностью хищную голову. От неловкого движения вода залила ей глаза, а когда она стряхнула с неподвижных век прозрачные капли, лягушонка впереди не оказалось. Увлеченная погоней, гюрза не заметила, где и как скрылся нелепый пловец, один вид которого заставил ее броситься в неукротимую погоню. Опешив, она сделала отчаянный поворот у берега, потом другой, третий... Лягушонок, забившись в тесное и неудобное пространство между жестких стеблей водяных растений, следил испуганно и облегченно за неровными разбегающимися во все стороны кругами.

Выбравшись на берег, гюрза ползла вверх, оставляя на камнях извилистый мокрый след. Бешенство, душившее ее, заставляло шершаво скользить по песчанику и не замечать его горячего прикосновения к возбужденно дрожащей коже. Гюрза храбро зашипела на большую взъерошенную ящерицу, вздыбляющуюся при ее приближении. Успокоилась юная хищница лишь под корнями знакомого дерева, где пахло разогретой землей, муравьиной кислотой и белесыми торчащими из-под корневищ травинками. Она лежала неподвижно, время от времени приподнимая голову, брезгливо хватала пролетающих мимо мошек. И как-то незаметно для себя осознала, что для большей части населяющих этот мир существ она представляет грозную опасность.

А наверху, в кривых ветках дерева запела утренняя птица, предвосхищая заход солнца. Она пела о сумерках, когда на землю упадут длинные тени от деревьев и травинки, когда воздух станет легче и прохладнее, когда на несколько часов можно будет забыть о прячущихся в жесткой коре плотных белых личинках, которыми нужно непрестанно кормить горластых прожорливых птенцов.

Вечер наступил быстро. Как и прошлой ночью, в небе загорелись холодные звезды, они светили всю ночь и лишь под утро исчезли.

...Дни летели с поразительной быстротой, похожие и непохожие один на другой. Гюрза заметно подросла, стала сильнее, проворнее. У нее выросли хищные кривые зубы, и кончик переднего часто окрашивала коричневая капелька смертоносного яда. Она научилась мгновенно настичать лягушек и молниеносно прокалывать нежную прохладную кожу ядовитым зубом. Она холодно смотрела на недалгую агонию животного. Возделенно расслабив шейные мышцы, проталкивала безжизненный и все еще теплый комок в эластичную гортань, после чего сворачивалась под корнями дерева и лежала там несколько дней, испытывая сладостное ощущение сытости и покоя. Порой, выбравшись из укрытия, она расслабленно скатывалась по крутому склону к воде, осторожно опускала голову, трогала язычком зеркальную поверхность, завороченно глядя на разбегающиеся во все стороны ровные круги. Ей нравилось подолгу нежиться у заводи, ползая вдоль берега, раздвигая плоским носом тонкие травинки, оставляя едва приметный зигзагообразный след. Она чувствовала себя полноправной хозяйкой этого царства воды и зелени. Поднимаемая грациозную головку, гюрза издавала тонкий, далеко разносившийся

свист, заслышав который, лягушки разбегались во все стороны и прекращали раздражающий тонкий змеиный слух концерта. Становилось тихо, и лишь слабый ветер шелестел травинками, касался кожи гюрзы ласково и осторожно. ...Но вот стали идти дожди, пропала мошкара. Шуршащие струи заливали удобные расщелины холодной, пахнущей ночным ветром водой. Часто гремели грозы, и длинные шипящие молнии чертили чернее небо. По утрам становилось все холоднее и холоднее. Постепенно мох на скалах побурел, стал отмирать и осыпаться. Пестрая птица вырастила трех птенцов, которые в один день научились летать. Однажды они все вместе стройно вспорхнули с насиженного места, сделали над деревом неровный круг и улетели, не издав ни единого прощального крика.

Холодные ночи стали длиннее, а теплые дни короче. Осыпалась листва, и старое дерево стало выглядеть совсем уж корявым и уродливым. Однажды на рассвете нестерпимо похолодало, и скалы покрылись узорчатым инеем.

Гюрза все чаще и чаще впадала в оцепенение, двигаться ее заставляло лишь чувство голода. В поисках пищи ей приходилось проползая значительные расстояния. Однажды, убив по дороге лягушку и проглотив ее, она возвращалась к себе под дерево, но вдруг нашла то, что уже несколько дней подсознательно искала. Это была глубокая впадина, засыпанная листвой и птичьим поухом. Гюрза осторожно втиснулась поглубже, свернулась под выступом, в последний раз напрягла и расслабила мышцы. Какое-то время она чувствовала, как в ней переваривается лягушка, потом перестала чувствовать. От хвоста к голове пополз медленный холод, лениво, обволакивающее растекаясь по телу, замедлил и без того едва ощутимое биение сердца, вытеснил воспоминание о прожитых летних днях. Дыхание гюрзы затихло, и она окончательно впадала в зимнюю спячку.

...Она не слышала и не чувствовала снегопадов, морозов, ураганных ветров, которые обрушивались на скалы и деревья, с грохотом скатывали с крутых склонов огромные камни, свистя и воя им вслед. Она спала глубоким сном холоднокровного животного и даже не видела снов.

...Пробуждение ее было постепенным. Температура тела гюрзы поднималась медленно, едва ощутимо пробуждалось и сознание. Сначала теплый ветерок прошелся по сморщившимся жилам, вздрогнули тугие кольца, сжались и разжались мышцы, вытянулось похуждевшее за зиму тело. До просыпающегося

слуха донеслось шуршание сухих листьев. Еще не приходя в себя, она открыла глаза, но ничего не увидела. Расщелина, в которой она укрывалась долгие зимние месяцы, доверху забила прошлогодним мусором. Стараясь не оцарапать дряблую кожу, она стала выбирать наружу через колючие веточки и спрессованные комки скользких листьев. Солнечный свет ослепил ее и заставил отпрянуть. Переждав, она сделала вторую попытку. Голова закружилась от обрушившихся на нее весенних запахов.

Приподняв над влажными камнями голову на слабой еще шее, гюрза безучастно огляделась и прислушалась. Там, где прошлым летом блестела тихая заводь с крикливым поселением лягушек, гремел бурный и сильный поток.

Забившись под камень и затаившись, гюрза стала ждать. Голод заставлял ее быть предельно настроенной. Скрутившись в тугую, мгновенно готовую распрямиться пружину, она зорко смотрела по сторонам, прислушиваясь к каждому шороху, ловя язычком любой запах. Прошло немало времени, прежде чем гюрза увидела выскользившую мышь, которая, пискнув, отчаянно бросилась вниз по метнувшейся к ней стремительной тени. Вслед за мышью посыпались мелкие камешки.

Ничего не понимающая гюрза вернулась на место, раздраженно шипя на дуящий в глаза ветер. В мешочке под хищно изогнутым зубом еще не скопилось ни капельки яда. Чтобы насытиться, гюрзе пришлось спуститься навстречу пугающему шуму воды, терпеливо дожидаясь, когда в гулком воздухе появится мошкара.

Окрепла гюрза не скоро, для этого ей понадобилось около двух недель.

...И опять полетели дни за днями. Однажды, проснувшись, гюрза стала испытывать странные и очень болезненные ощущения. Они сделали ее нервной, она не могла подолгу оставаться на одном месте. Голову и тело до самого хвоста жестко и обжигающе сдавила тесная и неудобная кожа. Извиваясь, гюрза терлась о горячие скалы. неподвижно застывая на одном месте, она вдруг распрямляла измученное тело, напрягала изо всех сил, испытывая внезапную боль, мускулы. В один из дней, когда гюрзе стало совсем невмоготу, она отчаянно завозилась на одном месте и вдруг с неслыханным и поразившим ее облегчением почувствовала, как на затылке лопнула и расползлась кожа. Гюрза завертелась и выползла из старого наряда как из потрепанного чулка. На некоторое время она застыла в блаженстве. Новая кожа, переливающаяся золо-

тисто-коричневыми оттенками, вросла плотно и упруго, но была еще слишком нежной. Прикосновение к жесткой почве причиняло колючую боль, заставляло вздрагивать. Впрочем, это скоро прошло. Гюрза туго и ловко скрутилась в тесное кольцо и облегченно почувствовала, что движения ее по-прежнему безошибочны и изящны...

Она вновь ощутила интерес к жизни. Посетила старое дерево, убежище под которым стало тесным для ее выросшего тела. На ветках, как и в прошлом году, свила гнездо знакомая птица. Она высидела новых птенцов, маленьких и крикливых, целыми днями носила им личинок. Птенцы вызвали из гнезда большие жадные клювы и раздражали гюрзу голодным писком. Намучившись за день, птица пела свою печальную вечернюю песню, в которой грусть странным образом уживалась с предчувствием нового солнечного дня.

Гюрза неподвижно лежала под деревом, и ей казалось, что все вокруг замерло, слушая птицу. Медленно и лениво вспоминая прожитые дни, она видела только существ, которых ее тонкий и пронзительный свист приводил в неопределимый ужас. Глядя на редкие травинки, в которых, шаловливый и непоседливый, путался вечерний ветер, гюрза начинала чувствовать себя одинокой. Это чувство, беспокоящее и захватывающее, было непохоже ни на какое другое. Оно было переполнено томительным ожиданием. Гюрза нервно приподнимала чуткую голову, прислушивалась к шорохам, раздававшимся в настроенной вечерней тишине. Она почти не спала в последнее время, надолго уползала в незнакомые места. Однажды, легко скользя по скалам, она вдруг увидела длинное извивающееся тело. Незнакомая радость охватила ее. Издавая тонкий протяжный свист, она бросилась навстречу, но внезапно остановилась, ощутив в себе прилив презрительной брезгливости: это полз толстый самодовольный уж, недобролюбно зашипевший при ее приближении.

Обвившись вокруг камня, гюрза и не пыталась погасить в себе вспыхнувшее разочарование. Она долго лежала неподвижно, и в ее немигающих глазах отразились загоревшиеся в высоком небе звезды.

Утро застало ее в том же положении. На коже скопились капельки росы. Солнечные лучи сфокусировались в чистых прозрачных росянках, стали нестерпимо жечь, заставили гюрзу пошевелиться. Она приподнялась на хвосте, потянувшись вверх, покачалась из стороны в сторону, почувствовав голод, высунула язычок, трогая наполненный

испарениями утренний воздух. Ей не хотелось возвращаться к себе, и она, оглябая встречные препятствия, поползла дальше. Неожиданно она очутилась на огромном, совершенно свободном от камней пространстве. Привлеченная запахом полевых мышей, подрагивая от колючих прикосновений свежескошенной травы, она заскользила к стогу сена. Осторожно раздвинув носом сухие былинки, вползла внутрь.

Мышь попала ей сразу. Запятавшись в травинках, она шлепнулась перед носом гюрзы, пискнула и через несколько секунд лежала неподвижно, равнодушная ко всему происходящему.

Утолив голод, не спавшая ночь гюрза забила поглубже, согрелась накопившимся в сене теплом и уснула. Спала она долго. Уютная мягкая темнота, окружавшая ее, сделала течение времени незаметным. Может быть, поэтому пробуждение было внезапным и ошеломляющим. Сильный толчок приподнял ворох сена, бросил его куда-то, затем тяжелый спрессованный ком придавил гюрзу сверху. Потом сено стало мерно покачиваться, и это покачивание было бы приятным, не будь сено, в которое она была втиснута, таким тяжелым, жестким и колючим.

Плавное движение прекратилось не скоро. Сено опять приподняло, бросило вниз. Тяжесть, давившая со всех сторон, рассыпалась. Инстинкт заставил гюрзу свернуться тугим, способным раскрутиться быстрой пружиной кольцом. Сквозь густой, настоящий аромат сухих трав снаружи доносился резкий, порождающий безотчетный страх запах. Пересилив себя, гюрза попыталась выбраться наружу, но отпрянула назад. Она слышала голоса незнакомых ей ранее людей, ворчанье собаки, потревоженное кулачье кур и блеяние овец. Инстинктивно она больше всего страшилась резко пахнущих овец, которые, не опасаясь ядовитых укусов, топчут змей яростно и бесстрашно.

Постепенно все затихло. Без особого труда она обнаружила в стене овчарки достаточное отверстие и выбралась на свободу. Вздрагивая от каждого шороха, она задержалась в огороде, не в силах бороться с соблазнительным запахом клубники. Укусила спелую ягоду и, вздрогнув от томительно жадного ощущения, втянула в себя приторный сладкий сок.

Укрылась гюрза в старом, установленном в несколько рядов плетне, под которым было сухо, пахло пересохшей глиной, прелыми листьями и белыми липкими улитками. Страха гюрза не испытывала. Вольная жизнь в горах приучила ее чувствовать себя в безопасности.

Она прикрыла глаза и стала дожидаться утра.

...Пробуждающийся мир был совсем непохож на тот, к которому гюрза привыкла. Над плетнем раскачивались громадные деревья, верхушки которых, казалось, мешают двигаться облакам. В толстых стволах чуткое ухо змеи улавливало гудящее движение. По пористому телу дерева мощным потоком поднимались соки. За деревьями по ровному пространству ходили, переговариваясь, люди. Два длинноногих щенка, затеявшие возню у плетня, заставили гюрзу втиснуться в сложное переплетение сухих прутьев и зашипеть. Щенки неуклюже вскочили и дружно залаяли, подбадривая друг друга. Когда им это надоело, они убежали.

...Жизнь в плетне вскоре ей понравилась. Вблизи дома, который она видела издалека и к которому почему-то не осмеливалась приблизиться даже ночью, было много мышей. Охотиться на них не составляло труда. По ночам гюрза лакомилась клубникой. Однажды она нашла теплое куриное яйцо и проглотила его вместе со скорлупой. Спрятавшись в уютном плетне, она почти машинально хватала бесчисленных мошек, которые были гораздо вкуснее тех, к которым она привыкла в горах. Здесь не было ящериц, которых она не любила за быстроту, не было и нагревающихся за день скал, но в обилии росла трава и колючая поросль ежевики, в которой приятно было охотиться по ночам.

...Справившись с первыми самыми сильными впечатлениями, став медлительнее и ленивее, гюрза вновь стала испытывать одиночество. Беспокойство, порождаемое им, вынуждало ее выползать из плетня, искать что-то в густых зарослях травы и ежевики, испытывая при этом волнующее нетерпение. В одну из ночей она не вернулась к плетню, а в ожидании расцвета спряталась под толстым бревном, брошенным поблизости. Шорох, таинственный и пленительный, заставил ее приподняться. Она увидела тугой шевелящийся клубок, бросилась навстречу, но вовремя остановилась, угрожающе разинув пасть. Перед нею были маленькие и злобные лесные гадюки, встретившие непрошеную гостью громким раздраженным шипением.

Тоска охватывала гюрзу все с большей силой. Она часто вспоминала виденный тесный клубок змей, и в ней поднималось желание участвовать в этом извивающемся танце, венчающем тайны змеиного брака.

Заброшенная за много километров от родных мест, она была обречена на одиночество. Тоска сде-

лала ее нервной, а нервозность побуждала быть еще более хищной.

...Прошло еще некоторое время. Гюрза ползала до изменения в окрестностях дома, пугая собак, которые, в свою очередь, пугали людей истошным лаем. Двор перед домом был выложен плитняком, касаясь которого она вспоминала скалы. В такие ночи ей не хватало чистого ледяного воздуха, пушистых мерцающих звезд, которые здесь прятались в густых ветках раскачивающихся от ветра деревьев. Она страдала от сырости, накапливающейся в теплых влажных зарослях.

Однажды вечером порыв ветра донес до нее звуки, которые тут же унеслись и смешались с другими. Гюрза насторожилась, вытянула из плетня голову и стала напряженно ждать. Кратковременное затишье обрушило на нее стройный и ритмичный поток новых звуков. Беспокойно поводя головой, гюрза не могла определить, откуда доносится музыка, звучание которой властно захватило ее, остро и безжалостно напомнило стройное пение птицы над укрытием в корнях старого дерева. Нежное течение мелодии, прерывисто долетавшее до тонкого змеиного слуха, просачивалось сквозь вой ветра, ласкающе пронизывало все существо гюрзы, которая медленно раскачивалась в такт прерывистому музыкальному ритму. Не выдержав, она устремилась навстречу доносившимся звукам.

Она поползла по гладкому плитняку к стенам дома, хотя никогда раньше этого не делала, замерла под ярко освещенным и пугающим ее окном. Вплетаясь в порывы ветра, музыка лилась плавным чудесным потоком, уносила вместе с ним и возвращалась. На мгновение мелодия замирала, чтобы затем нахлынуть на гюрзу сильными частыми волнами.

Неожиданно музыка прервалась. С новой силой завыл ветер, тревожно заблеяли в овчарне овцы, в окне погас свет.

В эту ночь гюрза спала беспокойно. Ей снилось старое дерево, на его ветках сидела пестрая птица. В своем сне гюрза потянулась навстречу немому пению, но птица вспорхнула и улетела, все так же раскрывая и закрывая длинный черный клюв.

Утром гюрза проснулась от истошного собачьего лая. Собака скоро убежала, и гюрза уснула опять. Она открыла глаза лишь тогда, когда солнце уже поднялось довольно высоко и у самого плетня бойко и суетливо расхаживали куры. Вскоре они заметили присутствие змеи, раскричались и, хлопая крыльями, бросились врассыпную. Прибежал петух, встал у плетня в

боевую стойку, воинственно прокукарекал. Гюрза безучастно отнеслась к куриному шуму и, спокойно подрагивая мышцами, то сокращалась, обвивая жесткие ветки плетня, то вытягивалась в длинную черную ленту. Она была во власти настроения, навеянного музыкой.

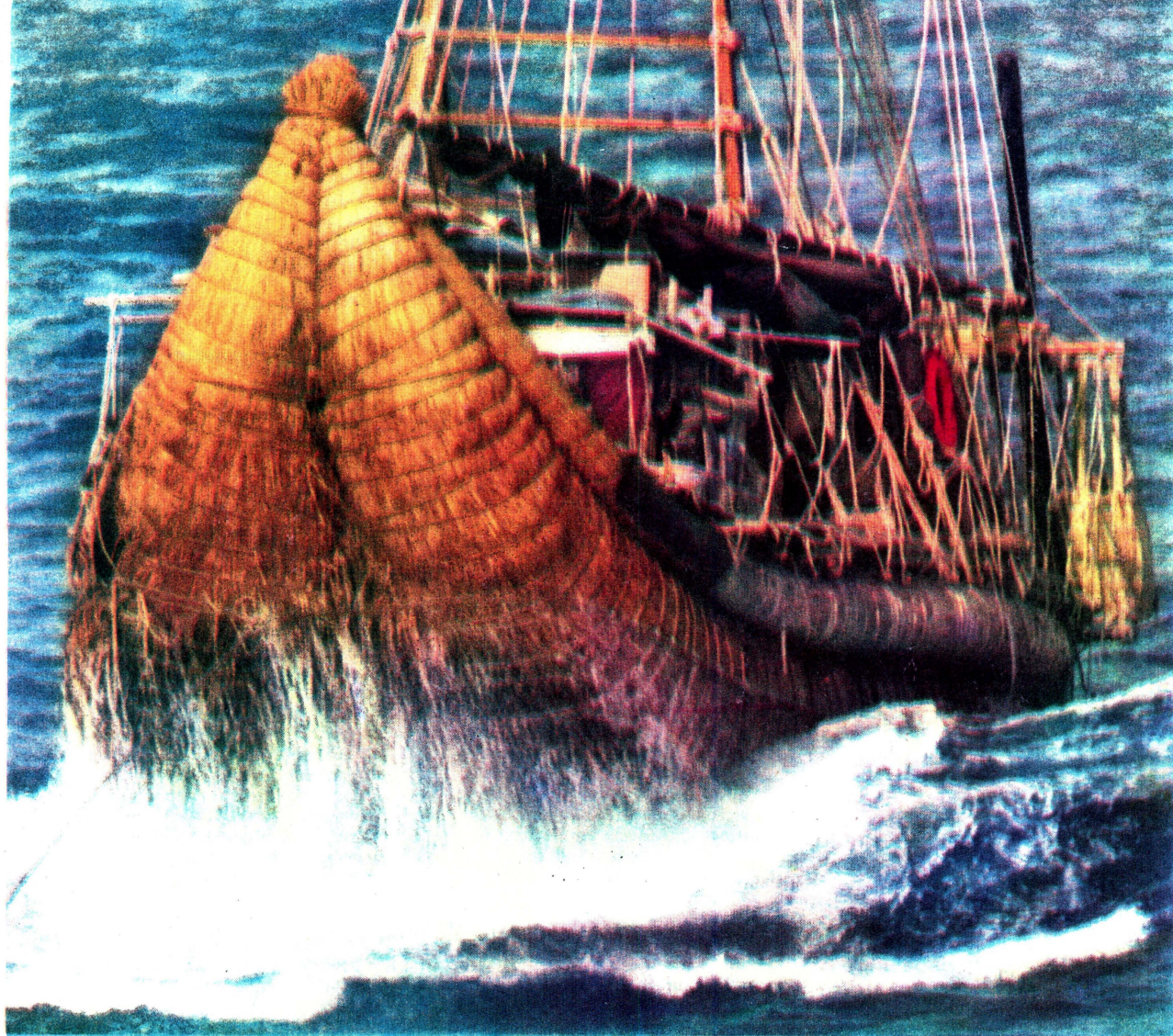
Гюрза не заметила человека, заинтересовавшегося, видимо, куриным переполохом. Он внимательно огляделся, затем ушел. Вскоре человек вернулся, неся в одной руке лопату, а в другой транзисторный приемник. Гюрза, оставаясь незамеченной, наблюдала за ним. У человека были спокойные, уверенные движения, и они не раздражали гюрзу.

Человек повесил транзистор на ветку дерева, покрутил черное колесо настройки, нашел музыку и, взяв лопату, стал окапывать дерево.

При первых же звуках музыки гюрза насторожилась. Она проглотила слюну, замороженно вытянулась, расслабленно повисла на прутьях, в такт мелодии поводя головой. Музыка напомнила ей прошлое. В ней причудливым образом сочно и красиво слышался шелест корявого дерева, в стройную мелодию вплелись крики голодных птенцов, потом как будто наступил вечер и птица запела свою чистую и печальную песню, угасающую в темнеющем дрожащем воздухе. Предсмертно вскрикнула лягушка, и все заглушил бурный, гремящий камнями поток.

Гюрза вытянулась из плетня и, околдованная мелодией, мягко подалась к дереву. Человек, увидевший змею, щелкнул выключателем и переложил лопату в правую руку. Не осознавая грозившей опасности, гюрза вползла под плетень. Человек подошел поближе, одной рукой взялся за верхний край плетеной изгороди, приподнял ее, а другой метнул лопату в изогнутое тело гюрзы. Она увернулась и, внимательно следя за человеком, стала медленно втягиваться в скользкие ветки. И вдруг в ней проснулся страх, сухой, горячий... Он подкатился к широко раскрытым глазам красными горячими волнами, наполнил хищную пасть липкой горьковатой слюной. Она изо всех сил старалась вжаться в жесткое переплетение прутьев, но человек приподнимал плетень и стряхивал змею.

После неожиданно сильного толчка гюрза шлепнулась в пыльную землю, отпрыгнула назад. Молниеносно обернувшись, выставив вперед ядовитый зуб, она бросилась навстречу блестящему полукругую лопаты, отшлифованному от долгого соприкосновения с землей. В острие сверкнуло солнце, отразилось криво и искаженно...

ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ

ФАКЕЛ ПРОТЕСТА

МИКРОКОСМ В ОКЕАНЕ

9.02.78. ...«Тигрис» вышел с внешнего рейда Карачи и направился в открытое море. Ночью подул ветер, а к утру стихия и вовсе разыгралась: за завтраком волна выдала добрых двести килограммов воды прямо на стол. Следующие не менее полновесные волны ударили «Тигрису» поочередно в обе скулы.

Вахту несем попарно. Парус заполаскивается. Дважды за последние сутки объявлялся аврал.

Бежишь с юта на бак в кромешной тьме, шаршишь ощупью, за что уцепиться. Раньше хватался за ящик, теперь его нет, зато под ногами канистра, исчезла привычная веревка справа и так далее. После берега все не так, а стихия не дает

нам времени адаптироваться, разобратся с багажом, со здоровьем: Хейердал, к слову, трудный пациент. Любую таблетку пробует на зуб, выясняет, от чего ношпа, от чего бускопан и как он взаимодействует с левомецетином. Температура 37,7. Если к завтрашнему дню не спадет — начну инъекции антибиотиков. Океан же не сочувствует — только ярится...

10.02.78. Свежая погода, крепкий ветер — отнюдь не попутный. Из тридцати двух румбов компасной картушки он разрешает нам лишь два — узкий сектор, для неуклюжей ладьи почти щелка. Но и в ней мы пытаемся маневрировать, ищем наиболее выгодную щель в щели.

Повернем чуть-чуть, бросим с борта деревяшку, замерим по ней

скорость, взглянем на буй за кормой, прикинем снос. И опять свернем, и опять... — пока не поймем сочетание максимальной скорости и минимального дрейфа.

Этот метод разработал Тур. Он по-прежнему на постельном режиме, но чувствует себя лучше. Карло опутывает румпель веревочными тягами, чтобы не надрываться, выруливая. Детлеф укрепляет вдобавок к вертикальным киям два гребных весла. Насущные путевые заботы.

Впереди, чуть сбоку, висит над горизонтом Южный Крест. Если взять его в створ с левой ногой мачты и так держать, можно не сверяться с компасом.

Курс знойд-зюйд-вест — подалее от материка, на простор. А потом куда? Вот и прозвучал главный во-

прос, свидетельствующий, что экипаж «Тигриса» снова в форме.

11.02.78. Карло призывает посетить Красное море. Мне эта идея не нравится и вот почему:

1) Идти в Красное море — значит продолжать каботажное плавание. Сам по себе каботаж — занятие достойное: любой моряк понимает, что у берегов плыть опаснее, чем в открытом море; однако наши «болезньники» иного мнения, и нам, увы, надо их уважить.

2) Вход в Красное море фактически закончит экспедицию, так как выйти назад в океан мы уже не сможем. А резервы живучести судна далеко не исчерпаны.

Куда заманчивей другое. Правильно к Экваториальной Африке, например к Кении. Аргументы таковы:

а) До Кении около двух тысяч миль, дойдем за пятьдесят дней. Неплохое автономное плавание, выигрышное в смысле престижа;

б) Пересечь экватор — этап, событие. Путешествие сразу станет как бы транс-океанским. Снимем бортовой праздник Нептуна — наш фильм нуждается в веселых кадрах;

в) В Кении сможем запечатлеть пейзажи, интересных животных — также немало;

г) Красное море отменяет Кению, но Кения не отменяет Красного моря. Останется лодка на плаву — а она наверняка останется, — пойдём из Кении куда угодно.

Дискутировали за едой. Тур к столу не вышел, покорно скупал в хижине. Я явился к нему с новостями. Из двух точек зрения шеф выбрал и одобрил мою, заметив, что спорить-то пока рано. От Карачи мы не удалились пока что и на двести миль. Курс, который держим, равно годится для обеих финишей, а позже посмотрим.

11.02.78. Без четверти десять вечера. Одеваюсь, бужу Германа. Звезд не видно, блеснула в тучах ущербная луна и скрылась.

Управлять сначала несложно, однако вскоре ветер усиливается и начинает накапывать дождь. Посылаю Германа проверить, все ли укрыто на кухне, и надеть непромокаемый костюм. Герман ушел и пропал.

Дождь уже не капает, а льет. Мой ветрозащитный костюм хоть выжимай. Герман, ты заснул?!

Наконец-то явился. Передаю ему румпель, а сам бегу переодеться.

Ливень хлестал, когда я вернул-

ся. Герман фырчал и отдувался, как морж. Засvistели снасти — значит, ветер штормовой. Рулевое весло закрипело в набухших веревках.

Господи, что за ночка! Руль скрежещет. Лодка тяжело уходит вправо, затем, перевалив на 240°, срывается в запретные 270°, возвращай ее назад, но не дай уйти за 210° — слаломная гонка, бешеные качели. Море являет собой зрелище фантастическое, кажется, что оно горит. Причудливые светящиеся змеи на гребнях валов ползут на судно и разбиваются миллиардами искр. Гигантские тусклые пятна возникают в глубине, меняют форму, мерцают, движутся. Шлепанье, ворчанье, урчанье — «Тигрис» ворочается, как кит.

Я держу руку на румпеле: 240°, 250°, 270°... — пора! Жму рукоятку, и вдруг она проваливается, как в воздушную яму. Ветер изменил направление...

Взгляд на компас — стремительно катимся к 210°. Рукоятка свернута до отказа — бесполое! 200°, 195°, 190°... Бегу к страховочному веслу, налегаю. 180°, 175°...

— Все наверх! Парус вниз!

Парус ползет не вниз, а вперед и вправо, сейчас он вырвется, улетит. Страшный треск!

— Рей?!

Нет, обломилась верхушка мачты, самый кончик, стеньга, трехметровый кусок.

Грот мечется перед лодкой, как сумасшедший непогашенный парашют. Кое-как прижимаем его к борту, комкаем, втаскиваем на крышу хижины. Все это в крошечной тьме.

Бросили плавучий якорь. Приладили на форштаг брезентовое подобие аварийного стакселя. Сели и пригорюнились. Теперь мы беспомощны до утра.

12.02.78. Тур кивнул на мою тетрадку:

— Не забудь записать — вчера

полночи сражались за 210°, мучились, сломали мачту, а на рассвете, когда никого не было на мостике и лодка дрейфовала, компас показывал точно 210°.

Да, смешно, но именно таков океан, и неизвестно, что он преподнесет через десять минут.

В данную минуту океан тих. И молчалив. И бескраен. Ни самолета в небе, ни корабля на горизонте, мир состоит из воды, и мы в его центре. Занялись ремонтом — освободили стеньгу из путаницы канатов, опустили на палубу и увидели вблизи хозяйство верхолаза Нормана: блоки, скобы, коуши, подъемные устройства грота и топселя.

Блоки снимем с обломка и переставим на здоровую часть мачты, поменяем на рее парус — вместо основного привяжем запасной. Глаза бояться — руки делают.

За трапезой, мудрые и могущественные, мы решили судьбу мыши. На борту обнаружилась мышь, Эйч-Пи уверяет, что встретился с ней нос к носу и уже смастерил было на ее погибель мышеловку. Однако Тур очень серьезно вынес мышке оправдательный вердикт: она нужна и полезна, так как подбедает за нами крошки, а тростник и веревки наверняка по сытости не грызет. Кто-то спросил: «Что же она пьет?» После долгой дискуссии решили, что мышка пьет росу.

Приятно с высоты своего величия даровать благо.

Подобно персонажу «Маленького принца», мы следим за тем, чтобы наша крошечная планетка, утлый наш, отсыревший насквозь «микроскос» содержался в разумном порядке. Обметаем его вениками, заботимся о нем — всякий на свой лад.

13.02.78. Вдали показалась странная алая полоса. Она медленно приближалась. Запахло гнилью.

В воде, зачерпнутой с борта, плавали красновато-оранжевые частички.

— Мертвый планктон, — определил Тур. — Гибнет и от природных причин, однако чаще от загрязнения.

Мы плыли словно в море крови. На рули, на корпус налипали нефтяные комки — точно такие же, что наблюдались в экспедиции «Ра».

14.02.78. Норман без конца вызывает Бахрейн. Удивительна особенность рации, предоставленной нам Би-би-си. Прием устойчив, обратная связь отсутствует. В каком-то смысле это символично. Мир жужжит нам в уши о вооруженных конфликтах, о расовой розни, мы всем своим лодочным бытием протестуем, взываем, декларируем, доказываем жизнность идей сосуществования — и как в вату.

О нас в эфире самые немислимые враки. Болтают, например, что «Тигрис» переломлен пополам (шутка Тура: «Наверное, газета со снимком «Тигриса» была сложена пополам»). И ни слова о научной программе о сплоченности экипажа, об антивоенном пафосе путешествия.

Ветер хороший, ровный, видимо, поймали муссон, вернее, он поймал нас. Правим 180° на юг. Идем под запасным гротом и восстанавливаем мачту.

Высверлили из гнезда остаток сломанной стенки, сняли с гнезда пластилиновый слепок. Стесываем по нему конец обломка, чтобы посадить его на клей. На лице каждого выражение: «Какие мы молодцы!..»

Мы на самом деле молодцы. Никто не сачквет, не отлынивает. Простуженный Герман весь в работе. Хейердал, едва оправившись, самовольно вымыл посуду и выторговал себе полчаса дневной вахты.

Мы очень разные, но мы ладим друг с другом, нет, зря я сомневался, наш эксперимент общественно значим и поучителен.

15.02.78. Любопытный диалог идет у нас с Карло. Снова и снова говорим с ним о варианте захода в Красное море. Он горячится, я помалкиваю и порой дипломатически подкакиваю. Но сегодня поймал себя на том, что доводы Карло меня понемногу убеждают. Капля камень точит. Может, и впрямь в Аденский залив идти логичнее, чем вдоль африканского берега неведомо куда?

Как нарочно, Тур кличет меня к себе на мостик.

— Ну и что ты думаешь о наших дальнейших планах?

— Ты о чем?

— Вдоль Африки или в Красное море?

Пауза.

— А что думает лидер?

— Лидер хочет выслушать врача (рассмеялся).

— Мне кажется сейчас, что Карло прав. Оба предложения не идеальны, но из двух зол я бы выбрал меньшее.

— Какое же меньшее?

— Рассуди сам. С одной стороны, идти к экватору, зарабатывать престиж, побивать рекорды дальности, а с другой — отказаться от рекордов, но зато завершить круг Месопотамия — Бахрейн — Оман — долина Инда — Египет. Подчинить маршрут логике научной, а не рекламной.

— Второй вариант мне нравится больше.

Вот и гадай: только что перерешил? Или раньше? Или всегда был на стороне Карло и ждал, пока я образумлюсь? Так или иначе, мне урок: не торопись, оценивай пози-

цию оппонента объективно и тщательно.

22.02.78. Брошены в тесто для блинов последние яйца. Не сегодня-завтра съедим последний картофель. Арахисовому маслу, столь любимому нами, тоже приходит конец.

Явные признаки того, что путешествие завершается.

Еще признак: у всех появилось желание менять напарников по вахам. За ночное дежурство о чем только не поговоришь, а мы вдруг спохватились, что не все еще узнали друг о друге.

Да, что бы нас впереди ни ждало, плавание состоялось. Лодка испытана, научная добыча хорошая. Единственное, что огорчает: топчемся на месте. И все-таки скоро финиш. Опасно думать о нем. Нужно, наоборот, настроить себя на бесчисленные дни и ночи впереди.

Пока писал эту страницу, несколько раз приходилось подниматься и подбирать с палубы трепещущую летучую рыбку. Бросаю их в кастрюлю с водой, чтобы сохранить до завтра. Вокруг полно рыбы, за кормой лодки буквально толпой идут корифены: куда ни направишь фонарь, всюду блестят продолговатые серебристые «капли».

23.02.78. Совершаем обычный ритуал вставания — выползаем, кто быстро, кто медленнее, из хижин. Завтрак, мытье посуды, уборка на кухне — и все расходится кто куда: читать, писать, чистить или чинить что-либо. Причем стараемся, когда работа позволяет, заниматься ею в одиночестве.

Одиночество на «Тигресе» вполне возможно. Тур как-то начертил схему: один член экипажа на носу, двое по бокам носовой хижины, четвертый на крыше, пятый за обеденным столом и так далее — действительно, не будем видны друг другу, ежели станем сидеть неподвижно. Самое же лучшее — уплыть на «Зодиаке» метров за двести и провести там полчаса-час.

Тага к уединению, которую мы испытываем, вовсе не означает, что становимся нелюдими. Когда дневная доза самоизоляции принята, взаимный интерес возобновляется.

Частенько беседуем с Карло, вспоминаем с ним старое доброе время на «Ра». Воспоминания, естественно, окрашены в розовый цвет. Будем, однако, справедливы: нам и на «Тигрис» грех жаловаться. Живем, в общем, дружно, последний отрезок маршрута нас особенно сблизил. Может быть, помогает предчувствие скорого окончания экспедиции, а может, легче оттого, что точно знаем, куда идем. Да и быт наш налажился, стереотип поведения определен. Впрочем, до Красного моря еще полторы тысячи миль.

Сегодня ровно три месяца с момента нашего старта. Повод? Повод! Карло готовит дивные спагетти. Хейердал лезет в личные закрома за икрой. В центре стола блюдо с пудингом. Эйч-Пи объявил: конечно, пудинг для одиннадцати человек маловат, но если добавить в него коньяк, он вырастет. Взял бутылку и полил пудинг. Тот начал приподниматься, рос, стал огромным и лопнул со страшным треском. Эти разбойники, как выяснилось, просверлили в столе дыру, пропустили через нее трубку, соединенную с баллончиком со сжатым воздухом, и надули внутри пудинга воздушный шарик.

24.02.78. Поднялся попутный ветер. Он гонит нас к югу. Мы на шестнадцатом градусе северной широты с минутами, а вход в Аденский залив — на пятнадцатом. Пора сворачивать к юго-западу, срывать угол, а то не пришлось бы потом ползти вполветра.

Покончив с обедом, все остались за столом. Норман и Детлеф принесли навигационные карты, Норман — кинокамеру. Тур открыл со-

вещание и попросил штурманов изложить свои соображения.

Слово взял Норман. Он сказал, что мы движемся по кривой, которая выведет прямо к цели: течение у берегов Африки поднимет лодку в более высокие широты, а потому сейчас надо зайти пониже — запастись пространством для маневра.

Тотчас обнаружилось, что единства взглядов у наших навигаторов нет. Детлеф доложил: на немецких картах течение, на которое надеется Норман, не показано.

Спор шел о том, что заболело и меня и Карло, — пора или не пора закруглять дугу. Тур старался примирить спорщиков, говоря, что разница между 240° и 250° (именно о десяти градусах шла речь) не так уж велика. И тут Норман, неуступчивый Норман, догматик Норман, доказал, что жизнь на «Тигресе» его чему-то научила.

— Если курс 250° поможет моим оппонентам стать счастливее, то не возражаю.

25.02.78. Разговаривал сегодня с Туром. Он удивлялся покладистости Нормана и признался, что никак не ожидал этого, думал — штурман стоит на своем. И Карло, со своей стороны, вел себя деликатно. Мы определенно добреем.

Я согласился: у нас сейчас неплохой микроклимат.

— Ты, конечно, заметил — мы перестали нервничать по мелочам, прекратились подначки и насмешки. Теперь уже не бывает так, что вахтенный ждет по часу, пока поменяют, и приходит к пустому столу. И, прежде чем взять добавку, каждый предлагает поделить.

Тур радостно кивал: модель мирного сосуществования оказалась жизнеспособной...

«ТИГРИС» ГОРИТ

...Мы услышали шум мотора. По правому борту — очень низко и на большой скорости — к «Тигрису» приближался самолет. Он прошел бреющим полетом над самой мачтой. Все мгновенно бросились за камерами. «Снимайте незаметно!» — кричал Хейердал: самолет был противолодочным разведчиком с французскими опознавательными знаками. Он трижды облетел нас и скрутился в направлении Джибути.

Прострекотал вертолет — военный, американский, за ним другой — французский, тоже военный.

Выскочил из-за горизонта «мираж», спикировал на «Тигрис», взвил форсаж на высоте трехсот метров и взмыл свечой. Норман, бывший летчик, не удержался от аплодисментов: «Великолепно, bravo, pilot!»

Особой радости, конечно, мы не испытывали.

Конкретная политическая обстановка была нам неизвестна. Ясно одно: несмотря на напряженность, нам надо где-то пристать.

Две страны соглашались дать нам приют. В Народно-Демократическую Республику Йемен мы могли идти хоть сейчас, но это был бы крайний вариант: Аравия нам все же не годилась, для завершения путешествия требовалась Африка. Значит, в соответствии с планом — Джибути. Во всяком случае, как промежуточная остановка, на которой сможем оглядеться и что-то решить. ...Зажгли на мачте мигалку: надвигалась ночь. Под крупным дождем «Тигрис» медленно вытягивался в залив Таджура (на карте Аденского залива он как шербинка). Слева вдали сиял огнями Джибути, справа — фонари города Обок. Они ближе, чем им полагалось быть: зюйд-ост, пусть и слабый, прижимал нас к противоположному берегу.

Скользнули мимо тенями эсминцы: один, второй, третий... Не обратили на штатскую букашку ни малейшего внимания.

В шесть утра показалась яхта. Мы подали на нее канат, подаренный «Славском», спустили грот — на диво четко, со щегольством бывалых мореходов: даже сами поразились своей сноровке.

Открылся порт, и мы поняли, что попали не куда-нибудь, а на военно-морскую базу. Корабли, раскрасившиеся катера и десантные боты, плавающие доки... Все серое, стальное, устрашающее.

Официальных торжеств по поводу нашего визита никто не устраивал. Пришвартовались у стенки, где нам указали, и гостеприимный норвежский консул забрал нас к себе. Вымылись у него по очереди в ванне. Стали размещаться на постой.

Фешенебельные отели нам были не по карману. Трое — Хейердал, Карло и Герман — поселились в небольшой гостинице, шестеро — в местном спортклубе, в кирпичных одноэтажных домиках-бунгало.

Меня с Норманом Бейкером пригласил в свой дом Петрос Рейсян, армянин по национальности, здешний старожил и коммерсант. Он торгует запасными частями к автомобилям, а душу отводит в радиолобительстве.

Рейсян давно знаком нам по эфиру. Едва курс «Тигриса» лег на Джибути, он вызвался представлять здесь наши интересы. Посредничал между нами и Би-би-си, помогал фрахтовать яхту.

Нам было хорошо у Петроса. До того хорошо, что мучила совесть: катаемся как сыр в масле, а ребята, обделенные, на отшибе. На следующий день мы попытались во

имя солидарности перебраться в бунгало, но темпераментный Петрос устроил скандал: «Обижаете, да? Обижаете?!» Кроме того, обнаружилось, что не так уж ребята мыкаются в своих домиках — у них там и кондиционеры есть, — и мы перенесли вещишки обратно.

То, что мы с Норманом оказались вместе, обоим радовало. Я в который раз убедился: Норман наедине совсем не тот, что в лодке, — крикливый, упрямый, амбициозный, когда в его адрес трудно не злословить. Он обезоруживающе искренен, наивен и незащищен.

За исключением Хейердала нет, пожалуй, в экспедиции человека, для которого плавание значило бы больше, чем для Нормана Бейкера.

Ради «Тигриса» он круто изменил жизнь, на полгода бросил свою строительную контору, поставил на карту благосостояние семьи и, естественно, хотел крупно выиграть. Думал о паблсити, о бестселлере, о лекционном турне. И дабы все это блестяще осуществилось, усиленно старался обеспечить путешествие успех.

Карло как-то сказал: «Норман из тех, на ком можно вешать бирку: «Made in USA». На нем прямо так написано: «Мы — американцы, мы всемогущи, а если ветер дует не с той стороны, так это не мы виноваты, а он, ветер».

Излишнее старание порой вредит. Тот, кто стремился выверить каждый шаг, неминуемо спотыкается чаще. Впрочем, так ли часто Норман спотыкался? Да, неудачи с парусом... — но ведь радиосвязь, главное, держалась надежно, и в любую намеченную точку мы приходили, в общем, точно и в срок. Я, например, горжусь умением — своим и Карло — вязать узлы, но идет ли это в сравнение с работой Нормана, сложной и повседневной?

А характер — что ж... Характер есть у каждого...

Утром 30 марта я пришел на «Тигрис». Залез в хижину и увидел Эйч-Пи. Он сидел и о чем-то размышлял.

— С чего начнем? С проверки веревки?

— Вряд ли мы в этом теперь нуждаемся. Похоже, что завершили экспедицию здесь.

Я не понял. Как это «завершили»?

— Ни один порт нас не принимает. Не могут гарантировать безопасность.

Позже, вспоминая, я спрашивал себя: было ли услышанное мною неожиданностью? Нет, не было. Изумление, растерянность длились секунды. В сущности, мы ждали того, что произошло.

Мы отправились в гостиницу, где остановился Тур: там он назначил команде встречу. Прошел условленный час, но капитан не появлялся: он был на приеме у президента Джибути.

Наконец часов в одиннадцать утра показался Хейердал. Нашли удобное место в тени под тентом, уселись вокруг стола, и Тур сказал нам так ое...

Впрочем, сейчас лучше не перекладывать его слова, а сразу привести текст «Открытого письма Тура Хейердала Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму», ибо речь капитана «Тигриса» перед нами в тот утренний час и «Открытое письмо...» суть одно и то же:

«Поскольку многонациональная команда экспериментального камышового судна «Тигрис» сегодня заканчивает испытательное плавание, мы благодарим Генерального секретаря за разрешение плыть под флагом ООН и с гордостью докладываем, что двойная задача экспедиции выполнена к нашему полному удовлетворению.

Мы предприняли путешествие в прошлое, чтобы изучить мореходные качества судна, построенного по древнешумерским образцам. Но это было также путешествие в будущее с целью показать, что люди, стремящиеся к общему выживанию, могут мирно сосуществовать даже на самом тесном пространстве. Нас одиннадцать человек, представляющих страны с разными политическими системами. Вместе мы прошли на маленьком судне-плоте из хрупких стеблей и веревки более шести тысяч километров от республики Ирак, с заходами в Бахрейнский эмират, Оманский султанат и республику Пакистан, до недавно родившегося африканского государства Джибути. Рады доложить, что, несмотря на разные политические взгляды, мы, живя в стесненных условиях, в полном взаимопонимании и дружбе, плечом к плечу боролись с штормами и штителями, постоянно сохраняя верность идеалам Объединенных Наций: сотрудничество во имя совместного выживания.

Ступая в ноябре прошлого года на борт нашего камышового судна «Тигрис», мы знали, что вместе утонем или вместе выживем, и это сознание скрепило нашу дружбу. Разъезжаясь ныне, в апреле, по домам, мы испытываем глубокое уважение и симпатию к странам каждого из членов экипажа, и наше послание обращено не к какой-либо одной стране, а к современному человеку вообще. Мы показали, что в создании ранних цивилизаций земного шара древним жителям Дуэручья, Индской долины и Египта, вероятно, помогли взаимные контакты на примитивных судах, которыми они располагали пять тысяч лет назад. Культура развивалась благодаря разумному и полезному обмену идеями и товарами.

Сегодня мы сжигаем (разрядка моя. — Ю. С.) наше гордое суденышко с абсолютно целыми парусами, такелажем и корпусом в знак протеста против проявления бесчеловечности в мире 1978 года, в который мы возвратились из открытого моря. Нам пришлось остановиться у входа в Красное море. В окружении военных самолетов и кораблей наиболее цивилизованных и развитых стран мира, не получив разрешения на заход от дружественных правительств, руководствующихся соображениями безопасности, мы были вынуждены высадиться в маленькой, еще нейтральной республике Джибути, потому что кругом соседи и братья уничтожают друг друга, пользуясь средствами, представленными теми, кто возглавляет движение человечества по пути в третьи тысячелетие.

Мы обращаемся к простым людям всех индустриальных стран. Необходимо осоз-

знать безумные реальности нашего времени, которые для всех нас сводятся к неприятным заголовкам в новостях. С нашей стороны будет безответственным не требовать от тех, кто принимает ответственные решения, чтобы современное оружие не предоставлялось народам, которых наши деды корили за секиры и мечи.

Наша планета больше камышовых бунтов, которые пронесли нас через моря, и все же достаточно мала, чтобы подвергнуться такому же риску, если живущие на ней люди не осознают неотложной необходимости в разумном сотрудничестве, чтобы нас и нашу общую цивилизацию не постигла участь тонущего корабля. Республика Джибути, 3 апреля 1978 года.

Мы забрали с лодки свои личные вещи, выгрузили оборудование, предназначенное для музея «Контрики». День отдыхали, катались на яхте, купались. О «Тигрисе», как по уговору, не вспоминали.

Вечером мы бродили с Норманом по улицам Джибути. Возле нас вился мальчишка, предлагал что-то купить, куда-то сходить. «Вот еще американец гуляет!» — он показал на верзилу в высоком белом кепи, похожем на котелок, затем сбегал и привел его.

— Из Штатов, парни?

— Кто из Штатов, кто из России.

— Очень приятно. А я из легиона. Моя кличка — Лорд.

Лорду тридцать три года. Семнадцать лет из них он в армии. Сперва служил в Америке, надоело. Завербовался и поехал в Африку, в Родезию. Воевал. Надоело.

Надо было придумать что-то новое, однако никакого иного ремесла, кроме ремесла наемника, он не знал. Вкратце монолог Лорда можно передать так:

«Если ты силен и здоров и не знаешь, куда податься, зайди в любой полицейский участок на территории Франции и произнеси слово «легион».

Тебя поведут в особую комнату, накормят, вдоволь напоят. Отберут документы, и ты лишишься имени, фамилии, прошлого. Взамен получишь карточку, где обозначено: «Лорд, капрал Французского иностранного легиона», а рядом — на фото, смахивающем на тюремное, — ты сам, бритый наголо, на шее дощечка с кличкой.

Вместе с кличкой у тебя появится номер счета в банке — швейцарском или в том, какой назовешь.

Платить будут на ранг или на два ранга выше, чем в обычной армии: ефрейтору — по-сержантски, лейтенанту — по-капитански.

Контракт заключается на пять лет. Затем имеешь возможность продлить его еще на пять лет. И еще на пять. Выдержишь — значит, обеспечил себя на всю оставшуюся жизнь.

Легионер может безнаказанно убить, угнать машину, изнасиловать — в пределах лагерной огра-

ды никакой прокурор его не достанет. Это, как вы понимаете, плюс.

Легионера муштруют нещадно, испытывают на выносливость, добиваются беспрекословного послушания, учат всем существующим способам ведения боя. Тоже плюс, но с натяжкой. Муштра и головорезам не мед.

Воспитательных бесед с легионером не ведут. При малейшем нарушении дисциплины отправляют в каменоломню махать киркой от зари до зари, с перерывом на полуденное пекло. На ночь запирают в карцер с бетонным полом, бросают на пол одеяло и напускают сантиметра на три воды. Это уже несомненный минус. Два месяца карцера человек выдерживает редко.

Задача легионера — поддерживать порядок в той стране, где он расквартирован. В чем суть порядка, знает начальство. Легионер этого знать не обязан.

Он обязан ехать, куда скажут, и стрелять, в кого прикажут. В экстремистов. В забастовщиков. В бандитов. В безработных.

Легионеры не выясняют, кто прав, кто виноват, а уничтожают правых и виноватых разом. Там, где они побывали, всеобщая тишина и пустота...»

— Скоро сбегу, — сказал Лорд, которому в легионе и за три года надоело.

— И что будет тогда?

— Будет погоня. Если не поведет и настигнут, то преградят дорогу и скоман্দуют: «Руки вверх!» Подниму руки — два месяца карцера. Не подниму — убьют...

В понедельник, 3 апреля, на речку Тура о сожжении «Тигриса» присутствовали представители Биби-си. Они поставили условие: все до последнего момента должно остаться тайной. Наши финансисты не желали конкуренции. Закабалив «Тигрис» при жизни, они намеревались стричь купоны и с его похороном.

Надо было бы заупрямиться: путешествие кончилось, договор утратил силу, дальше действуем, как хотим, но мы даже не роптали. Слишком были подавлены...

Я радировал в Москву: «Пожалуйста, будьте внимательны. Завтра передадим очень важное сообщение». И не имел права намекнуть, о чем.

Ясно глядя в глаза Петросу, мы сказали: «Идем на киносъемку». Подняли парус, отдали швартовы и пошли. Недалеко, за пять миль, к островам Аль-Муша.

Выбрали в заливчике место, поставили лодку на два якоря. На берег сошли кинооператоры: Нор-

рис, Герман и Тору. Каждый занял свою позицию, изготовились. За фотографии отвечал Карло. Остальным Хейердал запретил заниматься съемкой.

Мы облюбили палубу горючим, разложили на ней тряпки, одеяла, полотенца. Долго возились — не хотелось спешить. Солнце садилось, когда мы переправились на остров и встали на самом краешке берега.

Последним на «Зодиаке» приплыл Эйч-Пи. Он выполнял обязанности пиротехника — закладывал в хижине взрывное устройство с таймером — часовой машинкой вроде будильника. Рычаг таймера, срываясь со взвода, замыкал контакты батарейки. Тот сжигал спирали лампочек с расколотыми колбами. Искры воспламеняли пары бензина.

Мы стояли и ждали.

Через пятнадцать минут вспыхнуло. Грохнуло. Поднялся огненный столб. «Тигрис» запылал.

Он горел долго, долго, долго. Горел мостик, где мы сражались с веслами и компасом. Горела хижина, где мы обедали, отмечали праздники и порой незло ругались. Горела корма — обиталище маленьких крабиков, которых мы прозвали Федей и Машей.

Долго держалась мачта — непонятно на чем. Она рухнула, когда «Тигрис» начал светиться изнутри.

И вот уже нет ни мостика, ни хижин, ни мачты. На водной глади залива Таджура горел стог сена — ярко и жарко, как способна гореть сухая трава.

Мелькнула мысль: боже мой, ведь за все плавание и не подумали ни разу, что на судне может случиться пожар!

Понемногу огонь утихал, тьма сгущалась. И к лучшему. Нам всем в эти минуты нужна была темнота...

Мы сели на яхту, сопровождавшую нас, и вернулись в порт. По пирсу метался Петрос. Он был вне себя.

— Юрий, что вы со мной делаете? Я чуть не получил инфаркт! Это же ужасно! Почему вы мне ничего не сказали? Я сидел возле дома, любовался закатом и вдруг увидел этот огромный столб дыма, и взрыв какой-то, и пламя... Сразу же радио Джибути передало, что «Тигрис» горит и судьба экипажа неизвестна. Представляете, что я пережил?!

Что я мог ему сказать?

— Петрос, прости...

Сели в машину, поехали к нему. Немедленно вышли в эфир. Я сообщил о событиях, которые произошли, диктовал Открытое письмо Тура Хейердала Генеральному секре-

тарю ООН Курту Вальдхайму, и Валерий Аганбеков в Ессентуках все это записывал, и записывали в Москве.

...Сейчас ясно, что мы совершили большую глупость. Нам надо было послать Би-би-си к чертям и широко разрекламировать сожжение. Созвать газетчиков, журналистов, трубить во все трубы: «Мы против войны. В знак протеста мы сжигаем «Тигрис». Приезжайте, смотрите!» Вот тогда мир воспринял бы случившееся иначе. Но мы, повторяю, были настолько усталые, растерянные, настолько потрясены прощанием с «Тигрисом»...

Открытое письмо Тура так никто и не открыл. Когда я позже приехал в Норвегию, обо мне в газетах писали: «Сенкевич прибыл защищать Хейердала» — и допытывались, что я думаю по поводу бесславного финала экспедиции. Я отвечал: «Об этом четко заявил Хейердал. Где у вас опубликован его

документ? Где ваша свобода печати?»

— Как мог выразить свое отрицание милитаризма Тур Хейердал, не государственный деятель, не официальное лицо, а всего лишь руководитель маленькой экспедиции?

Он выразил его единственным доступным ему способом: не оставил «Тигрис» гнить в окружении дрейнуотов на военно-морской базе. Это был «протест по Хейердалу»...

Охрана аэропорта в Джибути была поручена сослуживцам Лорда. Сдаешь багаж, оформляешь билет, едешь в автобусе на посадку. Недалеко от самолета автобус останавливается. Просят выйти. Перед тобой гора чемоданов. Вокруг — кольцом — легионеры в шортах, камуфлированных куртках, касках с сеточкой. Стоят, расставив ноги, глядят поверх тебя, пальцы — на спусковых крючках автоматов.

Каждому предлагают опознать

свои вещи. Опознанное грузят на тележку и в самолет. Гора уменьшается. Чиновник ждет: не окажется ли чемодана, хозяин которого раздумал лететь. Предосторожность против воздушного терроризма.

Так мы расставались с Джибути: камуфляж, каски, каменные легионерские лица, стволы, направленные тебе в живот.

На высоте зрение обостряется — странный эффект, его первыми заметили космонавты. По линейкам автострад ползли танки. Из шахт высывались остроносые головки ракет. Клубились пробные облачка ядовитого газа.

Но я видел в иллюминатор и другое. Танкам преграждали путь демонстранты. Стаи голубей сбивали ракетам прицел.

Человечество смыкало ряды. Где-то в общем строю на краю горизонта крошечной яркой звездочкой пылал наш «Тигрис».

РЕЙМОНД ХОУХИ,
РОДЖЕР БИНЭМ,
английские писатели

Последний Козырь

Фантастический роман

Шол Макэлрой проснулся ровно в шесть утра. Прорделав комплекс привычных физических упражнений и докрасна растеревшись после душа, он направился в кухню и впервые познакомился с содержимым полок, шкафчиков и холодильника. Он не спеша приготовил кофе и кое-что из еды и, поставив все на поднос, отнес в комнату. Помещение понравилось ему вчера с первого взгляда, и теперь он понимал почему. Комната была свободна от лишних вещей и предназначена для работы, словно кабина планера. Ничто не напоминало ему о полном безделушек и ненужной мебели доме.

Выпив кофе, Макэлрой открыл в «Правилах внутреннего распорядка» раздел «Почтовое обслуживание», быстро пробежал его глазами и сел за письменный стол. Он исписал лист, сложил, засунул в конверт и, написав адрес жены, не заклеивая, положил в коробку с наклейкой «Почтовая цензура». Потом он прикрепил к лацкану пиджака опознавательную пластинку, сунул в карман вызывное устройство и несколько минут изучал план форта Детерик.

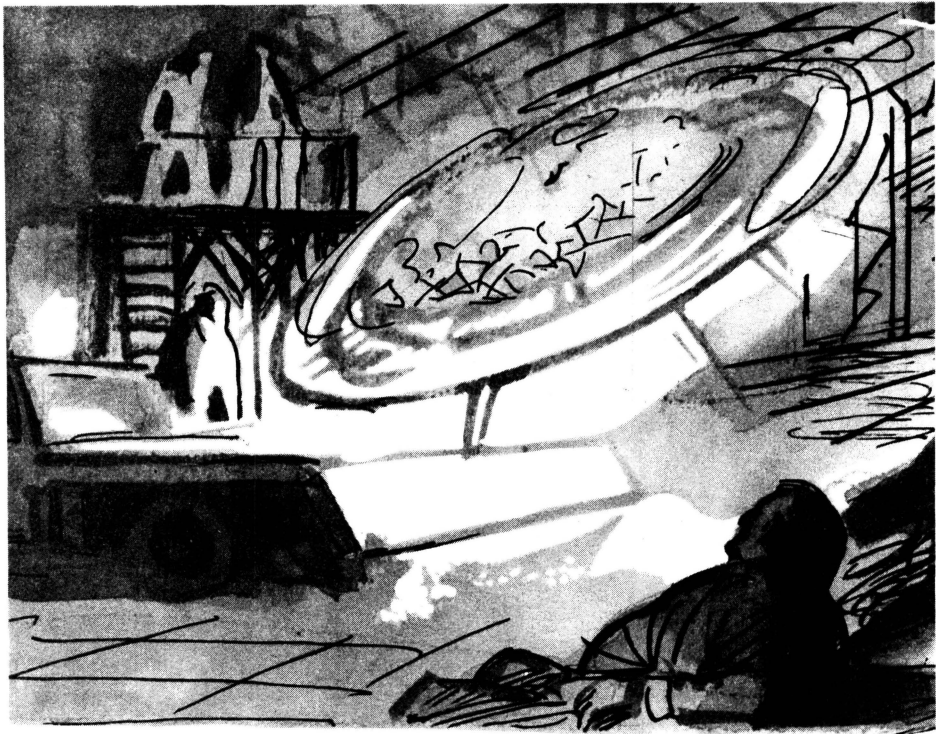
Лаборатория молекулярной биологии находилась в полумиле от жилого блока, и Макэлрой решил, что лучше прогуляется, вместо того чтобы ехать на небольшом электромобиле. С десяток их стояло ровным рядом возле дома. Здание, где ему предстояло работать, оказалось длинным, одноэтажным и вообще невзрачным на вид. На стальной двери в фойе висел квадратный серый ящик, рядом с которым помещалось объявление, озаглавленное «Процедура допуска»: «Вставьте вашу карту-ключ в отверстие. Когда загорится красная лампочка, назовите свое имя, отдел, должность в этом порядке и разборчиво. Если вход вам разрешен, загорится зеленая лампочка и дверь автоматически откроется. Скрытые телевизионные камеры так-

Продолжение. Начало в № 8, 9.

Без десяти девять появилась Мэри Андерсон, бледная, запыхавшаяся и извиняющаяся. Она настолько крепко спала, что едва не опоздала к началу рабочего дня.

Обмениваясь впечатлениями от лаборатории и вспоминая вчерашнее заседание, все направились в кабинет Макэлроя.

— Ну-с, — сказал Макэлрой, садясь за стол, снимая наручные часы и устанавливая их на браслете перед собой, — приступим? — И он включил магнитофон. — Прежде чем мы начнем созрывать, какими сделать наших космических пришельцев, нужно решить, какую форму мы выберем. Согласно требованиям Ней-

же передают ваше изображение, которое проверяется дежурным офицером».

Кабинет Макэлроя был светлым, чистым и просторным, со столом для заседаний и шестью креслами вокруг него. У противоположной стены находился длинный диван. Лаборатория просто пугала. Еще никогда он не видел такого прекрасного собрания первоклассного оборудования и приборов. Обходя комнату за комнатой, Макэлрой не мог нарадоваться.

Закончив обход владений, он, очень довольный, вернулся в кабинет и стал ждать появления своих новых сотрудников. Через три минуты Каванаг, Джонсон и Кохальский вошли в лабораторию.

дельмана они должны быть сверхинтеллектуальными или по крайней мере казаться такими, и должны быть основаны на углероде.

— В качестве основного фактора я хотел бы предложить кристаллическую организацию... — начал излагать свое мнение доктор Каванаг.

Более двух часов они провалили одну идею за другой, взвешивали, отбрасывали, сомневались, но каждому было ясно, что все это не то. Необходимо было что-то оригинальное и неожиданное, но оно никак не приходило. Наконец Мэри в изнеможении откинулась на стуле, потирая виски, и спросила:

— Макэлрой, найдется у вас чашечка тривиального кофе?

Макэлрой вышел и через несколько

минут вернулся, неся на подносе пять дымящихся чашек и вазочку с печеньем.

Выпив кофе, ученые снова приступили к обсуждению.

— Мне сейчас пришла идея, — задумчиво сказал Макэлрой. — Никто ведь не требует, чтобы наше создание разгуливало по Лос-Анджелесу, не так ли? Нам нужно сделать, чтобы это было как будто! Как в цирке! Распилить женщину, не пиля ее! Поняли? Что отличает человека от всех других форм жизни?

— Размер мозга, — быстро ответил Каванаг.

— Интеллект? — спросил Кохальский.

— Точно! — загорелся Кохальский. — И назовем его «цереброид», то есть «похожий на мозг»!

— Погодите, я не совсем ухватил, — взмолился Каванаг. — Вы по порядку.

— По-моему, — вступил в разговор Джонсон, — Пол предлагает, чтобы мы, воспользовавшись идеей пересадки клетки, о которой уже говорили, получили мутанта с ненормально большими и крайне развитыми полушариями. Тогда мы извлечем мозг из мутанта и перенесем его в механическое тело. Так?

— Не совсем, — возразил Макэлрой. — Я даже думаю, что мы можем пойти и дальше. Нет смысла

с жидким водородом, который взорвется вместе с ним. Тогда остатки цереброндов будут мгновенно заморожены и, оттаяв потом, явятся прекрасными образцами для гистологического исследования.

— Важно, что исследователи найдут в обломках только мозговые клетки. Вот уж поломают они головы. — Макэлрой встал и снял пиджак со спинки стула. — Но это еще не все. Остается эта чертёва проблема, которую необходимо решить, прежде чем мы перейдем к лабораторной работе. Нужно доказать тем, кто будет в них копаться, что цереброиды НЕ СДЕЛАНЫ ЧЕЛОВЕКОМ!..

— Догадываетесь, что Пит имеет в виду? Интеллект не определяется одним только размером мозга. Если бы это было так, то не мы, а киты охотились бы за нами. По соотношению веса мозга с весом тела человек уступает даже мыши. Суть в том, что гомо сапиенс имеет крайне развитую кору головного мозга. Значит, нужен большой мозг с невероятно богатой межклеточной коммуникационной системой! Мы с вами хлопочем по поводу всяких внутренних органов, скелета и так далее. К черту их! Я предлагаю следующее: после взрыва должно остаться мозговое вещество с какими-то рудиментами защитной оболочки, не обязательно черепа, и жизнеобеспечивающей системы. А? Чем не идеальный космонавт?

выращивать какое-то создание, а потом извлекать мозг. Более эффективным будет, если мы возьмем мозговой зародыш, что даст нам исходный материал — массу незрелых мозговых клеток, которые мы затем сможем культивировать по трехразмерной матрице.

Каванаг задумчиво почесал затылок.

— Задача в том, чтобы те, кто будет расследовать взрыв, смогли определить ткань как мозговую. Ведь цереброиды будут взорваны вместе с кораблем, и надо найти способ защитить их хотя бы от того, чтобы они не изжарились.

— Ну, это уже забота доктора Бенедикта, — возразил Джонсон. — Можно поместить в корабль баллон

Все устали, и, когда в половине двенадцатого появился Макэлрой, Каванаг и Кохальский уже уходили, Мэри решила остаться и составить компанию руководителю группы.

— Как подвигается дело? — спросила она, когда они остались одни.

— Хуже некуда. — Макэлрой пожал плечами. Сняв пустую пачку из-под сигарет, он открыл новую и протянул ее Мэри. Она отрицательно покачала головой.

— Вы всегда так много курите, Пол? — мягко спросила она. Неужели прошло всего пятнадцать дней с тех пор, как они начали вместе работать? А кажется, что пятнадцать месяцев. Огромность поставленной задачи, их изоляция от остальных, не говоря уже обо всем мире, находившемся за стенами форта, риск, которому они подвергались, работая над «Последним козырем», создавали чувство единства, невысказанного в обычной ситуации.

— А вы не хотели бы поговорить со мной? — спросила Мэри.

— О том, что я слишком много курю? — улыбнулся Макэлрой.

— Да нет же, конечно. О том, что Нейдельман называет «фактором, не имеющим решения». Ведь именно он беспокоит вас, не так ли?

— Все дело в том, что и говорить практически не о чем.

Мэри протянула руку и взяла сигарету.

— Ну и ну, а я было действительно поверил, что вы не курите.

— Только в кризисных ситуациях.

— Я думал, что только у меня одного такое. Что же беспокоит вас?

— То, что к концу недели мы не так уж далеко продвинулись.

— И все потому, что я не могу дать вам этого дьявольского фактора!

Мэри вдруг показала, что он похудел и осунулся. Она вдруг испытала чувство обиды за него, такое же, какое почувствовала, когда узнала в первый раз, что от них требуется, но сейчас, к ее удивлению, к этому прибавилось еще и ощущение материнской заботы о нем. Ее даже

заинтересовало, имеет ли это ощущение какую-либо связь с тем, что цереброиды должны были развиться из клеток, взятых у нее и у Макэлрой.

— Послушайте, Пол! — сказала она. — «Фактор, не имеющий решения», — нонсенс. И вам это известно, ведь так? Как же можно доказать, — она презрительно подчеркнула последнее слово, — что цереброиды не сделаны человеком, если они будут сделаны им! Мне кажется, нужно пойти к Нейдельману и сказать, что все было здорово задумано, но из этого ничего не получится.

— Но ведь должно получиться! Вы и Пит уже знаете, как будете выращивать клетки. Каванаг и Джонсон разрешили большинство проблем, связанных с матрицами и камерами для выращивания, а ребята Бенедикта закончили математическую модель механического тела цереброидов и этого дьявольского космического корабля! У вирусологов еще остаются проблемы с патогеном, но эти их решат!

— Да? — иронически отозвалась Мэри. — Вы, наверно, лучше нас всех представляете себе критическое состояние, в котором находится «Последний козырь». Ведь каждая часть, каждая деталь, прежде чем попадет на сборку, должна пройти проверку «фактором, не имеющим решения». Но до сборки дело не дойдет. Не дойдет, потому что не существует и никогда не будет существовать этот фактор!

— А я уверен, что его можно найти!

— Вы просто себе это внушили, — упрямо не соглашалась она. — Вы тут развлекаетесь...

— Развлекаемся? — перебил ее Пол, энергично вдавливая сигарету в пепельницу. — Да вы просто шутите! Я прервал самую важную в моей жизни исследовательскую программу, над которой трудился пять лет, согласившись работать здесь!

— Ну хорошо, оставим наш спор, — примирительно улыбнулась Мэри. — Лучше расскажите о вашей работе, это ведь связано с памятью, если не ошибаюсь?

— Да, это так, я вывел, по крайней мере мне так кажется, связь между памятью, полученной в результате опыта, и химической структурой протеинов, которые регистрируют этот опыт. Я даже могу синтезировать целый ряд последовательностей. Если потом путем инъекции эти протеины ввести в мозг, то исключается процесс узнавания, опыта, и вы получаете память о том, чего никогда до этого не переживали...

— Вы женаты?

— Женат. Двое детей. Девочка и мальчик.

— А ваша жена?

— Когда-то она хотела преподавать английский. Но дети и все такое, сами понимаете.

— Я, кстати, очень удивилась, когда узнала, что вы хороший планирист.

— Кто сказал вам об этом?

— Пит вчера за обедом.

— Мы с ним заключили договор, что, когда закончим эту работу, он научит меня серфингу, а я его летать.

— Вы интересуетесь серфингом? Вот здорово! О, я очень увлекаюсь им, и довольно давно. Прекрасный спорт!

— Тогда, может быть, вы меня поучите? Это куда интереснее, чем иметь Кохальского в качестве инструктора.

— А что скажет ваша жена? — Мэри, смеясь, погрозила ему пальцем.

— По крайней мере, не будет возражать, что я все деньги трачу на плавание.

Мэри смущенно опустила глаза под его пристальным взглядом.

— Пожалуй, пора идти, — сказала она, вставая и поправляя прическу. — Вернетесь в лабораторию?

— Едва ли. Пойду поиграю в настольный гольф. В голове бродит какая-то идея, которую никак не могу поймать, может, игра мне поможет, но сначала провожу вас.

— Не засиживайтесь долго. — Мэри мягко взяла его под руку. — А поскольку сейчас форт Детерик — самое безопасное место в Америке и никто на меня не нападет, я провожу себя домой сама. Спокойной ночи, Пол.

— Углеродный метод! — воскликнул Макэлрой. — Это же так просто, что я готов сам дать себе пощечу. Как я не догадался раньше! Если мы внесем в наши цереброиды необычно малое количество углерода-14, то настолько состарим их, что будет казаться, будто они начали свое межпланетное путешествие тысячу лет назад. Ведь это же и есть «фактор, не имеющий решения». Даже если комиссия и подумает вначале, что имеет дело с экспериментальным кораблем, русским или китайским, потерявшим управление, или что-либо в этом роде, как она объяснит тот факт, что корабль был запущен в десятом веке?

Бенедикт вынул из кармана своего ночного халата тубик с таблетками кофеина и положил одну в рот.

— Не скажу, что могу хорошо соображать в половине пятого утра да еще после того, как вы встали ко мне, но при чем здесь метод углеродного анализа? Мы ведь не занимаемся археологией.

— Как известно, — сказал Макэлрой, — Либби впервые применил этот метод для определения возраста органических останков.

Кохальский зевнул и повернулся к Бенедикту.

— Все живые существа имеют определенное количество углерода-14 в своей структуре, — заметил он, потирая глаза, — которое остается постоянным в течение всей жизни организма. Но когда организм умирает... — Или вступает в состояние заторможенной деятельности, — вставил Макэлрой.

— Новый углерод-14 не поступает, а уже имеющийся начинает убывать.

— Как атомные часы, — продолжил Макэлрой. — После пяти тысяч лет пятиясот шестидесяти восьми лет, например, плюс-минус тридцать лет, половина углерода-14 разложится и количество радиоактивных пульсаций будет составлять ровно половину того, что было бы в живом организме. Это-то и есть главное доказательство!

Нейдельман встал с места, раздвинул занавески на окнах и выключил электричество. Только он, Макэлрой и только что вошедшие Мэри Андерсон и Шарлотта Пакстон были полностью одеты.

— Я бы x-хотел спросить Пола, как он собирается уменьшить содержание углерода-14 в цереброидах? — сказал заикаясь Дарроу.

— Да просто включу необходимое количество в их питание.

— Но как именно?

— Теория не так уж сложна. Изотопы имеют различные энергии в нулевой точке, и мы можем отделить весь углерод-14 от остальных питательных компонентов. Если мы будем исходить из предпосылки, что возраст нашего экипажа тысяча пятьсот лет, то количество углерода-14, которое мы внесем, должно иметь активность меньше активности живой ткани на...

— На шестнадцать и семь десятых процента, — быстро подсказала Шарлотта Пакстон.

— Все удовлетворены? — улыбнулся Макэлрой.

— Что ж, прекрасно, — сказала Мэри Андерсон, но голос ее звучал неуверенно.

Она понимала возбуждение Пола и как ученый признавала то удовлетворение и удовольствие, которые приходят, когда удается разрешить трудную и неподдающуюся проблему. Но как, спрашивала она себя, он, умный человек, не видит, что «Последний козырь» является опасным, а главное, бессмысленным делом? И все остальные, такие прекрасные ученые, тоже захвачены этим бредовым предприятием. Нечего и думать, чтобы разубедить Пола. Если так, то надо попытаться разубедить самого Нейдельмана.

Когда все расходились, Мэри подошла к советнику президента.

— Доктор Нейдельман, не могли бы вы уделить мне пять минут?

Он согласно кивнул, ожидая следующего вопроса.

— Но мне хотелось бы поговорить с вами наедине, — добавила Мэри, видя, что Шарлотта Пакстон и Бенедикт тоже задержались, собираясь говорить с Нейдельманом.

— Это срочно?

— Я бы хотела сделать это как можно скорее.

— Ну что же, — вздохнул он устало, — тогда заходите ко мне в кабинет минут через пятнадцать.

...Мэри вошла в комфортабельно обставленную приемную Нейдельмана без нескольких минут девять. Нейдельман предпочитал обходиться без секретарши, считая более безопасным самому печатать бумаги, и поэтому визитеры ожидали, расположившись в уютных креслах, когда погаснет красная лампочка над дверью кабинета, чтобы пройти к нему.

Сейчас как раз горела красная лампочка, но дверь была слегка приоткрыта, и Мэри видела отражение Нейдельмана в открытом окне. Он говорил по телефону, стоя у окна и глядя на вишневые деревья, усыпанные созревающими ягодами.

Мэри вежливо покашляла, давая знать о себе, но Нейдельман, очевидно, не слышал. Она покашляла громче, но он был слишком поглощен разговором. Чувствуя себя неловко и не собираясь подслушивать, Мэри уже было повернулась, чтобы уйти и подождать в коридоре точно до девяти, как вдруг услышала, как Нейдельман резко и недовольно проговорил:

— Но, доктор Педлар, вы так и не ответили на мой вопрос! Повлияет ли это на то, что вы делаете, а не на то, что якобы делаете, как считают все остальные? Каковы ваши меры по усилению цитолитических качеств вируса? Как они умрут, так же важно, как и сколько их умрет, если «Последний козырь» будет применен.

Мэри замерла на месте. Значит, вирус должен был УБИВАТЬ, а убив, вызывая быстрое разложение клеток. Неужели именно этим они хотят начинить корабль? Ответ не заставил себя ждать.

— Меня это не интересует, доктор Педлар! Я повторяю: уничтожение во всем районе должно быть АБСОЛЮТНЫМ!

Потом она скажет Нейдельману, что у нее отпала необходимость говорить с ним. Мэри вышла в коридор и осторожно прикрыла за собой дверь.

Макэдрой подошел к квартире Мэри Андерсон на пятнадцать минут раньше условленного срока. Последнее время они очень сблизились, но еще ни разу не были друг у друга в гостях.

Из-за двери доносились звуки камерной музыки. Макэдрой нажал кнопку звонка. Он уже начал сомне-

ваться, слышала ли она звонок, как дверь открылась и на пороге появилась Мэри.

— Вы освободились раньше, чем думали? — спросила она.

— Да. Сегодня вечером Нейдельман вылетел в Вашингтон, чтобы доложить президенту о ходе работ.

— Но он же всегда ездил машиной?

— А вы разве не слышали? Вашингтон захвачен демонстрантами. По последним оценкам, их там набирается сейчас около трехсот тысяч. Мэри подошла к магнитофону.

...Пол закурил и вдруг заметил, что, пока они разговаривали, за окном почти стемнело. Они приготовили кофе и вместе отнесли его и коньяк на столик у дивана. Мэри включила телевизор и, скинув туфли, устроилась на ковре возле ног Пола, сидевшего на диване.

— Тем временем в центре Филадельфии, — раздался голос диктора, — продолжается серьезная перестрелка...

Мэри переключила канал.

— Бывший председатель объединенного комитета начальников штабов Джеймс Хиншо заявил, что в Соединенных Штатах происходит самая настоящая гражданская война. Выступая перед...

— Выключите, — попросил Пол.

— Я хочу узнать, что же сегодня происходило в Вашингтоне, — ответила Мэри, поворачивая ручку.

На экране телевизора появилось изображение сотен молодых людей, укрывающихся от проливного дождя под большими лозунгами и плакатными щитами. На одном можно было различить слова: «Народное правительство делает то, что говорит».

— Сегодня, — раздался голос диктора, — приблизительно триста тысяч демонстрантов вынуждены были искать убежища от проливного дождя, разразившегося над Вашингтоном. События, грозившие превратиться в серьезную вспышку беспорядков, были приостановлены стихией. Рано утром самолеты, взлетевшие с военной авиабазы Эндрюс, рассеяли над облаками, собравшимися над столицей, кристаллы йодистого серебра. Метеорологическая война, впервые примененная во Вьетнаме, чтобы затруднить передвижение противника, оказалась эффективной и...

— Вы действительно верите, что наша работа здесь повлияет на происходящее там? — Мэри кивнула на телевизор. — Здесь, в Детерике, все кажется таким нереальным. Как будто мы находимся в центре урагана, где всегда так спокойно и тихо. Мне кажется, что, какой бы невероятной ни казалась идея «Последнего козыря», если нам удастся бросить его в этот страшный вихрь, окружающий нас, он будет подхвачен этим вихрем и разнесен на мелкие кусочки вместе с нами.

— Вы так говорите, словно хотите отмены проекта, — сказал Макэдрой.

— Я этого очень хочу, — задумчиво и тихо произнесла она.

— А мне «Последний козырь» напоминает удар в челюсть тонущему человеку. Если этот удар успокоит и позволит спасателю вытащить терпящего бедствие...

Мэри пожалала плечами, но ничего не сказала.

— Вы предупредите меня, когда придет время уходить? — спросил Пол.

— Еще не пора.

Пол наклонился к ней и осторожно поцеловал.

— Я все ждала, когда же наконец ты догадаешься сделать это, — прошептала Мэри и, обхватив его за шею, вновь подставила свои губы для поцелуя.

В семь тридцать вечера десятого августа Нейдельман возвратился в Детерик после трехдневного пребывания в Вашингтоне.

Остановившись на минуту у административного блока, где Нейдельман взял почту, гранки своей новой книги и пачку отчетов о проделанной работе, Барринджер отвез его к жилому блоку. Нейдельман вышел из машины и, оставив Барринджера доставать чемодан, поспешил в квартиру. Достав из «атташе-кейса» отчеты научных групп, Нейдельман принялся за чтение. Первым ему попался отчет Педлара. Взяв со стола шариковую ручку, Нейдельман написал на полях: «Хорошо, но частицы аэрозоля не должны быть очень мелкими. Надо, чтобы они поразили людей как на улице, так и в высоких домах». Поставив штамп «По прочтении сжечь», он подписал отчет и взялся за другой. Наконец очередь дошла и до отчета Макэдроя. Цереброиды, достигшие уже четырех месяцев, развивались нормально, все параметры и коэффициенты выдерживались точно. Поставив штамп и написав: «Отлично», Нейдельман отбросил его в общую пачку.

Следующим шел отчет группы Бенедикта. К первой странице была пришпилена карточка: «Доктор Филип Бенедикт имеет удовольствие пригласить доктора Ричарда Нейдельмана на демонстрацию изобретения, которая будет иметь место в испытательном ангаре в 9.30 11 августа. Форма одежды обычная. С уважением, Бенедикт».

— Вот пижон, — пробормотал Нейдельман.

Бенедикт подождал, пока присутствующие займут свои места в конце испытательного ангара, напоминавшего крытый стадион. К 9.30 собралось все, за исключением Каванага, дежурившего у цереброидов. Дождя-

шись тишины, Бенедикт начал размеренным голосом:

— Летательный аппарат, который вы сейчас увидите, представляет собой модель в половину натуральной величины. Экипаж, естественно, тоже модели. Мы стремились создать, и нам кажется, не без успеха, логически организованный, предназначенный для выполнения определенной задачи аппарат, построенный ВОКРУГ цереброидов. Мы придали им вид привычных космических путешественников. Мы решили создать тип, который бы годился для выполнения разведывательной задачи, полностью объединенный с кораблем и действующий как обрабатывающий информацию и принимающий решения организм.

Из глубины ангара появился грузовик-платформа, за рулем которого сидел Вейнер, и, проехав медленно через все помещение, остановился в трех метрах от собравшихся. На платформе находился корабль.

Его центральная часть представляла собой сферу приблизительно полутора метров в диаметре, с поверхностью, состоящей из сотен блестящих треугольников и поэтому сверкавшей словно бриллиант под светом ярких ламп. Три стойки, каждая толщиной в человеческую руку, соединяли экватор сферы с гладким круглым кольцом диаметром в три метра и высотой около метра. Вейнер вылез из кабины и с помощью Дарроу и Конрада снял корабль с платформы.

— Аппарат уже запрограммирован, и мне только остается запустить его, — сказал Бенедикт, подходя к пульту управления.

Он зашелкал переключателями на панели, и немедленно модель окуталась небольшим облаком дыма. С громким гулом, напоминавшим шум небольшой ракеты, корабль поднялся на высоту около трех метров и повис в воздухе. При помощи небольших реактивных двигателей сопло изменило положение и стало под углом к земле. Модель полетела вдоль ангара. Подлетев к стене, она остановилась, развернулась, двинулась в обратном направлении и снова остановилась у стены в нескольких метрах над землей.

— А теперь перейдем к защитным маневрам, — сказал Бенедикт.

Дарроу и Вейнер, одетые теперь в огнеупорные костюмы, начали медленно приближаться к кораблю.

— Мы установили ультразвуковой сканнер, — продолжал свои пояснения Бенедикт, — связанный с двигателями, которые включаются, как только кто-нибудь приблизится на расстояние одного метра. Конечно, корабль, который будет найден в Лос-Анджелесе, не нуждается в подобных защитных мерах, но это придаст ему больше правдоподобия.

Дарроу поднял ногу, чтобы сде-

лать следующий шаг, но в этот момент аппарат, выбросив язык пламени, отлетел на несколько метров в сторону. Несколько раз Дарроу и Вейнер приближались, и каждый раз модель как бы отскакивала от них. Наконец она оказалась в дальнем углу ангара, и все присутствовавшие вытянули шею, чтобы увидеть, что произойдет. Дарроу сделал последний шаг к кораблю, которому уже некуда было отступать, и модель с грохотом подпрыгнула вверх к потолку. Одновременно откуда-то из-под днища вылетела небольшая металлическая канистра, и наблюдавшие почувствовали запах лавандовой туалетной воды.

— Для освежения атмосферы, — засмеялся Бенедикт. — Это наш сюрприз. Мы одновременно показали вам и вирусораспыляющее устройство.

Тем временем корабль, облетев еще раз ангар, приземлился точно в том месте, откуда взлетел.

— А теперь можете подойти и рассмотреть все вблизи. — Бенедикт щелкнул выключателем, и верхняя половина сферы раскрылась на три лепестка, открыв внутренность корабля. — Настоящий корабль будет несколько отличаться от модели. Мы, в частности, заменим этот двигатель на плазменный. В основном же внутреннее расположение будет точно таким. Прозрачные сферы, в которых в настоящий момент находятся модели цереброидов, будут изготовлены из того же материала, что и сам корабль, а все провода заменены на изготовленные из нового, сверхпроводящего сплава, над которым мы сейчас работаем. Могу сказать, что провода эти будут состоять из органического вещества. Электроды будут вживлены в каждый из цереброидов и подсоединены к чувствительной аппаратуре на кольце и к компьютеру. Цереброиды так же будут подсоединены друг к другу. Получается, что они работают вместе в тройной системе, интерпретируя данные и передавая простейшие команды на компьютер.

Макэлой задал вопрос относительно жидкости, в которой должен был находиться каждый цереброид внутри сферической камеры.

— Жидкость будет под давлением, а как известно, лучшая форма для распределения сил в сосуде под давлением — сфера. Эту же форму мы приняли за исходную и для всей конструкции. Но что мне самому нравится больше всего, так это идея, предусматривающая возможность пересадки цереброидов в другой корабль, если, к примеру, данный устаревает.

Затем слово взял Ли Конрад, эксперт по космической медицине, который пояснил, как трансдукторы, встроенные в кольцо, заменяют человеческую сенсорную систему.

— Мы создали три запасные системы и диагностическую логическую цепь, которая обнаруживает неисправность и тут же называет и вызывает запасную часть. Своего рода электронная хирургия.

Нейдельман выразил сомнение по поводу того, что при такой степени надежности трудно будет предположить, что причина аварии кроется в неисправности электроники.

— Дарроу подумал и об этом, — Бенедикт, улыбаясь, кивнул в сторону молодого человека. — Мы оставим свидетельства электромагнитной неисправности, не зависящей от упомянутых Ли систем.

— Ну что ж, — заключил Нейдельман, — нам остается только одно: чтобы наша подделка была абсолютной. Но даже если все удастся так, как задумано, я не могу быть совершенно спокойным. Слишком уж остры те рога, за которые мы собираемся водить быка.

Сразу же после демонстрации действующей модели полковник Лоуренс с тремя помощниками выехал в Лос-Анджелес.

Эд Стиллман внешне походил на голливудский стереотип — максимум действия, минимум мозгов и весьма грубая речь. На деле же этот бывший сержант нью-йоркской спасательной службы был не только всесторонне подготовлен, но и обладал незаурядным умом.

Сэм Олсен, бывший сотрудник ЦРУ, являлся экспертом по секретным операциям. Высокий, костлявый, невозмутимый, он одинаково спокойно мог переносить боль сам и причинять ее другому.

Джерри Пейн был негром и, как Стиллман, в течение десяти лет служил полицейским, пока не перешел в частное охранное бюро.

Прибыв в Лос-Анджелес, Стиллман, Олсен и Пейн начали вести переговоры о приобретении обанкротившейся строительной компании, а Лоуренс позвонил доктору Ральфу Шелдону, проживавшему в отеле «Статлер Хилтон». Несмотря на то, что они никогда не видели друг друга, разговор между ними носил весьма дружеский характер.

— Ральф, это я, Тед Херш, — начал Лоуренс. — Думаю, что мы нашли как раз такой дом, который тебе нужен. Это на Доти-авеню, 1400, и хозяева просят даже меньше, чем ты собирался заплатить. Может быть, встретимся завтра? Если тебе понравится, я бы сразу же начал соображать насчет перделки.

Лоуренс сообщил адрес агента по торговле недвижимостью, и они условились встретиться у дома после обеда на следующий день.

Через сорок восемь часов, 14 августа, Шелдон внес деньги за дом, а

Лоуренс отправился обратно в Детерик с данными, необходимыми для осуществления следующей фазы операции.

Лоуренс был когда-то оперативником в специальных войсках и являлся соавтором наставления по взрывному делу. Взорвать мост при помощи серии зарядов, которые бы сработали по очереди с задержкой в сотую секунды, было детской игрой по сравнению с тем, что ему предстояло сделать. Цель-то в общем была та же самая — взрыв. Но перед этим предстояло сделать вид, что космический корабль пробил крышу, дом и оказался в подвале, а уж потом взорвался. Нужно все сделать как в кино, пущенном наоборот, и тут полковнику приходилось продемонстрировать и выдумку, и способность проявить скрупулезность до последней мелочи.

Через десять дней после возвращения в Детерик они с Бенедиктом начали проводить серию имитаций аварии на уменьшенных моделях дома и корабля. При помощи скоростной киносъемки в шестьдесят тысяч кадров в секунду им удалось установить разрушения, которые падающий на дом корабль должен произвести до своего взрыва. Потом провели миниатюрные взрывы моделей в одном доме. В результате этих опытов Лоуренс установил, например, что черепица, провалившаяся вместе с кораблем в подвал, должна быть вбита в землю в результате взрыва. Значит, ее следовало заранее поместить под днищем. А вот органические провода разбрасывались взрывом как попало, и о их месте не следовало беспокоиться.

Необходимо было также разработать способ доставки корабля из Детерика в Лос-Анджелес. Оказалось, что потребуется сделать две поездки, так как корабль придется разобрать, а потом собрать на месте. На это, как показала тренировка на модели, потребуется десять дней. Цереброиды же без сложной питающей аппаратуры в лаборатории Макэлроя столько просуществовать не могли, их необходимо было доставить перед самым взрывом.

Лоуренс установил три возможных пути доставки груза в Лос-Анджелес: военным самолетом, грузовиком — под видом несуществующей транспортной компании — или воспользовавшись услугами настоящего транспортного агентства. Первый способ он отверг сразу: потребовалось бы разрешение официальных военных организаций, а это вызвало бы расклевывание груза.

Второй способ при тщательном рассмотрении также не гарантировал полной безопасности. Наиболее подходящий маршрут по магистральному шоссе № 66 и по автостраде № 70 проходил через индейские резерва-

ции, которые считались опасной зоной. Если же ехать в объезд, то это означало подвергнуться проверке и обыску патрулей на границах штатов, борющихся с контрабандой оружия.

Последняя возможность доставить груз скрытно, воспользовавшись официальной фирмой, была наиболее подходящей. Полиция в аэропортах пропускала запечатанные контейнеры известных транспортных фирм без досмотра. Таким образом риск сводился до минимума, все зависело от тщательного планирования.

Был уже восьмой час вечера, когда, слегка запыхавшись, Макэлрой позвонил в дверь квартиры Мэри.

— Кто там? — спросила она. Ее голос звучал непривычно громко, и он пожалел, что не позвонил по телефону, чтобы предупредить о своем приходе.

— Пол, — отозвался он.

— Входи. Открыто.

Он тихо закрыл дверь за собой и огляделся.

Мэри стояла у окна, повернувшись спиной к нему. Услышав, что он вошел, она, не поворачиваясь, спросила ровным голосом:

— Ты можешь дать мне сигарету?

Пол зажег сигарету и подал ей. Глубоко затянувшись и выпустив дым, она спросила:

— Ты догадался?

Пол почувствовал неожиданно острое отчаяние. Вся надежда на то, что она случайно вызвала смерть цереброидов, улетучилась.

— Догадался.

— И что же теперь будет? — спросила Мэри словно из простого любопытства.

— Не знаю.

— Остальные в курсе?

— Еще нет. Зачем ты сделала это?

Она обернулась, неуклюже держа сигарету перед собой.

— Потому что знаю правду.

Он ждал, что она будет продолжать, но Мэри, казалось, была очень занята тем, что тушила сигарету в пепельнице. Сейчас он впервые заметил, каким станет ее лицо, когда она постареет: впадут щеки под высокими скулами, появятся морщины в углах большого рта и между бровями.

Резкий порыв ветра, бросивший в окно охапку пожелтевших листьев, отвлек Пола от его мыслей.

— Правду? Какую? — Он нахмурился.

Мэри подняла лицо и пристально посмотрела на него.

— О том, что существует план убить десять тысяч человек в Лос-Анджелесе!

— Да о чем ты? Приди в себя!

Мэри с облегчением вздохнула, убежденная наконец, что он ничего не знал, и начала говорить быстро и

горячо, пытаясь заполучить в нем союзника.

— Ты помнишь то утро, Пол, когда ты всех нас разбудил, чтобы изложить свою идею с углеродом-14? Я потом пошла к Нейдельману и хотела уговорить его отказаться от «Последнего козыря». — Мэри усмехнулась абсурдности этой мысли. — Я пришла немного раньше назначенного времени и слышала, как он говорил по телефону с Майком Педларом. Они говорили об увеличении цитотического эффекта вируса, и Нейдельман сказал: «Как они умрут, так же важно, как и сколько их умрет!»

— Ну и что? — Макэлрой еще ничего не понимал.

— Разве ты не понимаешь, Пол? Они не просто хотят временно парализовать десять тысяч человек, а убить их!

— Но послушай, — начал Макэлрой осторожно. — На инструктаже Нейдельман признал, что эта операция может вызвать некоторые жертвы, правильно? Даже если кто-нибудь и умрет, то будет произведено вскрытие и все такое. Мне кажется, что Нейдельман и сейчас беспокоится по поводу того, какой эффект окажет вирус на те клетки, которые поразит. Он хочет, чтобы у вируса не было каких-нибудь цитопатических эффектов, которые позволят определить его при помощи обычных средств.

— Но он же сказал «цитотический», а не «цитопатический»!

— Прошло пять месяцев, разве можно с уверенностью утверждать? Цитотический, цитопатический, — звучит-то почти одинаково. Если наступает смерть, не все ли равно, разлагаются ли клетки полностью, или у них просто изменится морфология? Поскольку причина смерти скрыта...

— Хорошо, хорошо, — прервала его Мэри. — Но если он не говорил о людях, когда сказал, что «уничтожение во всем районе должно быть абсолютным», то тогда о ком же?

— О вирусе. Вирусологи ведь говорят об уничтожении их организмов, и Нейдельман подчеркивал, что аэрозольный туман должен быть безвредным через три часа после взаимодействия с воздухом.

— Ты ошибаешься, Пол! Как ты ошибаешься! — воскликнула она.

Пол устало вздохнул. Он знал, что, если хочет скрыть улики саботажа Мэри и спасти восемь оставшихся цереброидов, ему нужно спешить.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы прийти в лабораторию? Думаю, нам прежде всего нужно сократить количество кислотности...

— Извини, я не понимаю...

— Я о цереброидах. Полагаю, что ты не всем давала витамин B-1, а только тем, которые погибли во время...

— А разве они не все погибли?

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Нет. Только два самых старших. Ты забыла, что усиленная стимуляция роста приведет к уменьшению вредных воздействий нехватки B-1.

Полу показалось, что Мэри сейчас упадет в обморок. Поддерживая ее под руки, он подвел молодую женщину к постели и осторожно усадил. Вернувшись из кухни со стаканом воды, он нашел ее в том же состоянии, бледной и неподвижной.

— Ну хорошо, дорогая, все будет в порядке. Я скажу всем, что у тебя мигрень. — Он взглянул на часы. — Но мне надо идти немедленно, это наш единственный шанс!

В течение трех часов Мэри Андерсон лежала в постели, не двигаясь, охваченная чувством бесцельности и ненужности, вины и укора. Для того чтобы выступить против «Последнего козыря», она как агент-двойник должна была работать на него. Но попытка сорвать проект не избавила ее от ощущения вины в том, что она помогала создавать его. Парадоксально, но желание Пола работать для «Последнего козыря» она восприняла не как разочарование в нем, а как разочарование в себе. Не она ли сама виновата, что совершила преступление, полюбив того, кто был недостоин ее любви? И не усугубила ли она это преступление тем, что пыталась скрыть от себя этот акт самопредательства? Ей казалось, что она заблудилась в безграничном и бесконечном тумане.

Пол позвонил ей без десяти один-

надцать и еще через час. Оба раза она отвечала ему, что хочет остаться одна, что уже чувствует себя лучше и ей ничего не надо.

К полудню депрессия несколько отступила, и она смогла действовать. Одевшись, она подождала, пока все не отправится на обед, и пошла в лабораторию. Ей не пришлось долго искать то, что было нужно.

— Убить десять тысяч человек?! — орал Нейдельман на Честертона. — Конечно, это ложь! Эта глупая баба все поняла наоборот! — Он зло повернулся к Нейперу. — Может быть, теперь вы объясните, почему мне не доложили об этом раньше?

Нейпер сидел боком на краю письменного стола без пиджака, и на рубашке были заметны темные полосы от ремней подмышечной кобуры. Он не ответил Нейдельману до тех пор, пока не раскурил сигарету.

— Решение прослушивать квартиры Андерсон и Макэлроя, — устало сказал он, — было принято сразу после того, как мы заметили, что эта пара стала кидаться друг к другу, словно у них для этого не будет завтрашнего дня. Я сразу почувствовал, что у кого-либо из них появятся какие-нибудь комплексы. Зря, что ли, я проторчал двадцать пять лет в ФБР?

Нейдельман снял очки, чтобы вытереть капельки пота, собравшиеся на внутренней стороне стекла, и, не обращая больше внимания на Нейпера, повернулся к Честертону:

— Да не сидите же вы без толку! Что вы предлагаете как психолог?

— Я бы мог поговорить с ней, — ответил тот неуверенно, взглянув на Нейпера.

— Поговорите, поговорите, — иронически отозвался Нейпер, застегивая пиджак. — Ее придется отстранить. А что касается Макэлроя, то, я считаю, и его нужно убирать.

— Во всей этой истории, — сказал Честертон, — больше всего меня беспокоит, что она отрицательно скажется на настроении участников проекта. Отправлять на психолечение одного из ученых...

— Чепуха! Какое там лечение, их следует убрать совсем! — разозлился Нейпер.

— Ничего подобного не произойдет! — взорвался Нейдельман, стукнув кулаком по столу. — Макэлрой необходим!

Нейпер пожал плечами, как будто для него было все равно, будет жить Макэлрой или умрет.

— Ладно, — согласился он. — Тогда займемся дочкой.

— Вы лично, — обратился Нейдельман к Честертону, — отвечаете за Мэри Андерсон. Завтра вы ее осмотрите и поставите диагноз, какой хотите: нервное истощение из-за интенсивной работы хотя бы, но исключите ее из проекта. Как мы потом поступим с ней, увидим, когда все закончится. Но до тех пор она должна оставаться здесь, и ни один волос с ее головы не должен упасть!

Мэри вернулась домой в половине второго и заперла за собой дверь. Она двигалась медленно, но уверенно, ее сознание было сконцентрировано на тех действиях, которые, как ей казалось, спасут ее от того, что она вечно будет барахтаться под обломками своей распадающейся личности.

Войдя в кухню, Мэри достала из сумочки коробку с двадцатью пятью таблетками нембутала, шприц, иглу и капсулу с инсулином. Она надела иглу на шприц, проколола резиновую пробку капсулы и наполнила инсулином шприц. Отложив его в сторону, она высыпала все таблетки нембутала в стакан с водой, подождала, пока они растворятся, и выпила его. Потом взяла шприц и, вонзив иглу в левую руку чуть пониже локтя, нажала на поршень. Она выдернула иглу и вдруг почувствовала огромное облегчение. Шприц и капсулу из-под инсулина она бросила в аппарат для уничтожения мусора и на минуту включила его, а пузырек от нембутала смахнула в мусорное ведро. Глубоко вздохнув, Мэри направилась в спальню, но не успела сделать и нескольких шагов, как пол, вдруг поднявшись, ударил ее в лицо.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского О. КАСИМОВА

ДЛИННЫЙ МАРШ

Стадион Рэд Рокс в городе Галлап в штате Нью-Мексико довольно вместительный — на двадцать тысяч зрителей. Такое количество людей собирается там всего несколько раз в год, но подсказывают в цене билеты только в конце лета, когда племя навахо — бывший владелец окрестных земель — устраивает свой ежегодный праздник Великого Духа.

На темную арену въезжает на неоседланном коне старый воин. Он медленно объезжает вокруг стадиона, пускает коня вскачь, все быстрее и быстрее — на одном из кругов вспыхивают прожекторы. Старец осаживает коня и начинает длинную древнюю песню «Заклинение Великого Духа». Громкоговорители разносят песню далеко за пределы стадиона, а зрители следят за содержанием по рекламным буклетам праздника. Их выдают каждому посетителю вместе с билетом.

В программу входят еще состязания в меткости: стрельба из лука и из допотопных ружей, театрализованная схватка индейцев и очень многое другое индейское... Года два назад в газетах (негаллапских, впрочем) появилось сообщение, что среди участников индейцев нет; это циркачи-профессионалы, которых нанимают устроители.

Устроители на этот выпад реагировать не стали, но поместили в газетах снимок: старичок индеец, исполнитель заклинания, едет со своим конем в машине для перевозки крупного рогатого скота со стадиона Рэд Рокс, возвращаясь к себе в резервацию. Дряхлый воин довольно и устало улыбается, в руках у него бутылка виски, а в волосах перо. Собирая объективность, организаторы празднеств признали, что среди выступающих есть определенный процент индейцев, но уточнять этот процент не стали. Что греха таить — не так уж много найдется теперь навахо, способных выступить на уровне современных требований к древности...

В то же самое время, когда лжеиндейцы на стадионе Рэд Рокс, завывая хорошо поставленными голосами, горячат мустангов, в ста милях к северу от стадиона возвращаются с вечерней смены шахтеры. Все они принадлежат к племени навахо, и в их подлинности сомневаться не приходится: стоит лишь заглянуть в расчетные книжки. Поскольку в профсоюз их не принимают, то и зарплата у них весьма невысока. Профсоюз принимает только людей, выполняющих все обязанности гражданина

Соединенных Штатов и налогоплательщика, а живущие в резервациях индейцы к таким отнесены быть не могут.

Навахо работают в «Юта Интернэшнл», дочерней компании крупнейшей монополии «Дженерал электрик». Земля, в которую врылись шахты, принадлежит племени, и компания платит совету старейшин по пятнадцать центов за каждую тонну угля. Когда-то эта сумма была относительно приличной, но с тех пор цена на уголь на мировых рынках достигла двадцати долларов за тонну. Неполный процент, отсчитываемый индейцам, стал выглядеть смехотворным.

Уголь отправляется на Фор Корнерз, одну из крупнейших теплоэлектростанций в стране. И одну из самых грязных.

Когда первые спутники только начинали делать фотоснимки из космоса, Фор Корнерз можно было заметить сразу — такой мощный серый хвост тянулся из ее труб. Днем и ночью падает на землю резервации навахо серый пепел, и все серее и серее становится трава. Дышать в резервации, где живут сто пятьдесят тысяч индейцев, тяжело, у большинства людей слезятся глаза. Но попробуйте собрать здесь подписи под петицией, требующей закрыть электростанцию! Сочувствующий индейцам белый студент из Нью-Йорка Дэниэл Плискин, попытавшийся это сделать, еле ноги унес. Он все стремился объяснить навахо необходимость бороться за охрану окружающей среды, и они его слушали со вниманием. Но стоило ему заикнуться об электростанции Фор Корнерз, как настроение слушателей резко изменилось. Прав был, конечно, Плискин, но и навахо понять можно: на компанию работает пятьсот индейцев, большинство из их племени. И если белые могли бы попытаться найти себе работу в других местах, то индейцам просто некуда деваться. «Юта Интернэшнл» дает работу рядом с домом.

Ток, вырабатываемый на станции, идет в далекие города — Финикс в штате Аризона, в Лос-Анджелес. На резервацию тока не хватает, и в индейских хибарах коптят керосиновые лампы.

Кажется, все, что происходит с индейцами навахо в их взаимоотношениях с компанией «Юта Интернэшнл», взято из хрестоматии как наглядный пример положения краснокожих американцев. Как и положено в хрестоматийном примере, здесь или черное,

или белое. Тем не менее все описанное выше совершенно реально.

Примерно так же реально, как и то, что индейцев в Соединенных Штатах осталось восемьсот пятьдесят тысяч — это меньше половины процента населения, — а принадлежит индейским племенам почти половина залежей урана и треть залежей лучшего угля на Западе Штатов. Как и то, что на территории индейских резерваций есть и нефть и газ. Как и то, что индейцам все эти дары природы не принесли ни малейшего достатка.

Дело в том, что все договоры, позволяющие добывать полезные ископаемые, подписаны лет двадцать пять — тридцать тому назад, когда и цены были не те, и индейцы во всей этой механике почти не разбирались.

В 1976 году радиоактивная вода — несколько миллионов гектолитров — из урановой шахты компании «Юнайтед Нюклеар» вылилась в реку Пуэрко и просочилась в подземные источники в индейской резервации. Система очистки работала из рук вон плохо, и менять ее следовало давно, но у компании все как-то руки не доходили. Катастрофу можно было сравнить разве что с аварией ядерного реактора. Старейшины пытались протестовать, но компания пригрозила, что закроет шахту. Правда, при этом дирекция обещала, что почву в резервации исследуют и убытки возместят.

Кнут и пряник были применены в неравной пропорции: почти все мужчины из близлежащей резервации работают именно на этой шахте, так что безработным оказалось бы почти все племя. Почву компания исследует и по сей день.

Эта история так бы и кончилась, не кончившись никак, если бы среди здешних индейцев не появился Девитт Диллон из племени кроу.

...Ему было восемь лет, когда произошел случай, оказавший влияние на всю его последующую жизнь. Было это во время войны. Девитт жил в резервации неподалеку от городка Хардин в штате Монтана. Вместе с женщинами и стариками своего племени он помогал белому фермеру убирать урожай. Рабочих рук не хватало, и фермер — звали его Уилл Сеппанен — охотно предоставил работу индейцам. Тем более что кроу считались — даже по мнению белых — людьми трудолюбивыми и надежными. Кроме индейцев, на ферме работали какие-то белые ино-

странцы. Девитт ни слова не понимал, что они говорят. И хотя сам он тогда по-английски разбирал с пятого на десятое, мог, однако, сообразить, что это не тот язык, на котором говорят мистер и миссис Сеппанен и шериф Янгхазбенд, заезжавший иногда на ферму. Кто-то ему объяснил, что белые эти — немцы-военнопленные из близлежащего лагеря. Девитт, помнит, удивился еще, что немцы так похожи на обыкновенных белых. Он знал, что они враги Штатов, и, когда один из них хотел подарить мальчику алюминиевое колечко, юный индеец отвернулся.

Работа шла споро, и мистер Сеппанен, умевший ценить хорошую работу, пригласил своих добровольных и недобровольных помощников отметить окончание жатвы в местном ресторане.

Немцев привел конвоир, пересчитал, и они спокойно прошли в зал. А затем вышел хозяин заведения и, поманив к себе фермера, без лишних слов показал ему на табличку у входа: «Индийцам и собакам вход воспрещен».

Индийцы молча вернулись в склад на вокзале — там они жили. К ве-

черу смущенный и пьяный Сеппанен привез им кучу еды и питья из ресторана, но, помнит Девитт, один старик запретил брать хоть что-нибудь. Утром индейцы ушли к себе в резервацию.

Тогда-то маленький Диллон поклялся выучиться в школе всему, что знают белые, и начать бороться за права своего народа. Став взрослым, он понял отчетливо, что его народ не только кроу, но и все краснокожие американцы.

В племени кроу Девитт Диллон занимается хозяйственными вопросами (по образованию он экономист). Он регулярно следит за прессой, отмечая все, что касается прав индейцев на полезные ископаемые. О радиоактивном заражении земли индейцев пуэбло-лагуна он узнал из заштатной газетенки, уделившей событию абзац.

Через три дня Девитт Диллон был на месте происшествия. Неделя ушла на уговоры старейшин — очень уж они боялись закрытия шахты, потом был вызван известный индеец-адвокат Томас Две Стрелы, и племя подало в суд. Суд нескорый, приговор которого вряд ли будет таким, каким хотят его видеть индейцы, но,

главное, он должен привлечь внимание общественности к положению индейцев.

Опыт в таких делах Девитт Диллон приобрел в родном племени, когда на территории кроу обнаружили гигантские залежи угля. Угольный пояс тянется к востоку от Скалистых гор с севера на юг, начинаясь в резервации кроу и кончаясь в земле чейенов. Уголь оказался первосортным — с минимальным содержанием серы — и залегает так близко к поверхности, что стоимость добычи получается раз в десять ниже, чем в Европе.

В конце шестидесятых годов угольная компания «Истерн Коул» выразила желание заключить с племенами кроу и чейенов договор. Это само по себе было удивительно, потому, что до тех пор обходились без затяжных процедур.

Кроу заключили договор, по которому компания получила право копать уголь до тех пор, пока он есть в недрах резервации. Индейцам была установлена плата в семнадцать с половиной центов за тонну. Заключив договор, «Истерн Коул» работ не начала: ей важно было застолбить участки, а уголь мог и подождать до лучших конъюнктурных времен.

И времена не заставили себя ждать: 1973 год, первый энергетический кризис, резкое повышение цен на нефть. Уголь стал вдруг очень нужен.

Когда в 1974 году в резервацию прибыли первые угледобывающие машины, кроу гораздо лучше разбирались в событиях большого мира, чем десять лет назад. В прошлом веке их силой согнали с военной тропы, теперь они вступали на тропу судебную. Конечно же, у белых и тут сила была неизмеримо большей! Зато у индейцев было преимущество — неожиданность. Что ни говорите, а голливудские краснокожие (а именно по вестернам сформировано представление об индейцах у среднего американца) не носились по прериям с адвокатским портфелем.

Кроу посоветовались с экспертами и пришли к выводу, что договор с компанией «Истерн Коул» подлежит пересмотру. В том же 1974 году вожди племени кроу подали на компанию в суд.

Дело стало сенсацией: первое из индейских племен потребовало пересмотра несправедливого договора, решило получить назад хоть часть своих богатств. Забегая вперед, ска-

жем, что от суда индейцы-кроу пока ничего не добились, и процесс не кончен. Но Диллон — а он и был инициатором — доволен: процесс привлек внимание общественности. Люди, для которых само понятие «индеец» было связано с воспоминаниями подросткового возраста и уж никак ни с чем-нибудь серьезным, вдруг начали уяснять, что индейский народ существует, что у него важные проблемы. И что положение его отчаянное.

Так пришла очередь дел о воде. Три четверти индейцев США живут в засушливых районах юго-запада страны — пустынях и полупустынях. Земля там без обильной влаги родить не способна.

Самый большой успех «водной войны» — решение суда, по которому пять небольших племен нижнего течения реки Колорадо получили право на половину ее воды. Правда, воспользоваться племенам удастся дай бог десятой частью того, что им причитается, — сложное гидротехническое строительство им не под силу: не хватает капиталов, специалистов и многого другого.

Процессы следуют один за другим: бой за права индейцев северо-запада

на рыбную ловлю в Великих Озерах был самым громким из них. Восемилетним мальчиком поклялся Девитт Диллон выучиться в школе всему, что знают белые. Тогда ему казалось, что это «все» — арифметика, английский язык, чистописание и бейсбол. Теперь, когда взгляды его расширились, он убежден, что индейцам уже хватает этнографов, фольклористов и мастеров народного искусства. Пришло время инженеров, экономистов, юристов и бизнесменов.

Если учесть, что из трех индейских детей кончат начальную школу всего один, да и этот окончивший редко когда продолжает образование, мечты Девитта Диллона выглядят утопией. Но... Кто бы мог подумать, что за последние полтора десятка лет трижды выйдут индейцы из резерваций? В 1969 году, когда они заняли тюрьму Алькатрас в заливе Сан-Франциско. В 1973-м — захват поселка Вундед-Ни. «Длинный марш» в 1978 году, когда за сто пятьдесят один день тысяча индейцев из разных племен прошла четыре с половиной тысячи километров и поставила вигвамы перед Белым домом.

Индейский марш еще только начался...

ЗМЕИ НА ПОТОКЕ

Этот молодой человек, спрятавшийся от солнца под зонтиком, одновременно владелец, директор и главный конструктор целого авиационного завода. Правда, он же и его единственный рабочий. Дело в том, что расположен этот «завод» на знаменитом бразильском пляже Копакабана, чуть в стороне от пестрой толпы купающихся и загорающих.

Нелегко одному владеть столь сложным производством. Надо разработать конструкцию самолета, то бишь воздушного змея; кстати, ее следует довольно часто менять — потребитель любит разнообразие. Еще требуется раздобыть сырье: яркую, легкую и прочную материю, деревянные рейки, крепкие шелковые нитки...

Ловкие руки мастера разрезают материю, натягивают и закрепляют ее на остовах. Затем наносится рисунок. Еще несколько операций — и воздушный змей готов. За день с конвейера сходит более десятка «самолетов». Что касается проблемы сбыта готовой продукции, то ее просто не существует: отдыхающие с радостью раскупают змеев. Плата невелика, а удовольствия много. И взлетают в небо яркие птицы...

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ГОНДОЛЫ

Не правда ли, похоже на часть музыкального инструмента — например, скрипки? Есть и завиток и колковая коробка, вот колков, правда, не видно. И понятно почему: это не инструмент, а нос венецианской гондолы. В наши дни гондол в Венеции намного меньше, чем в былые времена, но мастера по-прежнему отделяют каждую лодку с великой тщательностью. А в том, что гондолы похожи на музыкальные инструменты, ничего странного нет. Какая гондола без гондольера, и какой гондольер без песен? Как встарь, раздаются над каналами звучные сентиментальные мелодии — то гондольеры катают пассажиров, правя своими лодками-скрипками...

ПРОСТОЙ ВОДЯНОЙ КЛОП...

В Мексике и на юго-западе США их называют пальцедами. В странах Юго-Восточной Азии их отваривают в бульоне, сушат и продают как хрустящий деликатес. Еще их ценят за острый пикантный запах и потому добавляют в пищу в качестве приправы.

Для энтомологов, объединивших три разновидности водяных клопов, обитающих в Старом Свете, и две — в Новом, в семейство белостоматид, они интересны своими родительскими особенностями.

Еще в начале прошлого века естествоиспытатели были уверены, что у водяных клопов выращиванием потомства, «как у всех», занимается самка. И потому отмеченные при наблюдении энергичные телодвижения самцов, чьи спинки были плотно загружены кладкой свежеснесенных яиц, почитали за попытку освободиться от случайного груза. Лишь многолетние наблюдения позволили подтвердить, что в природе нет случайностей, когда дело касается продолжения рода. Действительно, самец-белостома (не путать с жуками-плавунцами, они из семейства дитискусы) не всегда без сопротивления, но принимает на свою спинку груз кладки, да еще и не от одной самки!

Холостый водяной клоп обладает крыльями, он не только беспрестанно носится в толще вод, добывая пищу, но и взлетает в воздух. Получив на спинку неожиданный груз — в два-три раза тяжелее его самого, — он вынужден немедленно перейти на оседлый образ жизни под водой. Едва успев уцепиться четырьмя ногами за стебель тростника, самец приступает к роли наседки. Беспрепятственно шеvelя третьей парой волосатых ножек, он подгоняет насыщенную кислородом воду к кладке и отменяет мусор.

Для правильного снабжения кислородом некоторые клопы время от времени — но

с отменной регулярностью — высовывают спинку из воды: на воздухе яйца стремительно обсыхают, а в воде на них заводится грибок.

При оседлом виде жизни самец водяного клопа порой, увы, становится канибалом. Сорвавшийся со спинки яички попадают ему на стол. Впрочем, так или иначе, а вне отцовского инкубатора им не выжить. От двух до четырех недель длится инкубационный период, прежде чем первая — вот она на снимке — прозрачная нимфаличка вырвется из спелой порозовевшей оболочки в самостоятельное плавание.

КОЛЮЧЕЕ ЖИЛЬЕ

Перед высиживанием яиц птицы обычно ищут безопасные места для постройки гнезд. Привилегированное положение в этом смысле занимают совы, живущие в полупустынных районах Центральной и Южной Америки. Они устраивают гнезда... в стволах ошетилившихся шипами кактусов. Колючки служат надежной защитой от непрошенных гостей, а самим совам не причиняют ни малейших неприятностей, так что птицы — а главное, птенцы — чувствуют себя в полной безопасности.

БОЛЕЗНИ ВЕКА

Современная медицина победила много болезней, которые еще в XIX веке считались неизлечимыми. Но в то же время наше столетие породило такие заболевания, что даже одни только названия их повергли бы в ужас докторов прошлого. Среди них есть и вовсе необычные болезни — их симптомы стали наблюдаться совсем недавно.

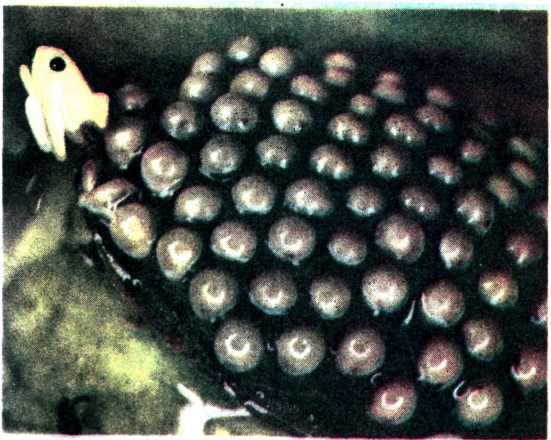
Например, что вы скажете о «слуховом дерматите»? Это кожное заболевание ушей, вызванное длительными разговорами по телефону. С телефоном связано и другое недомогание — «телефонный звон в ушах», — опять-таки удел тех, кто по долгу службы обязан часами разговаривать с дальними абонентами.

Частые полеты на авиалайнерах на большие расстояния могут вызвать разнообразное расстройство нижних конечностей, а стюардессы порой мучаются болезнью, которую в западных странах называют на жаргоне «джет тами» — «реактивный животик»: отек живота вследствие постоянного пребывания на больших высотах.

Телевизор тоже приносит «дары данайцев». Телезрители-фанатики «зарабатывают» болезни глаз, ног и шеи. По классификации, предложенной американским врачом Э. Планкеттом, эти заболевания так и называются: «ТВ-глаза», «ТВ-ноги», «ТВ-шея».

И, наконец, автомобилизм. Наиболее часто встречающийся у водителей недомогания — это боли в пятках, коленях, спине и... «мигрень от дворников».

Фармацевтических средств еще не придумали, но медицинские предписания тем не менее просты: не увлекаться телефонными разговорами, меньше времени просиживать у телевизора, больше бывать на свежем воздухе и ходить пешком.

УВЕКОВЕЧЕННЫЙ ОСЛИК

В парке Боргезе, почти в самом центре Рима, расположен памятник ослу, и не просто ослу, а «воинскому», нагруженному походным снаряжением. В сущности, это только часть скульптурной композиции. На соседнем постаменте установлена фигура итальянского горного стрелка в развевающемся плаще, с карабином в руках и патронташем на поясе. Это образ бойца горнотрелковых дивизий, которые сражались с войсками Австро-Венгерской империи, вторгшимися в северо-восточные районы Италии в годы первой мировой войны. А как мог итальянский горный стрелок обойтись без ослика — он и вынослив, и неприхотлив, и способен покорно таскать по крутым альпийским тропинкам тяжелую воинскую поклажу. Так и стоит в парке Боргезе эта неразлучная пара — бравоый карабинер и усталый ослик, весь вид которого, впрочем, показывает, что он готов следовать за своим хозяином куда угодно.

СЪЕЛИ ГОРОД!

Не так давно палеонтологи во время раскопок в Африке нашли окаменелое крылышко термита. После анализов выяснилось, что насекомому — 200 миллионов лет! И эта цифра ученых не удивила, хотя ранее термитов находили только в среднем мезозое (юра), но никак не в позднем палеозое (пермь). Эта группа насекомых одна из древнейших, а своей живучестью она обязана всеядности и мощным челюстям термитов «солдат». Ни голод, ни засуха, ни мор термитам нипочем: об их неразборчивости в пище и бестрашии перед препятствиями свидетельствуют следующие факты, собранные за несколько последних лет.

В одной из иранских тюрем эти насекомые проели стену из сырого кирпича настолько, что трем заключенным удалось... спокойно выйти наружу и скрыться.

В Австралии термиты прогрызли свинцовую (!) стену погребца, где в бочках хранилось около 7 тысяч литров пива. Бравые «солдаты», выпив большую часть пива, пробили путь в бильярдную соседнего отеля, проглотили там всю наличную древесину, а на закуску еще и бильярдные шары.

Наконец, совсем уж драматический случай произошел в Египте. Крестьянин из городка Бехера раскопал часть древнего кладбища и тем самым потревожил термитов. Миллионы насекомых отравились в поход на город. Жители в панике бежали. И вовремя. Через некоторое время постройки города были... съедены!

ПИЩА БУДУЩЕГО?

Водоросли... Гуляя по берегам озер и прудов, мы вряд ли задумаем я о том, что вода их насыщена микроскопическими растениями и перед нами — полуфабрикат «белкового супа». Между тем подсчитано, что если эти водоросли культивировать, то в будущем с гектара водных плантаций смогут получать столько же белков, сколько его содержится в 250 тысячах бифштексов.

По предположениям некоторых демографов, к 2050 году население Земли достигнет 7 миллиардов человек. Так вот некоторые альгологи — специалисты по водорослям — склоняются к следующей мысли: если пятую часть земной суши отвести под разведение водорослей, то полученного белка хватит, чтобы прокормить весь мир. Конечно, возникает множество вопросов. Не много ли — пятая часть суши? Какую землю и где именно отводить под водоросли? Как будет выглядеть новая пища? Какова на вкус, на запах? И так далее. Впрочем, будущее покажет...

ПОСАДИТЬ ДЕРЕВО...

Человек все еще не научился беречь дерева. Он сжигает древесину в кострах, печах, топках; пускает ее на производство бумаги; строит из нее дома. А лесов становится все меньше и меньше. Ситуация более чем тревожная: по оценкам экологов, всего век назад лесистость земной суши составляла 75 процентов, в наши дни — увы! — 28 процентов. Тропические леса нашей планеты исчезают со скоростью 20 гектаров в минуту! Эксперты предупреждают, что к концу столетия может начаться древесный (или лесной — как угодно) кризис, вдобавок к нынешнему энергетическому.

Во многих странах мира сейчас идут кампании лесопосадок, причем порой деревья высаживаются в самых неожиданных местах. Например, в Республике Чад, на окраине пустыни Сахары, на многие километры протянулись новые леса. В лесоводческую деятельность включилось множество людей. А успех предприятия обеспечивается, помимо энтузиазма, еще и материальная заинтересованность: каждый посадивший деревья получает в награду мешок муки.

ЗАПРЕТЫ НА СПОРТ

Любопытное открытие сделал английский журнал «Уикенд». Оказывается, королевская власть в Англии испокон веков не питала большой любви к спорту в целом и отдельным его видам в частности. Так, в средние века категорически запрещалось играть в футбол. Мотивировался этот запрет тем, что игра сия изобилует грубостями и количество жертв во время матчей нередко превышает число забитых голов. А короли Эдуард II и Эдуард III вообще наложили вето на спорт, дабы он не отвлекал молодежь от совершенствования в искусстве стрельбы из лука, столь необходимого во время войны. По этой же причине шотландский король Яков II запретил в 1457 году игру в гольф. Впрочем, королевская политика в области спорта знала и исключения. Например, Генрих VIII милостиво разрешил играть в кегли. Правда, лишь дворянам, но отнюдь не простолудьям.

«ВОКРУГ СВЕТА»

50 лет НАЗАД

МЕРТВАЯ ВОДА

Наш караван подходит к небольшой ложине среди пологих холмов. В ложине копошится несколько человек — это гетасы, водолазы, туземные гидротехники. Они откапывают засыпанные песками колодцы — «мертвую воду» и находят новую.

Безводие — главный бич Сахары, превративший когда-то цветущую страну в сожженную солнцем пустыню. В Сахаре никогда не бывает туманов и дожди заставляют себя ждать по целым годам. В земле туарегов по 10—12 лет не бывает сильного дождя. Из 6 миллионов 200 тысяч квадратных километров, занятых пустыней, только 200 тысяч приходится на оазисы, на маленькие цветущие земли у колодца или ручья, который питает водой растения и людей. Найти новый колодец — это значит создать новый оазис, отвоевать у пустыни новый клочок земли. Немудрено, что гетасы пользуются большим почетом.

В ложине была выкопана большая круглая яма — водоем для будущего колодца, который гетасы копали как раз посередине ямы. В стороне потрескивал костер из собранных в пустыне сухих веток тамариса.

Один из гетасов, сидевших у костра, встал и, заткнув себе уши ватой, напуганной жиром, направился к будущему колодцу. Обвязав себя верев-

кой, он спустился на дно уже глубокой ямы и стал копать заступом. Выбранную землю он клал в сплетенную из пальмовых листьев корзину, а его товарищи вытаскивали наполненные корзины наверх.

Поиски воды — трудная и опасная работа. Нередко гетасам приходится выкапывать колодец глубиной в 50 и даже 75 метров, а вода все не появляется. Наконец гетас слышит глухое журчание подземного потока, в последний раз ударяет тяжелым заступом и дает знать товарищам, чтобы его не настигла вырвавшаяся из-под земли вода.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ТАК ЛИ ТРУДНО НА 87-й?

Прилетел с 87-й станции. Двадцать с лишним лет изнурительной каждодневной работы давали себя знать. Конечно, карманы мои были набиты кредитками. Но разве могли эти чертovy бумажки убраться седину в моих висках, морщины у глаз, легкую хромоту и полную опустошенность? Да и могли ли они заставить меня забыть частые землетрясения, взрывы вулканов, потоки лавы и все застилающий пепел на той проклятой 87-й?

До чего мне осточертел режим этой ненавистной планеты! Я устал каждый день выходить на дежурство, не уверенный в том, что вернусь в наш бронированный бункер. Но это была работа, пусть и чрезмерно напряженная, но нужная...

Все эти мысли роились в моей голове, когда я твердо направил свои стопы к ближайшему бару. Толкнув дверь, я неожиданно увидел Джима, того самого Джима, с которым когда-то, как говорится, «сидели за одной партией». Его ставшее неизменно тучным тело свисало с тауретки, и, если бы не вечно тоскливые глаза, какие бывают у собаки, потерявшей хозяина, и легкое занкание, когда он обращался к бармену за очередной порцией пива, я бы наверняка не узнал его.

Но это был именно Джим, и спора быть не могло. Мою радость может понять лишь тот, кто, как и я, не видел Землю около четверти века и поэтому растерял всех своих прежних знакомых.

— Привет, Джим, — выкрикнул я, все же боясь, что ошибся.

Он повернул ко мне свое массивное оплывшее лицо, долго всматривался в меня, а потом вдруг совсем по-мальчишески резко, как будто не прошло этих двадцати с лишним лет, вскочил с тауретки и тут же навалился на меня своим грузным телом.

— Джордж, родной! А ведь я думал, что ты давно погиб на этой злосчастной 87-й станции, — пыхтел он, дыша на меня отличным черным пивом, о котором мы на этой «злосчастной» не могли мечтать. — И выглядишь ты прекрасно. Все так же подтянут и бодр в отличие от меня, разве что только немного поседел.

— Сам понимаешь, годы есть, годы. — Я смотрел на своего бывшего школьного друга, прекрасно понимая, что, несмотря на все свои перипетии, выгляжу куда моложе его. — Лучше скажи, что с тобой-то произошло? Надо же, ты и пиво, Никогда бы ни за что не поверил. Ведь ты даже после выпускных экзаменов отказался пить его вместе с нами. Да и когда меня провожали, ты был стоек. Ведь ты же раньше терпеть его не мог.

— Раньше, раньше... И ты бы его пил, как я, черт возьми, — сказал Джим, вытирая платком потное лицо. — Если бы жить хотел. Поверь, пил бы как мысленный почем зря. Я удивленно поднял брови, еще не понимая, что он имеет в виду.

— Ты что же, дорогой, думаешь, вам только трудно бывает? Посмотрел бы я на тебя, если бы у тебя в лаборатории сразу три плазматрона подряд рвануло. Конечно, может быть, ты и крепче, но у меня сердце сдало сразу. Наверно, так бы и помер от всех этих неприятностей, если бы не Майк. Ты наверняка помнишь его, рыжий такой, заумный. Теперь крупнейший медик. Вот он-то и посоветовал тогда к мотору моему, то есть к сердцу, стимулятор поставить. Знаешь, штукавина такая с проводками. Под кожу ее вшивают и к сердцу подсоединяют, чтобы оно лучше работало. Я было послал Майка — какие уж там стимуляторы, когда я и укол-то всю жизнь боялся. А тут тебя каждые пять лет резать будут, чтобы заменить какую-то идиотскую батарейку, без которой этот проклятый аппарат работать не будет.

Вот тут рыжий Майк и предложил мне отказаться от батарейки вовсе. От кого-то он там узнал, что обыкновенное пиво не хуже любой батарейки. Только опустить в него два электрода. Сначала было я ему не поверил, но он мне доказал. Помню, сначала какие-то схемы показывал, формулы. А потом даже радиоприемник, который от обыкновенной банки с пивом работает. Короче говоря, согласился я. Терять-то вроде нечего было, а жить хотелось.

Вшил он мне эти электроды в желудок, и теперь, если хочу, чтобы сердце работало, надо, чтобы стимулятор действовал постоянно. А для этого приходится пить пиво чуть ли не круглые сутки. Я и раньше-то его терпеть не мог, а теперь и вовсе ненавижу. Вот так, операций побоялся и вынужден всю жизнь мучиться. Но что поделаешь, жить-о надо... — И он, поморщившись, выпил еще одну банку пива.

Я смотрел на Джима, отпивая пиво небольшими глотками. И делал я это в свое удовольствие, а не потому, что это было необходимо.

Конечно, там было трудно, чертовски трудно на этой проклятой 87-й, но в глубине души я все же знал, что, если будет невмоготу, смогу плюнуть на все и улететь обратно, хотя, несмотря ни на что, я этого так и не сделал. И черт с ним, что там не было холодного пива, а даже если бы оно и было там, в нестерпимой жаре, с которой даже не всегда справлялись кондиционеры, я пил бы тогда, когда захотел, а не так, как Джим. Невольно подумалось, что мне на этой злосчастной 87-й было легче.

В номере использованы фотографии из журналов: «ГЕО» (ФРГ), «Нэчрл хистори» (США), «Нэшнл джиографик» (США).

Наш адрес: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-85; писем — 285-88-66; иллюстраций — 285-89-56; приложение «Иснатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1980 г.

Сдано в набор 05.08.80. Подл. к печ. 08.09.80. А01692. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,8. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 1165. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

«ДЕНЬ,

ЗАПОЛНЕННЫЙ САХАРОМ»

Культура сахарного тростника требует плодородных, богатых влагой почв, теплой погоды и ровного солнца. Всем этим условиям как нельзя лучше отвечает остров Барбадос — самый восточный из группы Малых Антиль. В сентябре — самом жарком месяце — температура здесь не поднимается выше двадцати семи градусов, а в самом холодном — феврале — не опускается ниже двадцати пяти. Восемь месяцев в году дуют здесь северо-восточные пассаты, умеряющие жару.

Всем этим набором сведений справочного характера прекрасно располагали англичане в начале XVII века, когда они захватили остров. До них Барбадосом владели испанцы, и в результате их деятельности на острове не осталось коренного индейского населения. Испанцы, главной целью которых было золото, и не пытались развивать на Барбадосе какое бы то ни было хозяйство, а возили индейцев для работы на рудниках Перу. Барбадосские индейцы были людьми мягкими и невинными, но на свою беду оказались совершенно непригодны к подневольному труду и вымерли.

Англичанам был нужен сахар. Ради его плантации был захвачен Барбадос, для этого же невольничьи корабли стали доставлять на остров негров из Африки. С тех далеких времен и до наших дней, когда Барбадос стал независимым государством, сахар определял жизнь острова так же, как определил его историю и заселение.

Из поколения в поколение барбадосцы работают на сахарных плантациях. А кто не работает на плантациях, занят на сахарных заводах, на перевозке сахара, на погрузке в порты, где трюмы кораблей заполняют все тем же сахаром.

Нехитрое на первый взгляд дело — рубить тростник. Уборка тростника почти не поддается механизации, и, как и триста лет назад, главное оружие тут — тяжелый нож-мачете и руки. Тростник вымахивает до шести метров, стебель его тонкий — сантиметров пяти в диаметре, но очень твердый. А срубить его надо одним ударом, потому что иначе начнет он до времени истекать сладким соком. Стоит срубленным стеблям полежать подольше под солнцем, и можно их уже не везти на фабрику: сок загустел.

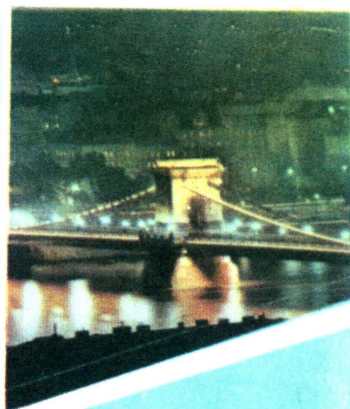
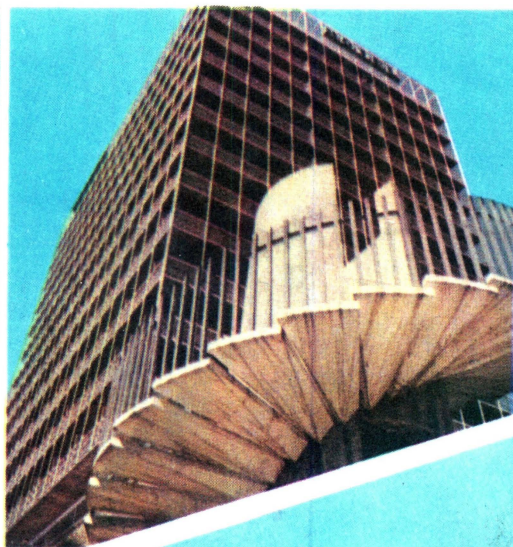
Пока одни рубят тростник, другие тут же грузят его на подводы и грузовички, чтобы успеть отвезти. Форман — бригадир — запевает, а рубщики подхватывают в такт своим взмахам: «Хэй-о-хэй! Мы под солнцем весь день, и на всей земле не бывает прохлады...» Убыстряется песня, убыстряются взмахи. У песни одна цель — задать работе ритм и хоть как-то ее облегчить. Кроме того, поющий человек не выйдет из ряда, не остановится передохнуть: когда песня спета, тогда только вытрет со лба пот, хлебнет из фляги воды.

Из этих трудовых песен вест-индских негров и родился тот богатый фольклор, который восхитает — на пластинках — слушателей, видевших сахар лишь в сахарнице.

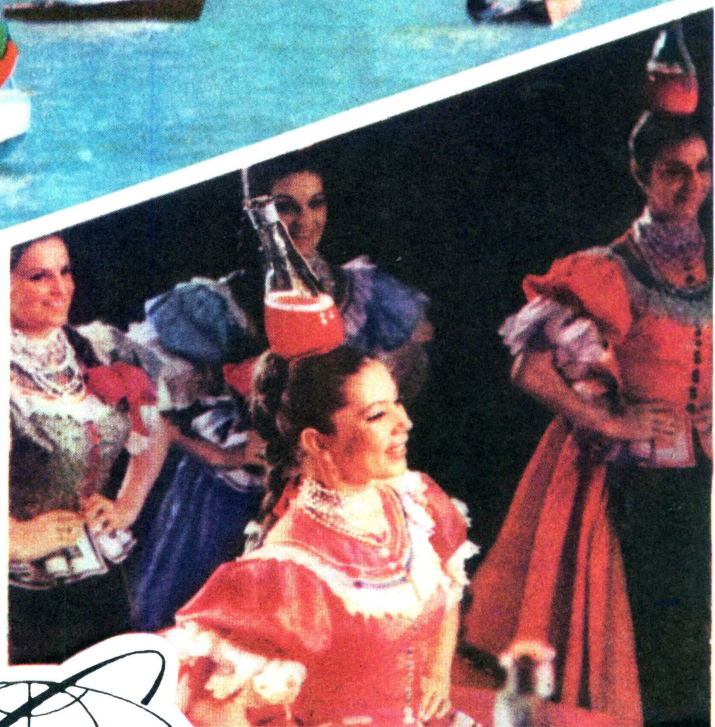
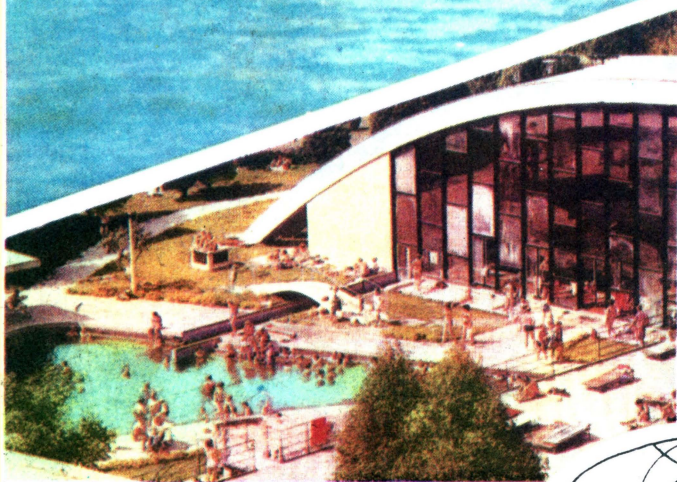
Форман запевает, а барбадосские негры подхватывают: «Дай, жена, мне кофе, я измучен работой, только не кладь туда сахару — я хочу отдохнуть...»

Л. ОЛЬГИН

ВЕНГРИЯ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Цена 70 коп.

Индекс 70142